

Библиотека советской фантастики

А. ЖАРЕНОВ

**ПАРАДОКС
ВЕЛИКОГО
ПТА**

Парадокс Великого Пта,

или экскурсия в прошлое,
битком набитая загадками,
размышлениями и предполо-
жениями о том, что было,
когда вроде бы ничего и не было

А. ЖАРЕНОВ

Парадокс
Великого
Тта

Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия». 1970

P2
Ж34

Художник
П. ЛУГАНСКИЙ

Жаренов Анатолий Александрович

ПАРАДОКС ВЕЛИКОГО ПТА. (Библиотека советской фантастики). М., «Молодая гвардия», 1970.
255 с. с илл.

Редактор *Б. Клюева*
Художественный редактор *Н. Печникова*
Технический редактор *В. Савельева*

Сдано в набор 17/III 1970 г. Подписано к печати 6/VII 1970 г. А02665. Формат 70×108¹/₃₂. Бумага № 2. Печ. л. 8 (усл. 11,2). Уч.-изд. л. 12,7. Тираж 100 000 экз. Цена 38 коп. Т. П. 1970 г., № 227. Заказ 361.

Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, А-30, Сушевская, 21.

ПРОЛОГ

...Шар раздулся, потерял форму и превратился в зеленое облако, плававшее над самой землей. От него во все стороны потянулись щупальца-отростки, и, когда один из них коснулся головы, Диомидов ощутил, как что-то мягкое и липучее обволокло мозг. На мгновение потемнело в глазах, затем брызнул яркий свет и одновременно над ухом прозвучал вопрос:

— Пора включать, Пта. Почему ты медлишь?

Диомидов вздрогнул. Впрочем, вздрогнул не он, а тот, бывший Диомидов, который существовал всего минуту назад. А он уже не был Диомидовым. Его звали Пта, и вопрос, который он услышал, относился к Пта. Прежнее диомидовское «я» отодвинулось очень далеко и чуть-чуть брезжило где-то в уголке сознания его теперешнего «я». На первом плане жил и действовал Пта.

— Я уже включил, — сказал Пта, мельком глянув на говорившего. — Теперь моя память проецируется на этот прибор.

Пта говорил медленно, как-то странно растягивая слова. Он не сказал «этот прибор». Он произнес очень длинную фразу, которую Диомидов перевел как «этот прибор». А прибор был не чем иным, как злополучным жезлом, на поиски которого они затратили столько усилий.

— Я не о том, — нетерпеливо перебил говоривший.

Пта — Диомидов внимательно посмотрел на него.

Пта подумал, что его собеседник нервничает.

Диомидов со смешанным чувством удивления и робости отметил, что он попал в весьма странную компанию. Его окружали существа, чем-то похожие на людей, и в то же время назвать их людьми было нельзя. У них были круглые глаза с прямоугольными зрачками и остроконечные уши. «Как у кошек», — подумал Диомидов. Но на этом сходство кончалось. И он тут же решил, что перед ним все-таки люди, странные, непривычные, но люди. Так думал Диомидов.

А Пта говорил, по-прежнему не спуская глаз с собеседника, выразившего нетерпение.

— Я повторяю, что еще не поздно покинуть установку. До катаклизма, который уничтожит все живое на планете, не меньше ста лет. Возможно, за это время наши великие умы сумеют найти выход из положения. Это возможно, но проблематично. Катастрофы повторяются (здесь Пта употребил несколько непонятных терминов), и каждый раз эволюция начинается, по существу, от нуля. О тех, кто был до нас, мы не знаем ничего. А те, что будут после нас? Неужели и им оставаться в неведении? Теперь, когда есть установка, способная забросить нас далеко в будущее...

— Пта, — перебил его все тот же кошкочеловек, — мы это знаем. Но ты забываешь о своем парадоксе. Ведь ответа на главный вопрос нет.

— Да, — сказал Пта, — нельзя знать, что будет на планете. Я понимаю твои опасения, Кти. Ты хочешь сказать, что, когда мы перейдем из мнимого существования в реальное, планеты может уже и не быть, Это так, Кти. Ты волен покинуть установку.

— Я остаюсь.

— Включаю защиту, — сказал Пта.

Часть I

ТАЙНА ЗА ТЫСЯЧУ ПЕСО

Глава первая

ФИОЛЕТОВЫЕ ОБЕЗЬЯНЫ

Странное и страшное обрушилось на мир, как снежный ком с горы. Газеты латиноамериканских стран прямо-таки захлебнулись в потоке противоречивой информации. Изо дня в день потрясенным читателям стали преподноситься сообщения такого рода:

«Сельва выплюнула марсиан, — писала «Глоб». — Отряды неизвестных существ появились на дороге в пятистах километрах от Рио. Они сеют смерть и ужас. Следите за нашей газетой».

«Человек-скат, — вторила «Универсаль». — Он идет из сельвы и несет неизвестную цепную заразу. Куда смотрит правительство?»

«Не надо паники, — утешала колумбийская «Нуэва пренса». — Они хорошие парни. Лючия укротила марсианина. Один из пришельцев забрел вчера в бар старика Себастьяна. Глазастая Лючия улыбнулась ему из-за стойки, и тот ее понял. Он выпил коктейль «Гуанако» и пошел спать. Пейте «Гуанако».

По радио стали передавать псалмы вперемежку с угрозами страшным судом. Телевизионные компании выбросили на экраны серию передач «Коммунизм идет с Марса», а под сурдинку транслировали порнографические фильмы. Паника перекинулась на биржу. В Гондурасе лопнули два концерна. Акции серебря-

ных и оловянных рудников, оказавшихся в эпицентре района, охваченного непонятной эпидемией, упали до нуля. В Венесуэле за два дня произошло два путча. К власти пришел диктатор Хуаннес, представитель крайней правой оппозиции и офицерства.

Казалось, мир сошел с ума. В район бедствия были брошены силы ООН. Наспех скомплектованные войска оцепили территорию, равную по площади трем Бельгиям. Был отдан строжайший приказ: под страхом смерти не пропускать через кордон ни одно живое существо. Над сельвой повисли вертолеты. Локаторы настороженно шевелили сетчатыми ушами. Мир готовился встретиться с какой-то страшной силой, страшной главным образом тем, что никто не знал, что она из себя представляет.

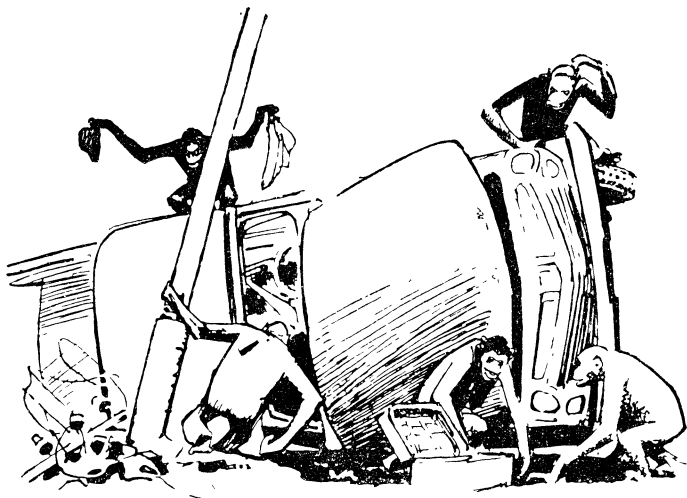
В центр пораженного района был послан разведчик на вертолете. Смелый летчик низко пролетел над одним из селений. Снимки, привезенные им, тут же были опубликованы во всех газетах мира. Фильм, который он заснял, транслировался телевизионными студиями круглые сутки. Летчик рассказывал:

— Трупы. На всех улицах трупы. А между ними бродят фиолетовые безволосые обезьяны. Нет, у них я не видел оружия. Я летал над мертвецами полчаса. Перевернутые автомобили, разбитые витрины магазинов, горящие дома — смерть и опустошение видел я...

А рядом с этим интервью та же «Трибуна» помещала иронический материал, начинавшийся словами:

«Миссионер Кориолис, известный ревнитель веры, проживший среди диких индейцев пять лет, отправился к пришельцам, чтобы приобщить их. Воздадим хвалу смелому падре».

Газеты на все лады комментировали случившееся. Правда соседствовала с вымыслом. Писали про марсиан и венериан, будто бы прилетевших на Землю. Нашлись «очевидцы», которые якобы видели, как в ночь, предшествовавшую началу событий, по небу пролетела армада светящихся тел. Писали о

«летающих блюдцах», о фотонных кораблях и о «лучах смерти», посылаемых на нашу планету из центра Крабовидной туманности. Астролог и телекинетик Вилли Браун из Филадельфии заявил, что он установил духовный контакт с пришельцами, и опубликовал беседу с их главарем.

Вилли. Зачем вы пришли к нам?

Пришелец. Мы должны были прийти.

Вилли. Кто вы?

Пришелец. Мы те, кого ждут.

Вилли. Вы поможете нам?

Пришелец. Да.

Вилли. Вы наше будущее?

Пришелец. И прошлое. И настоящее.

Известные астрономы мира опубликовали коллективное интервью, в котором начисто отвергли версию о пришельцах.

Ни в ночь перед происшествием, писали они, ни раньше ни одна обсерватория мира не наблюдала никаких светящихся тел.

Кто-то громогласно вопил об опасности с востока. Кто-то, не скупясь на выражения, писал в «Нью-Йорк таймс»:

«Коммунистическая зараза поползла по земному шару.

Долго ли мы будем безмолвными наблюдателями!»

В дансингах Нью-Йорка родился новый танец «Я хочу марсианина». Завсегдатаи баров пили коктейль «Питекантроп». Голливуд спешно снимал фильм «Моя жизнь с шимпанзе». На главную роль пригласили кинозвезду Глэдис Годфри. Газеты опубликовали ряд фотографий. Особенное впечатление на публику произвел снимок «Укрощение ревнивца». Улыбающаяся Глэдис вышибала шваброй пистолет из лап разъяренной обезьяны. По поводу швабры в печати было высказано несколько критических замечаний. Предлагалось заменить ее щеткой пылесоса последней модели сезона. Относительно шимпанзе критики не высказывались.

Из района же катастрофы долго не поступало никаких сообщений. Потом поползли слухи о том, что армия спешно отступает. Командующий объединенными силами выступил с опровержением. Он заявил, что газеты преувеличивают опасность и что для тревоги нет никаких оснований.

А слухи были вызваны небольшим происшествием. Часовой одного из постов заметил в лесу странное существо. Он хорошо помнил приказ: стрелять без предупреждения. Но любопытство оказалось сильнее. Он подпустил существо поближе. И увидел безволосую фиолетовую обезьяну. Часовой перепугался, забыл про оружие и бросился бежать. Обезьяна в два прыжка настигла солдата и повалила его на землю. На шум прибежали товарищи часового. Очередь из автомата покончила с обезьяной. Солдаты окружили пострадавшего и с ужасом наблюдали, как его кожа меняет цвет. Слово откуда-то изнутри по телу стали разливаться фиолетовые чернила. Солдаты с криками бросились врассыпную.

После этого пост был отнесен на несколько сот метров. И в районе бедствия наступило относительное затишье.

Сырым сентябрьским утром, в самый разгар обезьяньего бума, к одному из фешенебельных особняков аристократического квартала столицы заокеанской страны подкатил длинный темный лимузин. Из него вышел худощавый джентльмен. В холле его учтиво встретил вежливый лакей с непроницаемым лицом дипломата и проводил в комнату, где пришедшего ожидал другой джентльмен, несколько грузнее первого. Кивком отпустив лакея, хозяин особняка протянул руку худощавому.

— Я ждал вас, мой друг, — сказал он просто и сделал приглашающий жест. Оба сели в кресла у низкого столика, на котором лежала кipa газет. — Узнали что-нибудь о Хенгенау?

Худощавый покачал головой.

— А Вернер? Что с ним?

— Зигфрид? — спросил худощавый.

— Вы, мой друг, — мягко произнес полный джентльмен, — стали рассеянны. Или этот бедлам, — он кивнул на газеты, — вскружил вам голову? Конечно, Зигфрид. Надеюсь, с Отто все в порядке.

— Эти братья никогда не вызывали у меня симпатии, — поморщился худощавый.

— Что поделаешь, — вздохнул полный. — В историческом мусоре жемчужных зерен, как правило, не попадаетея. Но вы не ответили мне.

Худощавый джентльмен помолчал, собираясь с мыслями. Потом медленно произнес:

— Последнюю информацию от Зигфрида я получил дней за пять до этого, — он кивнул на газеты. — Он сообщил, что Хенгенау устроил Бергсону визу в Советский Союз.

— Каким образом?

— Место в посольстве. Зигфриду удалось узнать, что Хенгенау направил Бергсона в Россию с неким деликатным зада-

нием. Вероятнее всего, на встречу с Отто, потому что месяца за два до... — опять кивок на газеты, — Хенгенау отправлял с дипломатической почтой конверт с заданием для Отто.

— Конкретно?

— Что-то совершенно фантастическое. Хенгенау обнаружил в сельве древнеиндейский храм со странными статуями. У одной из них в руке прежде, по-видимому, был жезл с загадочными свойствами — о них Зигфриду известно только то, что они весьма загадочные. Жезл этот волею случая оказался в России. И еще...

— Занятно, — пробормотал полный джентльмен. — Что же еще?

— А то, что Хенгенау усматривает некую связь между свойствами этого жезла и своими работами.

— О которых мы тоже плохо осведомлены, — подытожил полный джентльмен. — Итак, — сказал он, подумав, — мы потеряли связь с Зигфридом. Хенгенау или погиб... Или?.. — Он многозначительно взглянул на худощавого.

— Думаю, такая возможность допустима...

— Кто знает, кто знает, — покачал головой полный джентльмен. — Я никогда не верил этим одержимым ученым мизантропам. Они способны на любую пакость. Кстати, в каком состоянии находились работы Хенгенау?

— По последним данным, в стадии завершения.

— Тем более, — задумчиво произнес полный джентльмен.

— А может, он хочет поторговаться? — предположил худощавый.

— Способ не из лучших. Впрочем... — Полный джентльмен стряхнул пепел с сигареты. — Впрочем, если это и так, то нам надо остаться на высоте. В любом случае, — подчеркнул он. — Вы можете связаться с Бергсоном?

— Думаю, да.

— Жаль, что с Отто сейчас нет прямой связи, — сказал полный. — Но в конце концов и этот вариант неплох. Мы да-

дим команду Бергсону, чтобы он вступил в контакт с Отто от нашего имени, и, таким образом, выйдем из рук Хенгенау инициативу. А если Хенгенау мертв, то это тем более необходимо. Посмотрим, что за вещь он собрался добыть. Я, правда, не уверен, что это вещь стоящая. Однако чем черт не шутит. Если верить газетам, мы не зря вкладывали деньги в Хенгенау.

— Значит? — спросил художавый.

— Распределим функции. Операцию с Бергсоном и Отто я возьму на себя. А вам следует побывать в ставке. Попробуйте проникнуть к лаборатории Хенгенау.

— Ну что ж, — кивнул художавый. — Логично.

— Заодно проследите, чтобы ученых к этому делу не допускали.

Художавый молча наклонил голову и попрощался с полным джентльменом. Из холла он позвонил в аэропорт, потом к себе домой. И через час скоростной самолет мчал его в Рио...

Ставку командующего объединенными силами государств осаждали родственники оставшихся в пораженной зоне людей и корреспонденты радио, печати и телевидения. Все требовали сведений и еще раз сведений. Но ставка молчала.

Художавый джентльмен, прибыв в Рио, сразу же позвонил командующему из отеля и, не теряя времени, отправился к нему. Командующий, старый человек с одутловатым лицом, выслушал просьбу и медленно сказал:

— Я не могу рисковать. Разведчики, ушедшие в зону, не вернулись. Мы ничего не понимаем. — Он слабо взмахнул рукой. — Врачи говорят, что медицина не знает аналогов этому. Единственное, за что они ручаются, — полная безопасность контакта с трупами жертв. Мертвые не кусаются, — усмехнулся командующий. — А вот живые...

— Что? — наклонился к нему художавый джентльмен.

— Мгновенный шок, потом кожа приобретает фиолетовый оттенок, лицо теряет человеческие черты, глаза тускнеют.

— И?..

— Человек или умирает, или превращается в дикое животное. Самое страшное, что он начинает представлять опасность для окружающих. Какая-то цепная зараза. И это не вирус, не бацилла. Словом, что-то новое, неизвестное Земле.

— Марсиане? — усмехнулся приезжий.

— Не знаю, — устало заметил командующий. — Но это страшно, клянусь вам...

— И все-таки я прошу.

— Я не могу, — отвел глаза старик.

Худощавый джентльмен рассеянно повертел кольцо на пальце, потом наклонился к уху командующего и прошептал несколько слов. Старик испуганно отстранился.

— В таком случае, — пробормотал он. — В таком случае ответственность...

— Вы пропустите вертолет. Туда и обратно.

— Но вы не?.. — начал командующий.

— Нам «марсиане» не нужны. Не нужны, — подчеркнул посетитель, вставая.

Вернувшись в отель, он связался с полным джентльменом и сообщил, что его миссия развивается нормально. Тот проворчал в ответ об осторожности и положил трубку. Худощавый усмехнулся, постоял недолго у телефонного столика, о чем-то раздумывая, потом принял ванну и вызвал машину.

Автомобиль мягко тронулся с места. Взгляд пассажира скользил по витринам магазинов. За зеркальными стеклами корчились фиолетовые манекены. Реклама торопилась за быстротекущей жизнью. Лиловые обезьяны предлагали проходим сигареты «Йети», мыло «Бездна», коктейль «Питекантроп». Где-то далеко отсюда высвеченная лучами мощных юпитеров Глэдис Годфри, млея от отвращения, целовала шимпанзе. Розовый режиссер орал на нее. Розовому режиссеру казалось, что Глэдис вкладывает в поцелуй мало чувства. И Глэдис вкладывала больше. Потому что ей нужны были деньги. Они нужны были всем. И телекинетику Вилли Брауну, и розовому режиссеру, и

даже художавому джентльмену, который ехал сейчас ужинать в одно модное заведение.

Над городом сверкала неоновая радуга. А по городу брел толстый неумытый блондин. Он заходил в бары, наклонялся к кому-нибудь из посетителей и шептал, обнажая нечистые зубы:
— Тайна. Великая тайна. За тысячу песо я расскажу вам о пришельцах.

Блондина не слушали. Пришельцами публика была сыта по горло. О тайнах кричали газетчики на всех перекрестках. Но блондин знал больше, чем газеты. Потому что он пришел из-за кордона. Его не заметили ни люди, ни локаторы. Он пришел из мест, пораженных фиолетовой чумой, счастливо избежав заражения. Правда, он слегка помешался. Но в этом не было ничего удивительного. Не каждому удастся пережить такое.

Никто не хотел давать тысячу песо блондину. И он неприкаянно бродил между людьми. А вместе с ним по городу бродила тайна, за которую любая газета заплатила бы в десять раз больше, чем просил несчастный сумасшедший.

Блондин прошел мимо модного заведения, где ужинал художавый джентльмен. Последний не поскупился бы на тысячу песо. А может, отдал бы и больше.

Но художавый лениво потягивал ледяной коктейль и смотрел на тощую певицу, сообщавшую с эстрады утробным голосом:

Спустился ангел с высоты
И заглянул мне за корсет.

Певице тоже нужны были деньги.

Грязный блондин забрел в портовую часть города. Ему хотелось есть, но не на что было купить даже гнилой банан. Его привлек острый пряный запах, доносящийся из раскрытых две-

рей третьеразрядного бара. Он сделал стойку и нырнул, раздувая ноздри, в помещение, наполненное гулом голосов и звоном посуды.

— А я говорю, они не кусаются! — кричал в ухо своему собеседнику рыжебородый великан.

Тот, навалившись грудью на стол, икал и бормотал в промежутках между приступами:

— Когда мы ходили на Фиджи...

Закончить фразу ему не удавалось. Мешали икота и крик рыжебородого.

— Блеф! Все блеф! Никуда вы не ходили, Сэм Питерс. Вы всю свою ничтожную жизнь проторчали в этом вонючем кабаке. Это так же верно, как то, что меня зовут Гопкинсом.

— Когда мы... — начал снова Сэм, но на половине фразы уронил голову на стол и захрапел.

Рыжий Гопкинс сердито отвернулся и заметил блондина, застывшего в нерешительности у входа. Гопкинс находился в том блаженном состоянии легкого подпития, когда человеком овладевает неудержимая потребность разговаривать на отвлеченные темы. Он подмигнул блондину.

— Эй, парень, иди сюда.

Питерс поднял голову, посмотрел остекленевшими глазами на блондина, примеряющегося к стулу, пробормотал: «Черепашки» и опять захрапел. Гопкинс подвинул блондину бутылку, выдернул из-под носа у Сэма стаканчик и плеснул в него виски.

— Пей.

Блондин накинул на еду. Гопкинс, выждав немного, спросил:

— Ты кто? Немец? Швед?

Блондин проглотил кусок мяса и пробормотал:

— Тайна. Тысячу песо, и я расскажу вам тайну.

Гопкинс удивленно уставился на него, потом громко заржал:

— Ты ошибся адресом, приятель. За тайны платят в президентском дворце. А здесь пьют честные моряки.

Он налил стопку, ловко опрокинул ее и, вытерев бороду, заметил:

— Брось трепаться. И жри. Плачу я...

— Тысяча песо, — упрямо повторил блондин.

— Да ты совсем спятил, — удивился еще больше Гопкинс. — Проклятые газеты! — Он потряс волосатым кулаком. — Третий сумасшедший за один день!

В бар ворвался шустрый мальчишка-газетчик. Размахивая пачкой газет, он побежал между столиками:

— Свежие новости оттуда! Фиолетовая проказа поражает молниеносно! Человечество может быть спокойно! Самый модный цвет платья — цвет дождевого червя!

Блондин вздрогнул и заерзал на стуле. Гопкинс наклонился к нему и участливо спросил:

— У тебя жена там осталась? Или родственники?

Блондин отрицательно покачал головой. А от соседнего столика поднялся чернявый субъект в потрешанной куртке и встал сзади блондина.

— Что за тип? — спросил он рыжебородого.

— Черт его знает, — откликнулся Гопкинс. — Сумасшедший, продает тайну.

— Тысяча песо, — пробормотал блондин. Он уже изрядно охмелел и плохо соображал, где он и что с ним. Чернявый с любопытством разглядывал его.

— Может, я и дам тебе тысячу, — сказал он задумчиво. — Но я должен знать, за какой товар плачу деньги.

— Меня зовут Зигфрид. Зигфрид Вернер, — пьяно пробормотал блондин.

— Мою тетку зовут Хильда, — жестко сказал чернявый. — Она живет в Лиссабоне на самой широкой улице.

Гопкинс захохотал. Он любил остроумных людей и сразу проникся симпатией к чернявому.

— Выпей, парень, — сказал Гопкинс, протягивая бутылку. Чернявый отстранился.

— Погоди, — проговорил он. — Налей лучше этому... Зигфриду.

Гопкинс наклонил бутылку, но тут внезапно поднял голову Питерс. Взмахом руки он сшиб со стола всю посуду и свирепо потряс кулаком перед носом Зигфрида.

— Толстая крыса! — заорал он на весь погребок. — Зигфрид! Сволочь! Ты такой же Зигфрид, как я президент Панамы! Клянусь!..

Рыжебородый Гопкинс с трудом усадил разбушевавшегося приятеля. Чернявый незнакомец сверлил блондина острым взглядом. Из углов бара на скандал потянулись любопытные. Сэм, отталкивая руки Гопкинса, кричал:

— Как он смеет? Это же Отто! Отто Вернер — блокфюрер! Гад, даже не потрудился сменить фамилию... А Маутхаузен ты помнишь? Тогда ты был чистеньким и розовым... Сука! Ты ловко стрелял в наши загривки...

— А ну-ка, ну-ка, — поощрительно бросил чернявый.

Сэм, не слушая его, продолжал кричать о том, что он знает этого гада, что самозванный Зигфрид не кто иной, как начальник одного из блоков Маутхаузена, в котором ему, Сэму Питерсу, бывшему летчику его величества короля английского, пришлось провести полгода, и что из-за этого теперь Сэм Питерс уже не летчик, а ничтожное существо, бич, скитающийся в поисках случайной работы из одного порта мира в другой. Из рта Сэма попеременно с ругательствами вылетали фразы о немедленном суде над военным преступником и о виселице, которая, по мнению Сэма, далеко не достаточная мера возмездия за все совершенные Отто Вернером преступления.

Выпалив все это одним духом, Сэм замолчал, с ненавистью глядя на того, кто называл себя Зигфридом. И во внезапно наступившей тишине присутствующие услышали голос толстого блондина.

— Я не Отто. Отто — мой брат. Но он умер.

Это заявление вновь вызвало приступ бурного негодования у Сэма. Взгляд чернявого выражал заинтересованность.

Пожалуй, он один из всей компании помнил о том, что блондин продавал какую-то тайну. Он подмигнул рыжему Гопкинсу и отошел к стойке. Разрушение, причиненное руками Сэма, было быстро ликвидировано. Столик наполнился разноцветными бутылками. Питерс, бормоча проклятия, потянулся к стакану. Любопытные, увидев, что ссора иссякла, разбрелись по своим местам. Чернявый, непрерывно болтая, следил, чтобы посуда не пустовала, и вскоре добился своего. Сперва Питерс, а потом Гопкинс охмелели настолько, что не выразили протеста, когда чернявый повел Зигфрида к выходу. Блондин не сопротивлялся.

Тайна вновь вышла на улицы. Только теперь никто не просил за нее тысячу песо.

Глава вторая

СОСЕНСКИЙ АПТЕКАРЬ

Так обстояли дела к тому дню, когда Ромашов впервые встретился с Мухортовым.

— Шах, — лениво произнес Ромашов, передвинув ладью на черное поле. И добавил, потянувшись до хруста в костях: — Удивляюсь, чего вы упираетесь? Ботвинник в подобных ситуациях сдавался.

Мухортов смешал фигуры.

— Вы правы. Шахматы придумал умник. Мыслитель с железной логикой. Изобретатель игры был, вероятно, худым и длинным, как коромысло. Вот только очков не носил. Очки были выдуманы позднее.

— Намек? — прищурился Ромашов.

Мухортов усмехнулся:

— Что вы. Просто приятно побеседовать с интеллигентным молодым человеком. Вы уж извините... Не часто в наш Сосенск приезжают выдающиеся шахматисты.

— Лесть? — засмеялся Ромашов и погрозил пальцем.

— Меня тянет к новым людям, — признался Мухортов. — Я, наверное, засиделся в Сосенске. Столько лет в провинции. Аптека — это ошибка молодости. Раувольфия серпентина уже не вызывает у меня прежнего священного трепета. Белые таблетки резерпина продаются без рецепта. Все механизировано, все доступно. Люди прочно забыли, что гран когда-то отмерялся на кончике ножа, а водка была лекарством. Они идут в аптеку, как в магазин. Разве не так? Фармакопия перестала быть искусством, фармацевт его жрецом. Ныне нас даже ремесленниками не назовешь. Что? Не спорьте со мной...

Ромашов снял очки и покрутил их за дужку. Он и не собирался спорить с этим смешным стариком. В Сосенск Ромашов приехал несколько дней назад. Тихий дачный городишко на вновь назначенного уполномоченного КГБ особого впечатления не произвел. Работы было немного. Будущее, вероятно, тоже не сулило никаких чрезвычайных дел. Можно было спокойно оглядеться.

Мухортов постучался к нему в первый же вечер.

— На правах соседа по квартире, — сказал он, остановившись в дверях. — Может, вы заболели в дороге? Я могу помочь.

Ромашов вытащил из чемодана бутылку коньяку и приветственно помахал ею. Аптекарь понимающе подмигнул и принес две хрустальные рюмки, похожие на головастики. Под мышкой он держал шахматную доску.

— За приятное знакомство, — сказал он, выпив рюмку, и пощипал бородку.

И зачастил к Ромашову. Он приносил с собой шахматы, и Ромашов не без удовольствия обыгрывал старика. Аптекарь не обижался. Проигрыши его не раздражали. Ему просто нужно было общество. Молодой уполномоченный, не успевший еще завести прочных знакомств в Сосенске, вполне подходил для этой цели. Конечно, Ромашову было бы приятнее провести вечер в обществе интересной заведующей местной библиотекой, которую он заприметил на читательской конференции, куда

забрел однажды. Но никто не догадался познакомить его с девушкой, а сделать это самостоятельно Ромашов не решался. Он был стеснительным человеком и расплачивался сейчас томительными вечерами за шахматной доской и разговорами о раувольфии змеиной. Сегодня аптекарь тоже не собирался менять тему.

— Думаете, чем я озабочен сейчас? — говорил он. — Как бы не провалить план. Да, у аптеки тоже есть план. В рублях, конечно. Но это пока... Если довести дело до логического конца, то с меня надо спрашивать план в ассортименте. А сколько там недопродано норсульфазола в сентябре? Почему вы, товарищ Мухортов, не обеспечили план по норсульфазолу? Смешно? А меня раздражает. Это так же глупо, как планировать штрафы на железной дороге.

— Не стоит усложнять, — откликнулся Ромашов.

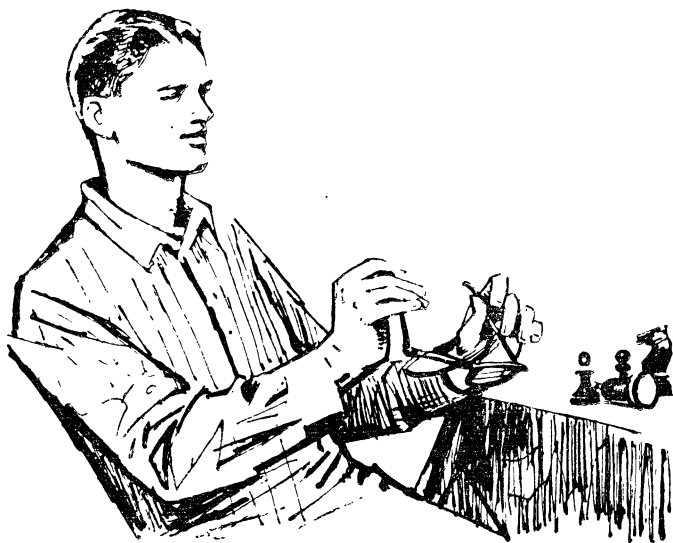
Он плохо слушал старика. Лениво переставляя фигуры, гадал: пройдет сегодня библиотekarша мимо окна или не пройдет? Если пройдет, то он познакомится с ней. Правда, Ромашов знал, что она не могла не пройти: девушка ежедневно возвращалась с работы одной и той же дорогой. Но ему нравилось загадывать.

— Не стоит усложнять, — повторил он.

И подумал, что сам он тоже любит чрезмерно усложнять. Зашел бы в библиотеку и познакомился. Что его останавливает? Чего он ждет?

Красное пальто промелькнуло за окном. «Дурак», — подумал Ромашов и отвернулся. Мухортов, собирая фигуры, бормотал:

— Амбруаз Паре в свое время написал «Трактат о ядах». Очень, скажу я вам, полезная книга была. Короли и герцоги читали ее запоем. А что может аптекарь сочинить сейчас? Выдумать универсальную приманку для рыбы? Почему вы не избрали шахматное поприще? У вас отличная форма. Вы могли бы блестяще выступать в турнирах. Что вас привлекло в

этой... этой вашей работе? Человек должен быть заметным. У вас нет честолюбия?

— У меня есть интерес, — сказал Ромашов. — А шахматы? Шахматы — это хобби. И потом: если все станут выделяться, то кто их будет замечать?

Мухортов вздохнул.

— Ну, а вы? — спросил Ромашов. — Вы изобрели универсальную приманку? Или вас уже не волнуют лавры Амбруаза Паре?

— Увы, — сказал аптекарь. — Борьба за план по норсульфазолу отнимает уйму времени. Я не успеваю даже читать газеты. А там сейчас так много интересного. Обезьяны эти хотя бы... Кстати, как вы относитесь к обезьянам?

Ромашов не знал, как он относится к обезьянам. Сосенск располагался очень далеко от Москвы. И еще дальше от бе-

регов Амазонки, где развернулись какие-то непонятные события. Эхо обезьяньего бума долетало до Сосенска в сильно ослабленном виде. Мухортову он сказал:

— Вероятно, так же, как и вы...

Аптекарь задумчиво пощипал бородку.

— Это очень сложно, — пробормотал он. — Но мне кажется, я знаю человека, который располагает более обширными сведениями...

— Вот как, — удивился Ромашов.

У него мелькнула мысль, что старик просто тихий шизофреник. И глаза неестественно блестят. И эта болтовня о составителе трактата о ядах...

— Вот как, — повторил он, изучающе разглядывая старика.

Аптекарь махнул рукой и усмехнулся.

— Я знаю, что вы сейчас подумали, — сказал он. — Конечно, странно. Что может знать провинциальный аптекарь об амазонских обезьянах? Я и не знаю ничего. Почти ничего... Но здесь, в Сосенске, живет человек, который, я уверен... Потому что... Словом, я немного психолог... И я некоторым образом дружен с Беклемишевым. Да, его фамилия Беклемишев. А почему я говорю с вами? Вы случайно оказались моим соседом... Мне кажется, это представляет интерес для вас... Государственная безопасность, так сказать... Я не сообщил вам сразу потому, что... Ну, в общем, вы меня понимаете?

— Смутно, — сказал Ромашов. — Нельзя ли поконкретнее?

Аптекарь пощипал бородку и заговорил вновь. Начал он издалека.

Беклемишев увидел ее на балу у губернского предводителя дворянства. И понял: да, это она, женщина его грез. Его не смущал холодный огонь, горевший в ее глазах. Таким огнем, наверное, пылали глаза Клеопатры. А ее длинная шея была шеей Нефертити. Молодость всегда ищет идеал. Беклемишев создавал идеал по частям. И вдруг увидел его. И он влюбился, если молчаливое поклонение кумиру можно считать любовью...

Ромашов искоса взглянул на Мухортова. Старик, покачиваясь на стуле, размеренно повествовал о другом старике. Говорил он серьезно, даже с оттенком некоторой трагедийности в голосе. Но в представлении Ромашова рассказ аптекаря упрямо окрашивался в иронические тона. Слишком далеко от него был старик Беклемишев с его незадавшейся любовью, слишком давно все это происходило, чтобы можно было принять всерьез. Нет, Мухортов не был сумасшедшим, как это показалось сначала Ромашову. Он был просто старомодным чудаком...

За ней ухаживали многие. Земский врач Столбухин, астматический хлыщ лет сорока, каждый день напоминал о себе букетами георгинов. Франтоватый штабс-капитан Ермаков, кутила и игрок, увивался возле нее на балах и концертах.

А Беклемишев? Его ночи были по-прежнему душными и бессонными. Он приказал не топить камин в спальне. Но это не помогло. Он все время думал о ней, думал чуть ли не до галлюцинаций. По ночам он видел ее в мерцающей глубине каминного зеркала.

Можно было разбить зеркало. Но Беклемишев не сделал этого. Божество жило неподалеку, на Карасунской, в высоком трехэтажном доме со львами у входа. Лакей проводил Беклемишева наверх. Она встретила его улыбкой. Это была улыбка Клеопатры и Нефертити одновременно. Она указала Беклемишеву на колченогую козетку и села рядом...

Так была поставлена точка над *i*. Провинциальная богиня не поняла уездного Дон-Кихота. Богиня не умела мыслить отвлеченными категориями. Штабс-капитан из местного гарнизона был ей понятнее. Она знала, чего хочет штабс-капитан, и не понимала Беклемишева. Она недвусмысленно намекнула печальному рыцарю на свое земное происхождение.

Беклемишев хотел застрелиться. Но, не сделав этого сразу, он уже не возвращался к мысли покончить со своей любовью столь тривиальным способом. Ему показалось, что есть лучший выход.

Почему он отправился в Южную Америку? Может, потому, что еще в детстве, изучая английский, прочел записки Уолтера Рэли, королевского пирата и царедворца. Может, сказочная страна Эльдорадо привлекла его. А может, Амазонка оказалась ему достаточно широкой и глубокой, чтобы утопить в ней свою неразделенную любовь...

Ручеек слов перестал течь... Ромашов приоткрыл глаза. Мухортов, пощипывая бородку, смотрел в сторону.

— Так, — подбодрил его Ромашов. И подумал, что предисловие несколько затянулось. Если Мухортов решил его усыпить, то он может быть доволен. Цель почти достигнута.

— Он написал отчет о путешествии, — медленно произнес Мухортов. — Потом... Понимаете? И послал его в столицу...

— Допустим, — сказал Ромашов.

Аптекарь снова пощипал бородку.

— Это было еще до революции. Он так и не получил ответа. Отчет затерялся. Я предлагал Сергею Сергеевичу помощь. Но он сказал, что не имеет смысла... Сердился, как только я затрагивал эту тему... Щепетильный человек... Гордый... Отвергнутый... Теперь вы понимаете, для чего я рассказал историю его любви. Непризнание — это вторая травма...

— Подождите, — перебил его Ромашов. — А откуда у вас такая... м-мм... уверенность, что ли, в научной ценности его работы?

— Честно говоря, — сказал, подумав, аптекарь, — у меня не было уверенности... До последнего времени... Я... Не знаю, как выразиться поточнее... Словом, я сидел у Беклемишева, когда почтальон принес газету с первым сообщением об обезьянах... Сергей Сергеевич, надо сказать, очень сдержанный человек. Не бесстрастный, а именно сдержанный. На его лице вообще нельзя ничего прочитать. Только очень близкие люди понимают, когда он волнуется или сердится... И я... я заметил, что обезьяны его взволновали. И имел неосторожность спросить... И он сказал мне: «Вам этого не понять, Мухортов. А я уже видел их однажды. И при очень странных обстоятельствах. И знаете что, дорогой мой Мухортов, мне казалось, что я присутствую при конце света». Потом он замолчал, замкнулся. Что бы вы подумали на моем месте?

— Не знаю, — покачал головой Ромашов. — На основании таких незначительных фактов гипотезы строить трудно. Это все, что вам известно?

— Да. Нам не довелось больше поговорить. К Сергею Сергеевичу приехали родственники. Тужилины. В доме ежедневно гости, шум, суета. Сейчас Тужилины собираются на рыбалку. Меня приглашают принять участие...

Ромашов зевнул. Провинциальные оракулы его не занимали. Сосенск и Амазонка не укладывались на одной плоскости. Воображение отказывалось искать глубокую связь между нынешними событиями и теми, давними. «Конец света». Это уже

пахло мистикой. Кроме того, если отчеты Беклемишева и существуют, ценности они наверняка не представляют. Иначе ими давно бы заинтересовались.

— Вы не знаете Беклемишева, — сказал аптекарь, будто угадав его мысли. — А я живу с ним рядом несколько десятков лет. Вы могли бы найти отчеты. Не обязательно лично вы... Но вы понимаете?..

— Понимаю, — улыбнулся Ромашов. — Только не все. Ведь отчеты кто-то читал. И этот кто-то, возможно, не был профаном...

Аптекарь задумался.

— Тогда и сейчас, — сказал он медленно. — Тогда было одно. Сейчас — другое. Вспомните, как относилась официальная наука к изобретениям Попова, Столетова, Кибальчича, наконец.

В словах Мухортова не было резона. И Ромашов не торопился обещать ему что-либо. Одно дело — Попов. И совсем иное — Беклемишев. Попов был изобретателем, а Беклемишев — оракулом. Сравнению эти фигуры не подлежали.

Мухортов потоптался в прихожей, уныло пощипал бородку, церемонно раскланялся и закрыл за собой дверь. Ромашов не стал его останавливать. Присел к столу, отхлебнул из стакана остывший чай и засмеялся. Потом подошел к окну. На Сосенск уже опустился вечер. По стеклу струились редкие капли налетевшего дождика. Ветер легонько раскачивал ветви деревьев. Сыпались листья. На улице было темно и пустынно. Ромашов зажег свет и убрал со стола посуду. День кончился, можно было ложиться спать.

Уже натягивая одеяло на подбородок, Ромашов подумал, что надо попросить Мухортова познакомить его с Беклемишевым. Завтра это едва ли возможно. Завтра Мухортов с дачниками отправляется на рыбалку. Ну что ж. Дело терпит. А какое тут, собственно, дело? В Сосенске живет человек, который больше полувека назад предупреждал мир о появлении фиолетовых обезьян. А мир не прислушался к его словам, презрел их,

и вот теперь обезьяны вылезли из джунглей, а отвергнутый предсказатель уединился в Сосенске и хранит гордое молчание. Да, с одной стороны, все это, грубо говоря, выглядит смешно. А с другой?

О том, как все это выглядело с другой стороны, Ромашов узнал через день.

Прописные истины всегда раздражали Ромашова своей категоричной определенностью. Прописная истина утверждала, например, что если Земля — шар, то ничем иным она быть не может. Когда он учился в школе, учитель географии уверенно доказывал, что так оно и есть. И Ромашов ему верил. Позднее он узнал, что Земля вовсе не шар, что она скорее похожа на грушу. Этому верилось с трудом. Так же как и тому, что параллельные пересекаются; так же как и тому, что время относительно и в разных системах отсчета протекает по-разному.

Бронзовая Диана смотрела бронзовыми глазами на Ромашова, копавшегося в письменном столе Беклемишева. Сам Сергей Сергеевич лежал на другом столе в соседней комнате. Врач сказал, что это произошло ночью, где-то между двенадцатью и часом. И многоопытный капитан милиции Семушкин, первым вошедший в кабинет старика, тут же понял, каким способом Беклемишев покончил счеты с жизнью. Пистолет «вальтер» валялся около кресла. Свесившаяся рука старика почти касалась пола. Капитан провел баллистическую экспертизу. Пуля, пробившая череп Беклемишева, находилась именно в том месте стены, где ей, казалось Семушкину, и надлежало быть.

Поэтому приговор капитана выразился в одном слове: «Самоубийство». Подумав, он извлек из своего рта еще три слова: «Без видимых причин».

Допрашивал родственников старика — супругов Тужилиных, гостивших у него, — капитан Семушкин лениво. Он знал, что в эту ночь их не было дома. Тужилины вместе с заезжим

писателем Ридашевым и аптекарем Мухортовым ездили на рыбалку, домой вернулись только утром.

Анна Павловна Тужилина непрерывно ахала, прижимая платочек к глазам. Ее супруг Василий Алексеевич, работник одного из московских НИИ, угрюмо морщился, пожимая плечами на все хитроумные вопросы капитана Семушкина относительно того, откуда взялся у Беклемишева пистолет «вальтер». Уяснив наконец, что от бестолковых родственников он ничего не добьется, капитан перешел к допросу аптекаря. Тот показал, что он, хотя и знает Беклемишева больше сорока лет, про пистолет никогда не слышал.

К середине дня капитан, оставив вопрос о пистолете открытым, закончил формальности. Анна Павловна и Василий Алексеевич поставили свои подписи под протоколом. Тело Беклемишева еще раньше увезли на вскрытие. А Ромашов все никак не хотел покидать место происшествия. Что его удерживало в комнате самоубийцы? Версия капитана Семушкина выглядела убедительно, как прописная истина, снабженная рядом доказательств. Земля — шар, говорил учитель географии. И тогда у школьника Ромашова не находилось причин для сомнений. Почему же сейчас он сомневается в аргументах, которые привел капитан Семушкин?

Бронзовая Диана натягивала лук. Ромашов щелкнул ее ногтем по звонкому носу и задвинул последний ящик на место. Все бумаги старика были просмотрены. Бумаги не представляли для следствия никакой ценности. Да и нужно ли следствие? Капитан Семушкин был недоволен вмешательством Ромашова в ясное, как апельсин, дело и не скрывал этого. Бывают самоубийства и без видимых причин. Капитан это отлично знал. Не знал он, правда, того, что было известно Ромашову со слов аптекаря. Но было ли это причиной?

Из соседней комнаты доносились голоса. Супруги Тужилины и аптекарь Мухортов обсуждали происшествие.

— Ужасно, — выпевала Анна Павловна. — Кто бы мог подумать?

— Успокойся, Анюнчик, — рокотал тужилинский басок.

Но Анну Павловну не так-то легко было успокоить.

— Нет, — говорила она. — Мы немедленно уедем в Москву. Так отравить все... Это он нарочно сделал, чтобы мне... Он никогда не любил меня...

— Аня! — строго сказал Тужилин.

— Она очень расстроена, — фальцетом произнес аптекарь. — Я понимаю Анну Павловну. Сергей Сергеевич напрасно так поступил...

«Сейчас он начнет про обезьян», — подумал Ромашов.

Но аптекарь не стал говорить про обезьян. Он принялся развивать теорию о страхе одиночества, совершил небольшой экскурс в прошлое Беклемишева, вспомнил о его неразделенной любви, потом снова вернулся к одинокой старости, к мыслям, которые посещают стариков по ночам. Объяснение аптекаря представлялось таким же убедительным, как и версия капитана Семушкина. Ромашов подумал, что они отлично дополняют друг друга — объяснение и версия. Хотя объяснение и было заведомо ложным. В нем отсутствовали некоторые детали прошлого Беклемишева, в частности путешествие на Амазонку. Ничего не сказал аптекарь и об отношении Беклемишева к нынешним событиям в тех местах. Почему он не хотел посвятить родственников старика в то, что накануне вечером рассказал Ромашову? Впрочем, он же знает, что Ромашов сидит здесь. Ведь аптекарь все, что он сообщил, считает государственной тайной. И говорит он сейчас не столько для Тужилиных, сколько для Ромашова.

Ромашов с шумом отодвинул кресло от стола и распахнул дверь. Анна Павловна испуганно вскинула ресницы. Она успела забыть, что он еще не ушел из этого дома. Тужилин поправил очки. Аптекарь протянул руку к бородке и привычным жестом пощипал ее. В его взгляде Ромашову почудился вопрос.

Тужилин встал и, одернув рубашку, официальным голосом спросил:

— Я хотел бы знать... Мы можем покинуть Сосенск?

Ромашов пожал плечами. Разве капитан Семушкин говорил супругам, что они должны задержаться с отъездом? Нет? Он, Ромашов, тоже не видит причин, которые помешали бы Василию Алексеевичу и Анне Павловне выполнить свое намерение. Они вольны в своих поступках. Необходимые разъяснения капитан Семушкин получил. Правда, они не проливают света на печальный случай. Но тут, видимо, ничего не поделаешь. Вот только формальности по вводу Анны Павловны, как ближайшей и единственной родственницы, в права наследования имуществом покойного придется несколько отложить. Есть некоторые вопросы, которые...

— И вы думаете, — вдруг взвизгнула Анна Павловна, — вы думаете, что мне нужно все это? Да я!..

Плечи Анны Павловны затряслись. Тужилин сверкнул очками в сторону Ромашова и подскочил к жене.

— Не надо, Анюнчик, — забормотал он. — Успокойся, мы завтра же уедем...

Аптекарь щипал бородку и укоризненно смотрел на Ромашова. Мухортову было неловко. Ромашову тоже, хотя Анне Павловне он не симпатизировал. Что-то в ней было такое, что Ромашову не нравилось. И бескорыстие женщины ему казалось наигранным. И мокрый платочек в ее пухлых ладонях выглядел фальшиво.

Он вышел на улицу вместе с Мухортовым. Некоторое время аптекарь молчал. Потом неуверенно произнес:

— Не могу верить, чтобы Сергей Сергеевич — и так... Вчера он шутил... Нелепо...

— А страх одиночества? — напомнил Ромашов.

— Это я для них, — махнул рукой Мухортов. Маленький, щедедушный, он семенял рядом с долговязым, широко шагающим Ромашовым и говорил: — Весьма прискорбно. Да? И вам, я вижу, ничего не удалось установить. Может быть, его отчеты позволят... Мне кажется, что в них должна содержаться истина... Сергей Сергеевич был очень обстоятельным человеком.

— Послушайте, — вдруг грубо перебил его Ромашов, —

что вы юлите вокруг меня? Уж не брякнули ли вы, часом, Беклемишеву о том, что посвятили меня в его дела?

— Что вы? — оскорбился аптекарь. — Как можно? Я же понимаю. — И обиженно зажевал губами.

Остаток пути до дома они проделали молча. Аптекарь погремел ключами и, так и не сказав ни слова, скрылся за дверью. А Ромашову вдруг расхотелось заходить в квартиру. Его взволновала эта неожиданная смерть. В ней была какая-то загадка. И Ромашов подумал, что хорошо сделает, если еще раз поговорит с капитаном Семушкиным относительно некоторых прописных истин. «Нелепо», — так, кажется, выразился аптекарь. «И глупо, — мелькнула мысль. — До невозможности глупо. До невозможности. А может, в этом и фокус».

Глава третья

СНЫ НАЯВУ

Капитан Семушкин был щеголеват и самоуверен. Разговаривая с Ромашовым, он все время снимал двумя пальцами со своего кителя какие-то невидимые собеседнику пылинки, словно ощипывался. Иногда пальцы правой руки поднимались к усам. Создавалось впечатление, что капитан проверяет, целы ли они. Подумав об этом, Ромашов засмеялся. Капитан недоуменно похлопал ресницами и обиделся.

— А как вы полагаете, — спросил Ромашов, делая вид, что не заметил паузы и надутых губ капитана, — как вы полагаете, откуда все-таки взялся у старика пистолет, да еще немецкий — трофейный?

Пистолет был самым уязвимым местом в версии капитана. Если бы у него была уверенность, что оружие хранилось у старика, принадлежало ему, то это служило бы таким аргументом, который ничем не опрокинешь. Это плюс баллистическая экспертиза, в точности которой капитан не сомневался, поло-

жили бы конец всем дурацким вопросам. Но уверенности у капитана не было.

— Траектория пули, — сказал он. — Положение трупа... Э, да что говорить... Не забудьте, что дверь и окно были заперты изнутри... Не забудьте, что никаких посторонних следов в кабинете не обнаружено. На пистолете тоже... Только отпечатки пальцев старика...

— Один, — сказал Ромашов.

— Короче говоря, вы не хотите, чтобы мы закрыли дело? — прямо спросил Семушкин. — Вы считаете?... А мне вот, к примеру, кажется, что старику просто надоело тянуть волынку. Девяносто восемь лет. Один как сыч. Осколок дворянского гнезда, и вообще штучка, — капитан помахал пальцами, пытаясь выразить, что он имеет в виду. — Вы его биографию знаете? Такой тип... Он никогда не был нашим человеком... Ни минуты... Потому и оружие немецкое подобрал... И застрелился поэтому... На богиню свою смотрел да и досмотрелся.

Капитан был великолепен и ослепителен. Ромашов усмехнулся. За этим великолепием явно просматривалось простейшее, как амеба, желание не «вешать» на отделение милиции нераскрытое дело. И Семушкин это желание не прятал. Он снова, в который уже раз, принялся извлекать из своей памяти разные факты и прочитал Ромашову целый курс провинциальной криминалистики. Он вспомнил, как недавно поймал проворовавшегося заведующего магазином, который, чтобы скрыть следы преступления, поджег здание, но не сумел спрятать бутылку из-под керосина. Капитан Семушкин блестяще уличил незадачливого преступника, припер его к стене и заставил признаться.

— Он у меня был мокрый как мышь, — горделиво заключил капитан.

Ромашов никогда не видел потных мышей. Он даже знал, что эти звери не имеют потовых желез. Но капитану он про это не сказал. Капитан считал себя специалистом по проведению баллистических экспертиз. В Сосенске, где темпы жизни

были несколько ослаблены отдаленностью от крупных центров, Семушкин был на месте. Он мог установить связь между пустой бутылкой и вором завмагом. Тут действовали прописные истины. Капитан не хотел встать над ними. Беклемишев для него был просто вздорным стариком, которому «надоело тянуть волюнку». И капитан легко выстроил свою непогрешимую версию, основанную на столь же непогрешимых аргументах. Параллельные не пересекались. Кабинет Беклемишева был заперт изнутри на задвижку. Окно закрыто на оба шпингалета. Никаких посторонних следов обнаружено не было. Ничего не украдено. Это, кстати, тоже было доказательством, на которое опирался капитан в своих рассуждениях.

Но были еще амазонские обезьяны, наделавшие шуму в мире. Был аптекарь Мухортов, который утверждал, что покойный Беклемишев знал про этих обезьян. Какие-то параллельные, разделенные временным промежутком более чем в пятьдесят лет, пересекались все-таки. И в точке пересечения были пистолет «вальтер», пуля, пробившая череп старика, и еще не найденные отчеты и дневники Беклемишева, по поводу которых Ромашов собирался сделать запрос в Москву.

— Мухортов был близок с покойным, — сказал Ромашов капитану. — Он говорит, что Беклемишев не из тех людей, которые даже в критические моменты кончают жизнь самоубийством. Кроме того, этот пистолет... Аптекарь утверждает, что ему известна каждая щелка в доме старика...

Капитан Семушкин хмыкнул.

— За хранение оружия, — бросил он наставительно, — знаете что полагается? Так вот... Разговорчики в пользу бедных... Хлынди-мынди... Сюсюканье и абракадабра. Подобрал на дороге, когда немцы отсюда драпали... Это же тип... Откуда мы знаем, что у него тогда на уме было? Во всяком случае, он в партизаны подаваться не собирался... А аптекарь — вот, — капитан пощелкал по крышке стола. — Мало ли что он набормочет. Словом, мое мнение такое: дела тут нет. А если вы что-нибудь хотите, препятствовать не буду. Да и права та-

кого не имею. Только напрасно все это... Честное слово... Случай как стеклышко...

— Мутноватое, — заметил Ромашов.

— Вам виднее, — вздохнул Семушкин.

Ему надоел этот тягучий разговор, который можно было продолжать бесконечно. Дома капитана ждал ужин. Ему хотелось поскорее скинуть жмушие в носках ботинки, сунуть ноги в войлочные тапочки, а потом завалиться на диван. Субординация не позволяла капитану просто подать руку Ромашову и попросить его «закрыть дверь с той стороны». Он терпеливо страдал, бросая вопросительные взгляды на собеседника и на часы, которые показывали уже девять вечера. Правда, при этом он пытался сохранить на лице видимость заинтересованности. Но это у капитана получалось плохо, и Ромашов в конце концов заметил его страдания. Он извинился и поднялся. Семушкин проводил его до двери, вернулся к столу, постоял недолго, выжидая, чтобы гость отошел от отделения милиции, надел плащ и фуражку и быстро зашагал к дому.

На Сосенск спустилась ночь. Она не внесла ничего существенно нового в известные уже капитану Семушкину и Ромашову события. Оба они крепко спали. Крепко спали в эту сентябрьскую сырую ночь и супруги Тужилины. Дневные волнения не отразились особенно на их самочувствии. Анна Павловна увидела во сне свою московскую квартиру. Василий Алексеевич — собачку Белку, которая помогала ему изучать условные рефлексы. Аптекарь долго вздыхал и ворочался. И прежде чем уснуть, принял таблетку веронала.

И никто из них не знал, что живет в Сосенске человек, который вторую ночь мается без сна.

Петр Иванович Бухвостов проснулся и сел на кровати, поджав ноги. Коротко всхлипнув, старик тревожно огляделся. В окошко засматривала желтая луна. В комнате висела густая тишина. Даже сверчок, обычно не дававший покоя, помалкивал. Но на душе у Бухвостова было скверно.

— Опять, прости господи, — пробормотал он испуганно. И вдруг мягко прыгнул на пол, встал на четвереньки и подбежал к кошачьему блюдечку. Вылакав остатки молока, Бухвостов бежал комнату, обнюхал табуретку, на которой лежала его одежда, и улегся около постели. Прodelывая все это, он отлично понимал: с ним творится что-то неладное. Его сознание протестовало, он пытался сопротивляться несвойственным человеку действиям. Но ничего не мог поделать с собой Бухвостов. Неведомая сила заставляла его вот уже вторую ночь внезапно просыпаться и сходить с ума. Чем иным он мог объяснить это? Конечно, старик слышал о лунатиках, с которыми иногда случается нечто в этом роде. Но он знал, что лунатики никогда не помнят, где они были во время припадков и что делали. А Бухвостов помнил. Мало того. Он противился непонятной силе. Но ничего из этого не получалось. И старик совсем упал духом.

Началось это неожиданно. Проснувшись, будто кто его толкнул в бок, старик внезапно ощутил, что он мчится на мохнатой лошади во главе огромной ватаги всадников к большому городу. Он словно раздвоился. Один Бухвостов сидит неподвижно в постели и осеняет себя крестным знамением. Другой несется во весь опор на коне, размахивая кривой короткой саблей. В лицо бьет жаркий ветер. Ноздри раздуваются, чует запах незнакомых трав и лошадиного пота. На голове Бухвостова крепко сидит черная баранья шапка, из-под нее бегут в глаза и в рот теплые соленые струйки.

Широко разинув рот, Бухвостов издает протяжный вопль и врывается на коне в пролом белой городской стены. Мчится по узкой, мощенной плитами улице, рубит чьи-то головы...

И видение обрывается. Старик крестится, встает с постели и, шаркая босыми пятками по полу, тяжело бредет на кухню. Долго стоит над ведром, глотая холодную воду. Потом, дрожащий и испуганный, забирается под одеяло, пытается согреться и уснуть. И вновь просыпается от толчка...

Желтая пустыня озарена бледным лунным светом. Позади

слышится шорох. Бухвостов вздрагивает и оглядывается. Никого нет. Но он знает: кругом враги. Они могут неожиданно выскочить из-за любого камня. И тогда произойдет что-то страшное. А Бухвостову надо еще долго идти, ему надо донести до храма сокровище, которое он добыл дорогой ценой.

И вот он почти у цели. Тень храма падает на него. Враги обмануты. Бухвостов входит в высокое здание. Лес колонн из белого камня окружает его. Мягкий свет струится между ними. На полу лежат причудливые блики. Бухвостов в длинной хламиде, с голыми ногами, на которых надеты только ременные сандалии, идет в глубину помещения, где ждут его три человека в такой же одежде. Трое падают перед ним ниц. Открывается тяжелая дверь, и Бухвостов входит в узкую длинную комнату, у противоположной стены которой возвышается статуя человека со свирепым лицом.

Тихо ступая, Петр Иванович приближается к статуе и опускается на колени. Он вынимает из складок одежды большой

блестящий шар и аккуратно кладет его к ногам человека со свирепым лицом. Затем опускается на пол, вытягивает вперед руки и лежит неподвижно.

Прходит час, другой, третий. Бухвостовым овладевает оцепенение. И в это время внутри шара вспыхивает красная точка. Она увеличивается в размерах, и вот уже весь шар пылает нестерпимо ярким светом. Бухвостов открывает глаза.

Внутри шара начинается движение теней. Они постепенно сгущаются, и старик видит странную процессию. Перед ним проходят люди в длинных балахонах. На их лицах написана обреченность. Глаза опущены, руки связаны за спиной. Процессия входит в большие ворота. Захлопываются узорчатые створки. И шар гаснет.

Бухвостов поднимается на ноги, целует руки статуе и медленно, пятась, уходит.

А настоящий Бухвостов мечется по кровати и жалобно стонет, призывая в свидетели своей невинности всех известных ему угодников.

Если бы Бухвостов обладал знаниями хотя бы в объеме средней школы, то он мог бы заметить, что его сны наяву с каждой ночью как бы эволюционируют в глубь веков. Но он такими знаниями не обладал. За душой Бухвостова числилось четыре класса, с грехом пополам законченных в начале двадцатых годов. Его почтенный родитель, крепкий хозяин, по этому поводу не волновался. Родителя заботила другая мысль: приохотить сына к земле, к крестьянскому труду. И его усилия не пропали даром. В четырнадцать лет молодой Бухвостов уже цепко держался за ручки плуга. В шестнадцать мечтал о том, чтобы всунуть эти ручки в руки батраков, а в двадцать угодил под раскулачивание. И поехал рубить лес в Коми АССР.

В Сосенск он вернулся после войны. Устроился работать на мебельную фабрику. Строгая доски, поджимал губы и думал о том времени, когда построит собственный дом. Каждый месяц клал на книжку рубли, вырученные у жителей поселка

за мелкие столярные работы и те, что удавалось сэкономить от зарплаты. Наконец на краю Сосенска вырос новенький пятистенок. Бухвостов окружил дом плотным забором, купил корову и женился. С коровой ему посчастливилось. С женой — нет. Гнойный аппендицит в одну ночь унес жену, и Бухвостов снова остался один. Знакомые полагали, что старик сохнет. Но он удержался. К шестидесяти годам благополучно покинул фабрику и уединился в своем пятистенке. Летом пускал дачников. Зимой приторговывал молоком. По вечерам подолгу молился богу, выпрашивая у него достаток и благополучие. И в общем-то был доволен. Жизнь обтекала его домик, как река, бурля на перекатах и толкаясь в берега, а Бухвостов смотрел на ее течение дальнотзорными старческими глазами и изредка вылавливал что-нибудь с поверхности. Чаще всего этим «что-нибудь» были деньги. Иногда вещи. Они приносили старику и радость и испуг одновременно. Потому что он боялся, как бы река-жизнь не подмыла, не опрокинула домик-пятистенок, а вместе с ним и его самого. Поэтому он сторонился соседей, дачников пускал с опаской и сторожением, хотя всегда без прописки. Налоги платил аккуратно. Никогда не хворал. И надеялся прожить так еще лет сорок. Да не тут-то было.

В эту ночь Бухвостов очнулся в объятиях женщины. Они лежали на широкой мягкой постели, стоящей в углу огромного светлого помещения с треугольными окнами. Посреди зала бил фонтан. Струи воды с мягким журчаньем падали на дно бассейна, окруженного цветами. И так же мягко журчал голос красивой женщины, обнимавшей Бухвостова. Она, приподнявшись на локте, печально щурила миндалевидные черные глаза на Бухвостова и ласково гладила его щеки смуглой тонкой рукой, на пальцах и запястье которой сверкали камни и браслет из золота.

— Изыди, дьяволица, — заревел старик и сделал попытку вывернуться из объятий.

И тут же понял, что женщина эта не слышит его, что ее

нет, что все это только мерещится ему. И в то же время он ощущал прикосновение руки женщины и пожимал ее слова. Она говорила, что ей не хочется отпускать его в плавание. А он ее утешал и ласково погружал пальцы в пышные рыжие волосы.

Сам Бухвостов ерзал по кровати и, стелая, жаловался богу, что это наваждение дьявола. А женщина все теснее прижималась к нему и шептала, шептала...

Затем все исчезло. Бухвостов с опаской оглядел комнату и опустился на колени перед иконой. Молитва облегчила его страдания. Но ненадолго. Через час им вдруг овладел приступ отчаянной, бесшабашной радости. Он пустился в пляс. Перед глазами сверкало пламя костра, а рядом он видел косматые мечущиеся фигуры. Он одним прыжком выскочил в сенцы, ударом ноги сорвал дверь с крючка и выбежал во двор. Рыча от возбуждения, развалил поленницу дров, которую вчера складывал. Заметив топор, вонзил его с маху в стену сарая. А услышав мычание за дощатой стенкой, ворвался в коровник и схватил скотину за рога. Перепуганное животное попыталось вырваться, но Бухвостов пригнул голову коровы к земле и повалил ее на бок. Удовлетворенно хмыкнув, он выскочил во двор и огромными прыжками понесся к дому. В кухне опрокинул ведро с помоями, поскользнулся на картофельной шелухе и угодил головой об печку. И все время ему казалось, что около него кто-то ест, что этот кто-то радуется так же, как и он, и что эта радость будет длиться вечно.

Но приступ кончился так же внезапно, как и начался. Бухвостов с трудом доплелся до постели и без сил повалился на нее, чтобы ровно через час вскочить снова и прыгнуть к кошачьему блюдечку.

— К доктору, — шептал он под утро, испытав еще два потрясения. С полчаса на него пялились мутные рыбы глаза, а потом окружила крошечная тьма, в которой мерцали бледные звездочки. И он все время чего-то боялся. Страх сжимал

сердце, давил на горло. А под конец Бухвостову показалось, что он умер. Но и эта ночь кончилась относительно благополучно. Ему удалось даже немного поспать.

Корова, когда Бухвостов принес ей поило, бросилась из загородки и чуть не сшибла его с ног. Старик, виновато пряча глаза, долго уговаривал свою любимицу.

— Ведь теперь доить не подпустит, треклятая, — бормотал он, соображая, что можно предпринять в таком необычном деле.

Потом, тяжело вздохнув, принялся складывать поленницу. Работа шла вяло. Измученный бессонной ночью Бухвостов решил передохнуть и немного подкрепиться. Затопил печку, вылил на сковородку два яйца и пошел к рукомойнику. Намылил руки и вдруг увидел такое, что смог только тихо ойкнуть.

Яйца сгорели, кухню наполнил едкий смрад. А старик ничего не замечал. Он тупо смотрел на свои руки и тихо гнусил:

— Господи! За что же это, господи?

Капитан Семушкин утром жаловался жене:

— Работаете как проклятый. И никакого, понимаешь, никакого тебе сочувствия. Этот долговязый очкарик меня вчера до умопомрачения мозгов довел. Я ведь как баллистическую экспертизу провел? На самом высшем классе. А он не доверяет. Откуда, видишь ли ты, пушка у старика взялась? А я знаю откуда? Он знает? Ни черта он не знает! И никто никогда знать не будет. Тюкнулся старый хрыч, поди спроси теперь у него.

Капитан энергично отхлебнул из стакана, поперхнулся и закашлялся. Потом сердито взглянул на жену. Она подала ему носовой платок. Семушкин высморкался, вытер усы и потрогал их пальцами.

— Вот я и говорю, — продолжал он. — Приехал ты, к примеру, в наш город на работу. И работай себе. По своей линии. Чего же ты в чужую линию нос суешь? Если делать

нечего, играй в шахматы. Или, к примеру, за девушками ухаживай. Так нет, в самоубийство полез. А чего в него лезть, спрашивается? Глупые тут одни собрались. Один товарищ Ромашов — умник. Прицепился к пистолету и жужжит как оса.

— Ты бы, Петя, поаккуратнее, — попросила жена. — Он человек московский, с образованием. Мало ли...

— Сорок лет мне, — побагровел от подступившего возмущения капитан. — Поздно в академию. В пользу бедных разговорчики, — употребил он свою любимую фразу и, успокаиваясь, уже мягче спросил:

— К Дарье ходила?

— Была.

— Ну и что?

— От Васяткиных дачник съезжать собрался.

— Писатель? Черт с ним, пусть съезжает. За этими тянется, за беклемишевской родней.

— В магазин, говорят, три холодильника привезли. Два продали, а один продавщица в кладовку затащила.

— Ишь ты, — сказал капитан. — Неужто интерес имеет?

— И рыбу, — заметила жена.

— Что рыбу?

— С завода сто кило рыбы доставили. А продала, говорят, восемьдесят.

— Чепуха, — отрубил капитан. — Это Дарья со злости врешет. Ее тоже понимать надо. Старуха склизкая. Ну, а еще что?

— Все будто. Да, чуть не забыла. Из дома этого, ну из того, где покойник, ночью сияние было.

— Какое еще сияние? — хмыкнул капитан.

— Обыкновенное. Свет, значит, — стала объяснять жена. — Как раз в ту ночь, когда убийство...

— Самоубийство, — поправил капитан.

— А какая разница? — отмахнулась жена. — Человека-то все равно нет.

— Есть разница, — наставительно сказал капитан и похло-

пал себя ладонью по шее. — Вот она где, эта разница, сидит. Ну, ну?

— Свет, значит, был, — снова начала жена. — В аккурат из сада. Столбом. Постоял недолго. И пропал.

— Кто же его видел?

— А Дарья же. Говорит мне: «Шепни своему, я там человека видела. Метнулся он от дома...»

— Ты что? — насторожился капитан и даже привстал. — Ты думаешь, что говоришь?

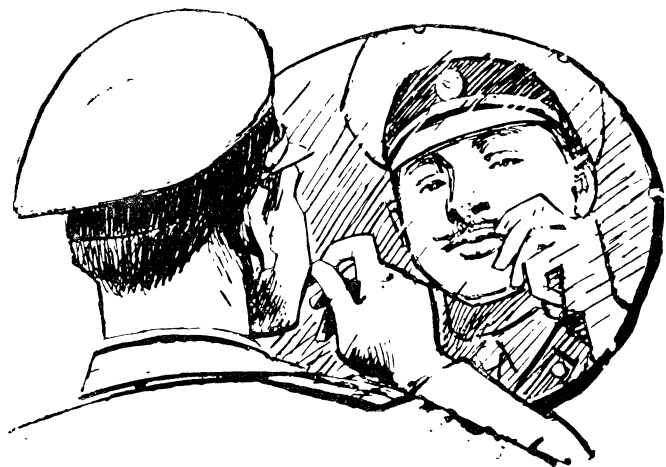
— А потом Дарья смотрит и видит: пьяный Бухвостов качается. Прет прямо на нее и руками машет. Она и убежала.

— Что ж ты раньше-то? Где ты вчера была? — засуетился Семушкин. — Хотя... Хотя...

Произнеся эти слова, капитан Семушкин задумался. Сообщение о пьяном Бухвостове, шатающемся по ночам по улицам Сосенска, на него особенного впечатления не произвело. Станный свет, который видела Дарья, его заинтересовал. Но ведь с этим светом никуда не сунешься. Скажи он, допустим, тому же Ромашову, начнет допытываться: от кого услышал? Узнает про Дарью, хлопот и смеху не оберешься. Да и брешет, поди, карга...

Капитан считал себя антирелигиозно подкованным. Свет над домом самоубийцы припахивал чем-то кладбищенским. В голове капитана этот свет ассоциировался с огоньками на могилах. А огоньки на могилах — религиозный дурман и поповское шарлатанство. Вурдалаки — тоже из этой оперы. Ишь куда может потянуть, только зацепись. Нет уж. Пусть Дарья треплется, а капитана на эту удочку не возьмешь. Не такой человек капитан Семушкин, чтобы его простым вурдалаком купить можно было.

— Так, — сказал он жене. — Я сейчас пойду. В отделение пойду. Как, что, чего... Сама понимаешь. А про свет ты забудь. Врет Дарья. Не может над покойником светить. Ненаучно это. А ежели что и бывает, так это все в книжках объяс-

нено. Молнии там или электричество. Теперь вот я про плазму читал. Ее магнитом ловят.

Тут он почувствовал, что залез слишком далеко, и пошел в спальню. Снял со спинки стула отглаженный китель, надел его, потрогал усики и двинулся к выходу. Дорогой он еще раз продумал вопрос о Дарьиной информации и еще раз твердо решил никому об этом не болтать. Дарья новости не копит, в чулок не складывает. Не сегодня-завтра об этом свете будет знать половина Сосенска. Дойдет до аптекаря. А у того тоже не задержится. Так что товарищ Ромашов получит еще тепленькое известие. Интересно бы знать, как он на это посмотрит.

Приняв окончательное решение, капитан тут же выбросил из головы старухины бредни и стал соображать, как бы похитрее подкопаться под продавщицу. В том, что она нечиста на руку, Семушкин не сомневался. Тут Дарья маху не даст. В этих вопросах капитан ей верил безраздельно.

На этом месте мысли капитана приняли другое направле-

ние. Впереди блестела лужа, которую надо было обойти, не запачкав ботинок. Капитан, стрельнув глазами по сторонам, выбрал кратчайший путь и вскоре стоял уже перед крыльцом отделения. Ботинки блестели. На них не попало ни одной капли воды, ни одного комочка грязи.

Глава четвертая

ЯМА В ЛЕСУ

В то утро, когда в Сосенске старик Бухвостов сжег яичницу, в Москве ничего из ряда вон выходящего не произошло. Яма в подмосковном лесу появилась позднее. Полковник Диомидов узнать о возникновении ямы раньше, чем она возникла, безусловно, не мог. В это сентябрьское утро он еще не думал о свойствах пространства и времени, о парадоксах сверхсветовых скоростей и о всех других загадочных явлениях, с которыми столкнулся позднее. Думал он в это утро о более прозаических вещах. Впрочем, лучше всего сейчас познакомиться с самим полковником.

В школе он любил математику. Это, правда, не мешало ему увлекаться дзю-до и успевать читать все, что попадалось под руку. Разрозненные подшивки «Всемирного следопыта» сменялись на его столике романами Жулавского и Жиффара. Эдгар По ему нравился больше, чем Конан-Дойль. «Робинзон Крузо» восторга не вызвал. К «Анне Карениной» он проявил интерес, когда учился уже в десятом классе.

Потом пришла война. Младший лейтенант Диомидов встретил ее в Ломже. А в 1945 году в Москву вернулся подполковник Диомидов и стал следователем управления МГБ.

Через год его послали учиться. Через пять порог управления МГБ переступил полковник Федор Петрович Диомидов. Вскоре он втянулся в водовороты больших и малых дел. Два раза в него стреляли. Три раза стрелял он. Это вызыва-

лось особой необходимостью. Вспоминать, впрочем, Диомидов не любил. Он по-прежнему много читал. И по-прежнему без разбора, все подряд. Счастливая особенность его ума отбрасывать ненужное и наносное хорошо ему служила. Он мог прочитать книгу и тут же забыть о ней. Или запомнить на всю жизнь.

К обезьяньему буму он отнесся спокойно, хотя с интересом следил за сообщениями печати. Некоторые из них настораживали, большинство же вызывало улыбку. Диомидов, почти не читая, отбрасывал в сторону газеты с пространными рассуждениями об инопланетном происхождении обезьян. А вот словосочетание «биологическая бомба» заставляло задумываться. Диомидов был уверен, что за этой «фиолетовой чумой» стоят люди, возможно, очень опасные. Может быть, опаснее, чем сами обезьяны, сеявшие смерть и опустошение.

Полковник знал, что в стране уже предприняты меры на случай внезапных осложнений. Кроме того, правительство предложило помощь заинтересованным государствам. Знал Диомидов и об отказе последних. Это обстоятельство заставляло думать о том, что кому-то на руку обезьянья истерия, что нужно ждать дальнейших эксцессов. Западные газеты на все лады кричали о предстоящем конце света. В разглагольствованиях барахтавшихся на поверхности событий проповедников, в шумной рекламе новых напитков и патентованных средств, в воплях о гибели человечества тонули крупницы правдивой информации о действительном положении. Было необычайно трудно вылавливать их и отделять от рассуждений теософов и телекинетиков.

Но заниматься этим было необходимо. И Диомидов со свойственной ему дотошностью ежедневно изучал все материалы, прошедшие предварительный отбор в отделе. Одна из таких заметок в «Глоб» привлекла его внимание. Какой-то юркий корреспондент ухитрился заметить некоего худощавого джентльмена в момент приезда к командующему объединенными силами по борьбе с «фиолетовой чумой». Корреспонден-

ту удалось проследить даже за отправкой вертолета в сельву, на котором худощавый джентльмен улетел выполнять свою таинственную миссию. Фамилиа джентльмена в газете не называлась. Но предположений на этот счет было высказано немало. Диомидов внимательно перечитал корреспонденцию, пожал плечами и отнес ее к генералу.

— Занятно, однако, — задумчиво произнес генерал. — Что понадобилось этому «знатному иностранцу»?

Вопрос был явно риторическим, и Диомидов не стал на него отвечать. Генерал усмехнулся.

— Пожалуй, верно, — сказал он. — Разговор праздный. А глядеть надо в оба. У меня ощущение, что вот-вот из всей этой грязи вынырнет некая фигура и замахнется на мир чем-нибудь похлеще атомной бомбы...

И фигура вынырнула. Только она не была похожа на ту, о которой говорил генерал. Худой кадыкастый немец, назвавшийся Куртом Мейером, туристом из ФРГ, неожиданно явился в управление и попросил кого-нибудь из «чиновников безопасности» принять его. Немец плохо говорил по-русски, а дежурный не понимал по-немецки. После взаимных недоумений выяснилось, что турист желает сообщить нечто об обезьянах.

Его проводили к Диомидову.

Курт Мейер замешкался на крыльце Исторического музея, когда их группа входила в здание. Бергсон в это время сидел в машину с флажком посольства одной латиноамериканской страны. Курт сразу узнал знакомый прищур равнодушных бесцветных глаз, хотя ему довелось видеть Бергсона только однажды. Тогда, немало лет назад, эти глаза так же щурились на заключенных, грузивших на танки клетки с обезьянами.

Курт вздрогнул и невольно замедлил шаг. Потом, повинувшись внезапному порыву, сбежал вниз. Хлопнула дверца. Бесцветные глаза окинули через стекло тощую фигуру, нелепо

махавшую руками. Машина мягко взяла с места. И только тогда Мейер опомнился, понял, что он ничего не может сделать, даже если ему удастся задержать автомобиль. И он бросился догонять туристов.

— Что ты там потерял? — покосился на него толстый Вайнцихер.

— Уронил blendу, — соврал Курт и понял: Вайнцихер ему не верит. Он ощупал Мейера глубоко посаженными глазками и процедил:

— Не понимаю, зачем тебе blendа? Ведь солнца нет.

Курт промолчал. Отошел в сторону и сделал вид, что внимательно слушает экскурсовода. Бергсон не выходил у него из головы.

Тогда Мейеру здорово повезло. Две пули только расцарапали кожу под мышкой. Было много крови. Может, это его и спасло. И еще аптечка рыжего Вилли. Как хорошо, что этот Вилли из зондеркоманды таскал за собой аптечку. Он, наверное, сильно удивился, бедняга, когда увидел, что Бергсон, прошив двумя очередями заключенных, повернул турель пулемета и полоснул по зондеркоманде. А Курт знал, что будет так. Ибо случайно подслушал обрывок разговора.

Он задержался тогда на трапе. Клетка с огромным шимпанзе зацепилась за леер. Пока с ней возились, он услышал, как высокий эсэсовец с лошадиным лицом сказал Бергсону:

— Помните о связи.

— Все будет в порядке, профессор, — ответил Бергсон.

— И давайте скорее тех.

— Они уже в пути. Скоро вы начнете опыты.

Эсэсовец-профессор довольно осклабилсЯ. Засмеялся и тот, кого он называл Бергсоном. В этот момент Мейер понял, что здесь пахнет тайной. И не ошибся.

Когда он пришел в себя, была ночь. От реки тянуло воющей сыростью. Где-то в лесу кричала неизвестная птица. А кругом лежали трупы. Раны саднило. Он вспомнил про аптечку. Стал искать Вилли. Достал пластырь и унял кровотече-

ние. Пока он это проделывал, его два раза стошнило. Может, от слабости, а может, от вида трупов. Но он нашел силы, чтобы снять с груди Вилли автомат. Бергсон не потрудился со- брать оружие зондеркоманды.

Ни тогда, ни позже Курт Мейер никому не рассказывал об этом. И не рассказал бы, не начнись газетная шумиха во- круг странных событий в Южной Америке. Курт в это время был в России. Фиолетовые обезьяны, о которых он читал ежедневно, ассоциировались почему-то в его голове с эсэсов- цем-профессором, забравшимся двадцать лет назад на Ама- зонку для проведения каких-то опытов. Мейер много думал, прежде чем решиться.

Вот при каких обстоятельствах турист из ФРГ оказался в кабинете у Диомидова. Он долго мялся, подыскивая нужные слова, и наконец произнес, путая немецкие фразы с рус- скими:

— Я хочу сделать заявление. Мне понравилось у вас в стра- на. Ви хорошо решаи коммунальпроблема. И это... — Он ткнул пальцем в лацкан диомидовского пиджака, на котором синел университетский ромбик. Диомидов помог ему.

— Образование, — сказал он по-немецки.

— О, — обрадовался Курт, услышав родной язык. — Да, да, я видел у вас много таких значков. — И тихо добавил: — Я тоже мог бы....

Он вздохнул и, отвернувшись к окну, сказал:

— Гейдельберг. Это были лучшие годы. И немного по- том. Обсерватория стояла на холме у реки. Я любил ходить туда. Думать. Потом я забыл, как это делается. А сейчас мне снова пришлось задуматься. Уже о другом. Не удивляйтесь, если я скажу вам одну странную вещь. Я не пришел бы к вам. Но вчера в ресторане Вайнцихер пролил вино. На скатерти расплылось мокрое пятно. Вайнцихер расхохотался. Увидев его улыбку, я решился. Мокрое пятно напомнило мне о кро- ви расстрелянных. И еще одна встреча. Скажите, вы верите в привидения?

Диомидов пожал плечами. Немец сказал:

— Вы меня поймете. Это, наверное, судьба. Я буду говорить с вами как с представителем страны, которую уважаю. Моей стране, — он усмехнулся, — это не нужно.

Диомидов вежливо кивнул. Он еще ничего не понял из сбивчивого рассказа немца, кроме того, что тот хочет сделать какое-то заявление. Решив не мешать Курту, Диомидов закурил и откинулся в кресле, ожидая продолжения рассказа.

— Я не люблю послевоенный мир, — говорил Курт. — Газеты кричат о заговорах и убийствах. Как мыльные пузыри, лопаются правительства. Из сельвы ползет фиолетовая зараза. Об этом я и хочу сказать. И еще об одной встрече у вас в стране. Бергсон. Его звали Бергсоном тогда.

Диомидов подбодрил замолчавшего было немца кивком головы. Курт пошарил в карманах, нашел сигареты, попросил разрешения закурить. Сделав несколько затяжек, притушил сигарету. И полковник услышал рассказ о судьбе человека, который мог бы стать ученым, но не стал им.

Курт Мейер, закончив университет, устроился на работу в маленькую астрономическую обсерваторию. Это было тогда, когда лавочники, нашпигованные идеями национал-социализма, с барабанным боем двинулись на Европу. Молодому астроному до этого не было дела. Великая Германия с оседлавшим ее Гитлером неслась мимо Курта.

Проблема «жизненного пространства» его не волновала. Его вполне устраивала тихая комнатка в доме фрау Марты, сухонькой старушки, любившей подолгу сидеть за утренним кофе и занимать своего постояльца рассказами о давно умершем муже.

Старушка не мешала думать. А думал Курт тогда о многом. Например, о рождении сверхновых звезд. Он считал, что сверхновые несут в себе главную загадку мироздания. Тогда он изучал китайские источники, просиживал ночами у телескопа, ждал вспышки таинственной звезды.

Но сверхновая не загоралась. А в обсерваторию как-то заглянули эсэсовцы.

— О, — уважительно сказал рослый и пухлый, как подушка, ротенфюрер, увидев телескоп. — Я никогда не видел небо близко. Как это делается?

Астроном не выдержал и засмеялся. Ротенфюрер крикнул и заорал:

— Почему не на фронте?

Это и решило судьбу Курта. Он плохо запомнил, что было дальше. Очнулся уже в концентрационном лагере. Перед ним стоял, ослабившись, рыжий Вилли.

— Коммунист? — спросил Вилли, грозно выпучив глаза.

Мейер покачал головой. Говорить он не мог: кулак ротенфюрера сделал что-то с языком.

— Значит, еврей, — брезгливо резюмировал Вилли и повел Курта в глубь двора, где группа изможденных людей чистила большой сарай — нужник.

Ученому всунули в руки ведро. Этим способом Вилли переключил его внимание с судеб вселенной на судьбы рейха. Фрау Марта, не дождавшись тихого квартиранта, сожгла листки с тензорными уравнениями. Сверхновая не вспыхнула. А на земном шаре количество ученых уменьшилось еще на единицу.

В один далеко не прекрасный день группу заключенных отвезли в Гамбург и посадили на пароход, отплывавший к берегам Амазонки. Рыжий Вилли в припадке неожиданной откровенности сообщил Курту, что получит за рейс кругленькую сумму. Он целыми днями сидел на палубе, пиликал на губной гармошке или вынимал толстую записную книжку и что-то считал, морща лоб. Может, подсчитывал будущие доходы. Но итога ему подвести не удалось. Точку поставил Бергсон. А танки, к башням которых были привязаны клетки с обезьянами, вспороли лес и исчезли вместе с загадочным профессором-эсэсовцем.

Курт все-таки выбрался. Работал на оловянных рудниках,

грузил бананы. А когда кончилась война, решил вернуться на родину. Здесь его ждал сюрприз. В Бонне умер его двоюродный дядя, державший небольшую зубопротезную мастерскую. Курт стал наследником маленького капитала. После войны спрос на зубы скакнул вверх. Нужно ли говорить о том, что было дальше. Кто знает, думал ли Вилли о домашних туфлях, теплых кальсонах и туристских поездках. Во всяком случае, жизнь кинула к ногам Курта счастье рыжего Вилли, и он от него не стал отказываться. И звезды его больше уже не тревожили. Ночное небо перестало манить Курта в мерцающую глубину. Теперь на звезды безмолвно скалит зубы череп рыжего Вилли, нашедшего свой конец на берегах Амазонки.

...Человека, которого Курт Мейер знал как Бергсона, звали Фернандесом. В посольстве той страны, которую оно представляло, Фернандес-Бергсон был мелкой сошкой. В Москве он вел себя вполне прилично. Ни с кем не встречался, хотя часто посещал выставки и музеи. И только два раза позвонил кому-то по телефону-автомату. Это обстоятельство и заставило Диомидова усилить наблюдение.

Полковник не связывал рассказа Курта с событиями, взволновавшими весь мир. Четверть века — слишком большой срок. За это время профессор-эсэсовец мог свободно умереть, а Бергсон сменить покровителей. Кроме того, Курт мог и напутать. Ведь встречаются люди, похожие друг на друга. Правда, Бергсон кому-то звонил. Тот факт, что звонил он из автомата, настораживал. Вероятно, он ищет встречи и не хочет, чтобы о ней знали в посольстве. И полковник не снимал наблюдения, ежедневно интересовался поведением «подшефного». Вчера тот снова заходил в будку автомата.

Разговор был, видимо, коротким и неприятным, потому что у Бергсона не сходило с лица кислое выражение.

Диомидов доложил обо всем генералу.

— Так, — сказал генерал, ломая сигарету пополам и засовывая половинку в мундштук. — Так, значит, — генерал чиркнул спичкой, — значит, туман?

Полковник промолчал. Генерал задумчиво произнес:

— Меня в этой истории занимает одно слово: «Амазонка». Во время войны Курт видел Бергсона на Амазонке. Фиолетовые обезьяны, или как их там, тоже на Амазонке. А теперь вот еще... Полюбуйтесь, — и генерал вынул из ящика стола телеграмму Ромашова.

— Что это? — спросил Диомидов.

— Донесение о несостоятельности, — усмехнулся генерал. — Телеграмма скупа, но я выяснил: Ромашов в Сосенске с ног сбил. Загадочное самоубийство какого-то Беклемишева. И ко всему еще мистика. Свет над домом самоубийцы, который когда-то, во времена туманной юности, путешествовал по Амазонке. Ну и вообще все атрибуты. Несостоявшаяся любовь плюс мистика.

— То есть?.. — поднял брови Диомидов.

— То и есть, — буркнул генерал. — Чего вы не понимаете? Любовь и мистика. Нонсенс какой-то. Потом дневники.

— Какие дневники?

— Дневники этого Беклемишева о путешествии по Амазонке.

Диомидов покрутил головой. Генерал рассказал о последних событиях в Сосенске. Федор Петрович слушал его рассказ как сказку.

Закончив, генерал заметил:

— Учите вот что. Около старика лежал «вальтер».

— Хорошо, — кивнул Диомидов. — Когда ехать?

— Да завтра и поезжайте.

Но выехать Диомидову не пришлось. Не удалось даже как следует позавтракать, хотя встал он рано.

Город еще спал. Под окном скреб лопатой дворник.

Выключив бритву, Диомидов взял тюбик с кремом и выдавил на ладонь маленькую белую колбаску. Растирая по щекам пахнущую яблоками массу, бросил взгляд на часы и по-

думал, что встал он, пожалуй, рановато. Старость, что ли? Или устал?

Он приблизил лицо к зеркалу. Как будто нет причин для недовольства. Конечно, припухлые губы и широкий, плоский нос не давали повода величать себя красавцем, но грустить об отсутствии античного профиля можно в двадцать лет. В сорок человека одолевают другие заботы. В сорок человек начинает считать морщины на лбу и выдергивать по утрам седые волосы с висков. Диомидову считать ничего не пришлось. И он довольно ухмыльнулся своему отражению.

На подоконнике забулькал кофейник. Мордатый рыжий кот, севший погреться около него, подозрительно покосился на шумного соседа и мягко спрыгнул на колени к Диомидову. Тот щелкнул кота по лбу. Зверь обиделся. Перешел на кровать и уставился оттуда на Диомидова немигающими желтыми глазами.

Полковник стал нарезать сыр. Кот замурлыкал. Диомидов засмеялся. Кота он приютил с год назад. Возвращаясь как-то поздно вечером из управления, увидел под дверью мокрого котенка. Диомидову стало жаль зверя, и он впустил его. Котенок быстро привел себя в порядок, освоился. Уезжая в командировку, полковник поручал котенка старушке, жившей через площадку. Та добродушно ворчала, что Диомидову надо жениться, раз он так любит животных. Диомидов хохотал и стмахивался. Котенок вырос и превратился в большого ленивого кота. За меланхоличный нрав и брезгливое отношение к мышам Диомидов нарек его доном Педро.

Отхлебнув кофе, Диомидов придвинул поближе вчерашнюю газету со статьей, которая его заинтересовала. Неведомый ему кандидат биологических наук Тужилин громил своего коллегу Лагутина за антинаучные взгляды на проблемы наследственности.

«Наследственная память, — писал Тужилин, — есть не что иное, как зашифрованная в молекуле ДНК информация о развитии организма. Носителем этой информации является моле-

кула ДНК в особой структуре тимина, гуанина, аденина и цитозина. Приписывать «наследственной памяти» какие бы то ни было другие посторонние функции — значит уводить науку в туманную область, из которой только один выход — к мистицизму, к признанию бога...»

Диомидова заинтересовали «посторонние функции», но дочитать статью не пришлось. Зазвонил телефон. Диомидов снял трубку и услышал голос майора Беркутова.

— Товарищ полковник, — взволнованно кричал Беркутов, — Федор Петрович! Такое дело!

— Какое? — осведомился Диомидов.

Он не любил Беркутова за излишнюю суетливость, за присущую ему способность громоздить из пустяков видимость сложных и запутанных дел.

— В общем, вы меня ждите, — кричал Беркутов. — Я сейчас подскочу.

— Ну, ну, — пробормотал Диомидов и стал торопливо одеваться.

«Волга» уже стояла у подъезда. Взглянув на лицо Беркутова, Диомидов подумал, что на этот раз произошло что-то действительно серьезное. Он втиснулся на сиденье рядом с Беркутовым. Мельком оглядел третьего пассажира — капитана милиции. И приготовился слушать. Беркутов не заставил ждать.

— Это тут, — начал он. — По дороге на Юхнов. В общем, дело выглядит так. Утром нам позвонил вот он, — Беркутов кивнул на капитана милиции. — Малинин. ЧП с какой-то чертовщиной. Понимаете? Я его принял, Малинина. В общем, в лесу все и произошло. Места там грибные, дачи стоят редко. До электрички километра два. Один грибник на них и напоролся. Увидел — и драла. До станции добежал, на пост заскочил. А дежурный, не будь дурак, взял этого грибника да обратно повел. Пришли. Видят — перед ними яма. Вроде воронки от полутонной бомбы. Дно гладкое и блестит словно

зеркало. А в ямке лежит мужчина. Затылок прострелен. Около ямы — женщина без чувств, руки связаны шарфом. Рот заткнут. Мужчину-то милиционер сразу узнал. Вор он. Бывший карманник. Недавно из тюрьмы. Милиционер попытался привести в чувство женщину. Не удалось. Тогда сообразил он что-то на манер носилок. Вдвоем с грибником доставили ее на станцию, в больницу. Потом звонки. Генерал распорядился, чтобы я вам сообщил. И ученым. Потому что в этой яме кино какое-то... И свет...

— Что за свет? Какое кино?

— Не знаю, — сказал Беркутов. — Капитан видел. Прямо в яме этой кино. Как на экране. Только понять ничего нельзя.

Диомидов покосился на капитана милиции. Тот сидел неподвижно, устремив взгляд на дорогу, и, видимо, не испытывал потребности разговаривать.

Диомидов вспомнил про свет над домом самоубийцы в Со-сенске, о котором говорил генерал, и спросил Беркутова:

— Эта женщина... Кто она?

— Зубной врач Беликова. Живет на Беговой, — быстро откликнулся Беркутов.

— Что-нибудь еще вы предприняли? — обратился Диомидов теперь уже к капитану.

— Определили место, с которого был произведен выстрел. Собака след не взяла, хотя трава там, где стоял убийца, явно примята.

— Так. А почему он не стрелял в женщину?

Капитан пожал плечами.

— Я думал, — сказал он медленно. — Тут, по-видимому, есть какая-то связь с этой ямой. Но, может, сама женщина скажет...

— Может, — откликнулся Диомидов и стал смотреть на дорогу.

Машина уже свернула на проселок. Мимо бежали деревья. Диомидов разглядывал лес и завидовал счастливым, которые вот в такое прозрачное утро могут взять в руки корзинку,

кинуть в нее несколько огурцов, ломоть хлеба, круто посыпанный солью, и отправиться бродить между деревьями, не думая ни об убийствах, ни о других чрезвычайных происшествиях.

Наконец машина, переваливаясь, как гусыня, с боку на бок, выбралась на поляну. Взревел и заглох мотор. Хлопнули дверцы, и наступила тишина. Только шумел ветер в верхушках деревьев, словно напевая унылую ямщицкую песню. Диомидов, Беркутов и Малинин направились к группе людей в милицейских шинелях.

Трое, стоявшие возле ямы, отдали честь. Четвертый лежал на траве около синей машины с красным кантом. Диомидов подошел к яме. Она напоминала углубление, оставленное большим тяжелым шаром. Шар кто-то аккуратно убрал, а углубление покрыл тонким слоем черного блестящего лака. И сейчас дно ямы загадочно посверкивало в лучах неяркого осеннего солнца.

Глава пятая

„ПРИНОСЯЩИЙ ЖЕРТВУ“

Бергсон заметил, что за ним наблюдают. Ужиная в кафе, он явственно ощутил на себе чей-то взгляд. Опытный в таких делах Бергсон только мысленно чертыхнулся. Допил кофе, расплатился и медленно пошел к выходу. Задержался на секунду перед зеркалом, небрежно поправил галстук. Рысьи глаза окинули зал. Мелькнула мысль, что в этой чертовой стране даже на легальном положении нельзя чувствовать себя спокойно. Но кому он мог понадобиться? Ведь он еще ни с кем не встречался. Он даже не знает, как зовут того наглухо законспирированного агента, где он живет и как выглядит. Только один раз Бергсон позвонил ему по телефону и спросил, как обстоят дела. Неужели старик просчитался? Или Бергсона узнали в России? Но кто мог знать его здесь? Его и в Германии-то никто не знал. И его и Хенгенау. Они оба существовали тогда для будущего. Еще весы войны качались в неопределенном положении, а Хенгенау уже начал свое дело.

Старый ипохондрик знал, что за него ухватятся, когда продавал свой опыт и ум. Тогда весь мир бредил атомом. А хрыч предложил такое, что даже выдавшие виды генералы побледили. «Маугли». Бергсон не был посвящен в детали операции под этим кодовым названием. Старик умел хранить свои тайны. Теперь он послал Бергсона в Россию с заданием привезти в Рио какую-то вещь, о которой и сам, вероятно, толком не знал. Но послать-то послал, а сам?

Что-то случилось со стариком. Бергсон понял это, прочитав первые сообщения о катастрофе. Он догадывался о причинах. Или не выдержали нервишки у Хенгенау. Или подвела ограда террариума. Но как бы там ни было, бутылка с джином разбилась.

Ограда не ремонтировалась пять лет. Старику давали мало денег. Только на лабораторные работы. Ему перестали верить.

Босс однажды недвусмысленно заметил, что Хенгенау просто ловкий шарлатан, а сами они — ротозеи, поверившие в бредовую выдумку. Бергсон в душе соглашался с боссом. Он даже привез старику помощников. Но хрыч затопал ногами, послал босса к дьяволу, а помощников выгнал. Он боялся, что кто-нибудь может проникнуть в тайну.

«И брат перестанет узнавать брата, жена мужа, а дети родителей, — вспомнил вдруг Бергсон слова, услышанные им вчера по радио из Боготы. — И прекратится род людской, и будет царствовать на земле Виолет...»

Бергсон поехал и подумал, что, пожалуй, на земном шаре выдержаннее всех ведут себя русские. Правительство СССР предложило свою помощь для изучения причин катастрофы. Видные ученые выразили готовность поехать на место происшествия. Но правительства заинтересованных государств отклонили эти предложения.

А босс, наверное, сейчас кусает локти...

Бергсон зашел в будку телефона-автомата и позвонил законспирированному агенту. Услышав в ответ лаконичное «рано», он выругался и вторично набрал номер. Из трубки послышались сильные протяжные гудки. Бергсон выругался снова и вышел на улицу.

Он был человеком дела. Любая затяжка выводила его из себя еще и потому, что освобождалось время для раздумий. А Бергсон думать не любил. Он умел соображать, прикидывать. Только не оценивать свои действия и поступки. Потому что действовал Бергсон всегда по чьей-либо указке. В данное время он выполнял задание Хенгенау. На пути возникли затруднения. Бергсон еще не знал, в чем они состоят, но догадывался, что в деле обнаружилось некое неблагополучие. За ним, кажется, следят. Агент избегает какого бы то ни было контакта.

Дойдя в своих рассуждениях до этого места, Бергсон снова вспомнил, как старик, посылая его в Россию, говорил, что будет ждать встречи в Рио. Тогда Бергсон не обратил внимания

на это. В Рио так в Рио. Но сейчас, начиная сопоставлять все известные ему факты, Бергсон вдруг стал утверждаться в мысли, что все это затеяно неспроста. Неужели?.. Нет, такое не могло бы прийти в голову даже Хенгенау. Это просто ошибка. Чудовищная ошибка...

Бергсон шел по вечерней Москве. Его не слепили сполохи неоновых огней. Москва не предлагала Бергсону лиловых подтяжек, похожих на плоских огромных червей. Такие подтяжки носил полный джентльмен. И ему не было никакого дела до переживаний Бергсона. В данный момент полный джентльмен раздумывал над способом, с помощью которого можно связать Бергсона с Отто. Ибо полный джентльмен был не кем иным, как тем, кого Бергсон называл боссом. И босс считал, что Бергсон должен вступить в контакт с Отто не от имени Хенгенау, а от его, босса, имени. Потому что в конце концов он, босс, содержал и Хенгенау и Бергсона. А Отто? Отто обязан был подчиниться тому, кто больше платит. Так думал босс. И был уверен, что все получится так, как думает он...

Бергсон шел по Москве. На улице Горького на него равнодушно поглядел парень в рабочем комбинезоне. На улице Герцена его проводили карие глаза молодого человека, стоявшего с букетом цветов у магазина готового платья. Потом молодой человек зашел в магазин и позвонил по телефону.

А за Бергсоном шли две подружки, оживленно болтая о том, что если они будут плестись так медленно, то опоздают к началу сеанса. В фильме играл Ефремов. Подружкам очень нравился актер.

Утром Бергсон собрался снова позвонить по условленному телефону. И опять почувствовал за собой слежку. Пытаясь понять, кто же за ним наблюдает, он исколесил треть Москвы. Останавливался в подворотнях, спускался в метро. Один раз поймал случайное такси и, проехав с километр по Садовой, быстро перескочил из машины в отходящий с остановки троллейбус. Он проделывал эти маневры в надежде уловить ошибку того, кто за ним следует. Но ничего подозрительного не

заметил. Тогда он подумал, что слежка ему мерещится. Однако заходить в будку телефона-автомата не решился. Интуиция разведчика заставляла его еще и еще раз обдумать ситуацию.

— Максимум аккуратности, — сказал ему тогда Хенгенау.

И он и Бергсон стояли на вершине пирамиды, затерянной в сельве. Хенгенау, потирая руки, бормотал о случайностях, приводящих гениев к открытиям. Он воображал себя Фаустом. Бергсон слушал и думал, что за годы, проведенные в джунглях, можно вполне сойти с ума, а не только найти какой-то дурацкий храм.

Храм был когда-то шикарным. Огромная усеченная пирамида ступенями поднималась над лесом. Даже сельва не смогла задавить ее. Они прошли внутрь. Бергсон хмыкнул. Напротив входа сидел бог с кошачьими ушами. Лицо его, высеченное из камня, было сурово и непреклонно. Когда они стали подниматься по узкому коридору в глубь пирамиды, Бергсон увидел на стенах горельефы, изображавшие таких же кошкочеловеков в разных позах. Одна фигура привлекла его внимание. Странное существо держало у глаз бинокль. Бергсон мог бы поклясться, что он видит бинокль. Он дернул Хенгенау за рукав и показал на стену. Тот отмахнулся.

— Я мог бы поразить археологов мира, — сказал Хенгенау. — Но у меня другие цели. Может быть, потом...

И не договорил, пошел дальше. Под самым потолком пирамиды оказался круглый зал. В потолке зияла дыра. Посреди зала стояла статуя кошкочеловека с вытянутой вперед, сжатой в кулак рукой. Другой рукой он прикрывал глаза. Перед пьедесталом фигуры лежала толстая каменная плита, слегка выпуклая посредине.

— Вот мы и у цели, — сказал Хенгенау. Он дал возможность Бергсону осмотреться. — Вы, конечно, ничего не понимаете?

Бергсон покрутил головой.

— Смотрите сюда. — Хенгенау показал на угол плиты. — Вы еще не забыли русский?

— Бе-кле-ми-шев, — прочитал по слогам Бергсон. — Ну и что?

— Сейчас вам будет яснее, — сказал старик и хлопнул в ладоши. И тут Бергсон увидел, что в зале есть второй выход. Оттуда появился голый индеец с длинными волосами. Подобострастно улыбаясь, он подошел к Хенгенау и протянул руку. Старик вынул из кармана шорт пачку коки и бросил на коричневую ладонь. Индеец отщипнул кусок и быстро сунул его за щеку. Бергсон поморщился.

— Зачем этот цирк? — спросил он угрюмо.

— Хранитель ушастого бога, — представил индейца Хенгенау. — Я приручил его. Слушайте, что он вам скажет. — И старик кивнул индейцу.

— Приносящий жертву уподобляется богу, — протяжно произнес индеец. — Он видит скрытое и познает непознанное. Само солнце становится ничтожным для него, и звезды меняют свои пути. Молитесь, люди, приносящему жертву, падите ниц пред ним. Ждите, когда солнце позолотит вершину храма. Тогда приносящий жертву снова вернется к вам. И будет он велик, и будете вы преклоняться перед ним...

— Что мелет этот ублюдок?

— Он говорит, что вам надо ехать в Россию, — сухо сказал Хенгенау. — Дело в том, что сейчас бесполезно приносить жертву. У бога украли некую штучку, которую он держал вот тут. — И Хенгенау показал Бергсону на кулак кошкочеловека. — Унес ее очень давно тот, кто расписался на этом камне.

— М-да, — промычал Бергсон. — А на что хоть она похожа, эта самая штука?

— Вам ее передадут. И вы привезете ее мне.

— Не люблю я этих тайн мадридского двора.

— Не ваше дело, — рассердился Хенгенау. — Это подарок Случая. И я его просто так никому не отдам. Ни вам, ни тем, кому вы сейчас лижете пятки.

Бергсон удивился. Кто кому лижет пятки? А кто кому платит деньги? Ведь эта обезьяна с лошадиной мордой давно сдохла бы тут, если бы Бергсон не выбивал субсидии на опыты. Там уже перестали верить. Старик впадает в детство и даже не понимает, что его акции уже почти не котируются.

Он хотел сказать все это, но сдержался. Хенгенау спросил:

— Ну так как, Бергсон? Возьмете это дело? Двадцать процентов от предприятия.

— А сколько стоит все?

— Много. И вы уже знаете достаточно, чтобы быть опасным для меня. Пусть это вас утешает. А также сознание того, что я доверяю вам.

Бергсон знал старика. Он понял, что больше из него ничего не вытянешь, и решил согласиться.

— Вам надо запомнить один номер телефона в Москве. Письмо с заданием я уже отослал этому человеку с дипломатической почтой. Ответ получен. Кстати, в посольстве, где вы будете числиться, не пытайтесь ничего выяснять. Тот, кто держал связь с моим агентом, уже там не работает. Ваша задача: звонить агенту по телефону. Он скажет, что делать, когда все будет готово. Еще раз напоминаю: ваших новых друзей в это дело мешать не следует. Поэтому я и предпринимаю столь строгие меры. Мой человек не продается. Кроме того, ни вы, ни он не будете знать ничего о вещи, которую привезете мне. Учтите одно: это очень опасная вещь. Неосторожное обращение может привести к нежелательным последствиям.

Старик ухмыльнулся. Бергсон подумал, что хрычу, в сущности, наплевать на безопасность Бергсона. Ему нужна эта штука. А она-то будет в руках у него, Бергсона. Нежелательные последствия? Ну, Бергсона не так-то легко напугать. Важно, что он сможет... Что он сможет, Бергсон не стал додумывать. Он согласился ехать в Россию.

Несколько дней старик провел в своем террариуме. Потом нашел Бергсона в саду. Тот скучал, уныло развалившись в

шезлонге под деревом. Слуга-индеец принес коктейли. Хенгенау, потягивая терпкую жидкость, так долго смотрел на Бергсона, что тот поежился и, не выдержав, спросил:

— Есть что-нибудь новое?

Хенгенау промолчал. Бергсон терпеливо ждал. Наконец старик наклонил лошадиное лицо к Бергсону.

— Хотите взглянуть? — вкрадчиво спросил он.

— Благодарю, — поежился Бергсон.

Перспектива увидеть питомцев профессора ему отнюдь не улыбалась. С него вполне хватило одного раза еще тогда, когда все это только начиналось...

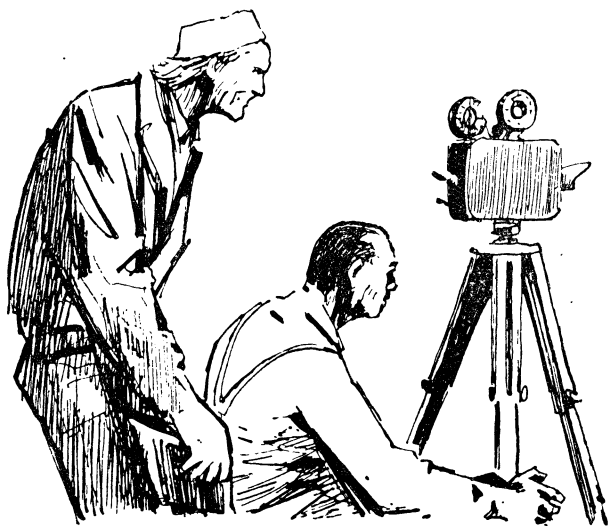
— А там есть кое-что, — сказал Хенгенау. — Кое-какие результаты.

Бергсон покачал головой. Он был брезглив. Хенгенау ощерился.

— Человеколюбие гложет, — зло бросил он и встал. — Благородная трусость убийцы! Ну, вот что. Пока вы таскались по девкам в Европе, я тут не терял времени. Кое-что вы видели. Теперь, чтобы укрепить вашу веру, я хочу показать вам еще нечто.

Он желчно усмехнулся и сделал знак Бергсону следовать за собой. Тот нехотя поднялся. Старик повел его в ту часть дома, где Бергсон не бывал никогда. Они прошли через анфиладу комнат прямо в спальню старика. Бергсон с любопытством взглянул на узкую девичью кровать, на столик с букетиком незнакомых цветов и ехидно подумал, что в общем-то хрычу не сладко живется в сельве. И что он, Бергсон, доведись ему оказаться в таких условиях, обставил бы свой быт с большим комфортом. И уж он, наверное, вышвырнул бы к чертовой матери и эту кровать, и амазонские фиалки, и книги, которыми хрыч забил всю спальню. В таком логове должна царить шкура ягуара.

Хенгенау словно угадал его мысли. Остановившись возле книжного стеллажа, он хмыкнул и в упор поглядел на Бергсона.

— Примеряетесь? Вам этого не понять никогда.

И замолчал. Отвернулся и сунул руку между стеллажами. Один из них отъехал, открыв маленькую белую дверь. Хенгенау воткнул ключ в замочную скважину, но поворачивать не торопился. Его глаза снова смотрели на Бергсона.

— Вы верите в Случай? — вдруг спросил он.

Бергсон молча кивнул.

— Я всегда верил, — сказал Хенгенау, и в его голосе слышались нотки торжественности. — И эта вера привела меня к удивительному открытию. Сейчас я вам это покажу.

Он резко открыл дверь. Щелкнул выключатель, и Бергсон увидел пустую комнату. Белые стены. Посредине стоял небольшой кинопроектор на треноге. Рядом — два кресла. Хенгенау молча указал на одно из них и стал возиться с про-

ектором. Затем погасил свет. Застрекотала лента, на одной из стен вспыхнул белый прямоугольник киноэкрана. Через секунду на нем замелькали тени. Хенгенау поправил фокус, и Бергсон увидел внутренность храма, статую кошкочеловека, жертвенную плиту и толпу индейцев. Через секунду от толпы отделились двое в белых одеждах, один из них лег на плиту, а второй выдернул из руки кошкочеловека жезл и потряс им. Потом откуда-то из складок своего странного одеяния он достал нож и вонзил его в грудь лежащего на плите. Тут же на экране ослепительно сверкнул свет, и декорации сменились. Исчез храм. Глазам Бергсона предстало странное зрелище. Группа кошкочеловеков стояла в помещении, напоминающем современную лабораторию. Они о чем-то говорили, затем один, видимо главный, отвернулся к пульту и нажал кнопку.

И перед изумленным Бергсоном открылся космос. Он ощутил, что летит куда-то с невероятной скоростью, ибо изображение на экране не было неподвижным. Казалось, что звезды сорвались со своих мест и несутся на Бергсона.

Но стрекот ленты оборвался, в комнате вспыхнул свет. На Бергсона глядели глаза Хенгенау. В них сверкали огоньки.

— Что это? — хрипло спросил Бергсон.

— Дар Случая, — сказал Хенгенау. — Вы видели действие той вещи, которую должны привезти. И я еще раз хочу напомнить вам об опасности.

— Но я ничего не понял, — сказал Бергсон.

— Полагаю, этого достаточно, — жестко произнес Хенгенау.

И Бергсон поехал в Россию, где неожиданно попал под наблюдение к Диомидову. Подстерегала его здесь и другая неожиданность. Через океан летел самолет. Дипкурьер вез с почтой письмо для Бергсона. В этом письме была изложена строгая директива полного джентльмена, а также указание, как связаться с Отто Вернером и что ему сказать. Полный джентльмен знал, что делает. Не знал он только того, что Отто обманет его ожидания.

Перед тем как попросить шофера остановить машину возле серого четырехэтажного дома на Беговой, Диомидов пересек чуть ли не всю Москву. У Белорусского вокзала красный глаз светофора задержал «Волгу» на полминуты рядом с бежевым такси. Тридцать секунд полковник разглядывал человека, поиски которого начал утром, хотя и не подозревал, что это именно тот человек. Пассажир такси, рослый мужчина с угрюмым лицом, мельком взглянул на Диомидова и лениво отвел глаза. Федор Петрович подумал, что у человека в такси, вероятно, больна печень. Потому что лицо было желтушным, а взгляд серых глаз отсутствующим, или, выражаясь точнее, углубленным в себя. На коленях незнакомец держал большой рыжий портфель.

Полминуты истекли. Толпа машин двинулась. Бежевое такси повернуло в сторону от улицы Горького, диомидовская «Волга» некоторое время ехала прямо. И ни Диомидов, ни человек в такси не думали в этот момент, что их встрече суждено повториться, да еще при исключительных обстоятельствах.

На Беговой полковник вынул из кармана бумажку с адресом, взглянул на нее и вошел в первый подъезд. На втором этаже надавил кнопку звонка у двери квартиры номер пять. Дверь открыла маленькая женщина в черной юбке и белой блузке. Она холодно прищурилась, потом ее губы дрогнули, в зеленых глазах мелькнуло удивление.

— Бсже мой, — протянула она мягким контральто, — неужели это ты, Федя?

— Я, — несколько растерялся Диомидов. — А почему, собственно, ты здесь, Зойка?

— Было бы странно, если бы меня не было здесь, — усмехнулась Зойка, — я, видишь ли, здесь живу.

— Да, да, — Диомидов потер лоб. — Прости.

Так состоялась вторая случайная встреча в это утро. О первой Диомидов не догадывался. Вторую наметил сам. Но тем не менее и она оказалась для него сюрпризом. Зойка, а это, несомненно, была Зойка, с которой он когда-то давно сидел за одной партой, стояла сейчас перед ним и улыбалась, и говорила, что он очень мало изменился, что только мешочки появились под глазами да нос вроде стал шире. А в общем он все так же похож на Поля Робсона, и она его сразу узнала, несмотря на полковничьи погоны и на двадцать лет, прошедшие со дня выпускного вечера в школе.

— Прибавь десяток, — поправил Диомидов, входя вслед за ней в комнату и снимая шинель, которую Зойка предложила бросить на диван. Потому что в шкафу тесно, объяснила она. И конечно же, она спутала. Скоро тридцать лет, как они не виделись. И, наверное, не увиделись бы вообще, если бы не эта история в лесу. Да, это она шла на дачу к подруге, и это на

нее совершили нападение. Конечно, испугалась. До сих пор страшно. Но Федя, вероятно, посидит немного. Она приготовит кофе и все расскажет.

— Курить не возбраняется, — сказала она и поставила на валик дивана бронзовый сапожок. — А я сейчас. Ты ведь не на пять минут?

— Может, и не на пять, — откликнулся Диомидов, разминая сигарету и с любопытством осматривая Зойкино жилище. Чем-то оно напоминало его собственное, хотя и мебель и убранство квартиры были иными. У Диомидова не было круглого стола, накрытого клетчатой скатертью, трельяжа, заставленного флакончиками, модных нейлоновых портьер на окнах. «Живет одна», — догадался полковник и в ожидании, пока вернется хозяйка, раскрыл книжку, небрежно брошенную на край стола.

Но мысли его были еще там, в лесу. Он вспомнил, как опустился перед ямой на колени и постучал по ее краю ножом. Она отозвалась мелодичным звоном. Ему захотелось узнать толщину слоя этого странного звенящего лака, и он сунул нож в землю около ямы, ожидая, что он во что-нибудь упрется. Но лезвие свободно прошло в яму. Диомидов присвистнул. Он потянул нож: не на себя, а как бы пытаясь вспороть поверхность. И удивился еще больше. Ручка ножа осталась у него, а лезвие покатилося на дно. Диомидов недоуменно взглянул на обломок и поднялся с колен.

— Так, — сказал он, отряхивая прилипшую к брюкам травинку. И, шагнув в сторону, сел на пенек. Увидел, что Беркутов идет к яме с металлическим прутом в руке.

— Назад! — крикнул он. — Достаточно одной глупости.

Беркутов попытался что-то сказать, но Диомидов только махнул рукой.

— Кто лазил туда? — спросил он милиционеров.

— Я, — откликнулся пожилой старшина. — Этого вытаскивал, — он кивнул на труп вора. — А что, товарищ полковник, там радиация?

— Не знаю. Во всяком случае, близко к этой штуке никому не подходит. Ясно?..

— Вот мы и встретились через тысячу лет, — перебила его мысли Зоя, входя с подносом, на котором стояли кофейник, чашечки и сахарница. — Ты вафли любишь?

— Не надо, — Диомидов раздавил окурочек в сапожке и повторил вслед за ней: — Вот и встретились...

— А я забыла, что ты есть на свете, — сказала Зоя, наклоня кофейник над чашкой. — И вообще всех забыла. Вернее, как-то не приходилось вспоминать.

— Да, — согласился Диомидов.

Он тоже забыл про Зою. И ему понравилась ее прямота. Он терпеть не мог разных фальшивых слов насчет однокашников, которые будто бы только и заняты думами друг о друге и ждут не дождутся дня, чтобы сойтись и поговорить о том, какими они были и какими стали. У Диомидова при подобных встречах разговора обычно не получалось. Такие беседы протекали нудно и состояли в основном из междометий, частиц, союзов и предлогов:

«Ну как?» — «Да ничего. А ты?» — «Женился. Работаю. Помнишь Петьку-то?» — «Петьку? Это какого? Сивоухова, что ли?» — «Ну да. Фигурой стал». — «Вот оно как!»

И разговор иссякал. Однокашникам было в общем-то наплевать, какой фигурой стал белобрысый Петька Сивоухов, о котором в памяти удержалось только, что он как-то на уроке выстрелил из рогатки жеваной бумажкой и попал в лоб учительнице литературы. Потом снова тянулись междометия и союзы, пока кто-нибудь не вытаскивал на поверхность еще одно далекое и совсем уж неинтересное воспоминание.

Зойка разрубила узел одним ударом. Забыла. Не вспоминала. Не все ли равно? Ведь Диомидов тоже не вспоминал про Зою. Да и сюда он явился не для воспоминаний. Возникло какое-то странное дело, в котором Зойке не было места. Случайность. И чем Зойка могла помочь? В сущности, ничем. Может, она видела убийцу вора? Он слушал Зою, а думал о дру-

гом. Зачем ему знать, как она живет? Для дела это не нужно. Однако вежливость прежде всего. И Диомидов прихлебывал кофе, не мешая Зое рассказывать о себе, о соседях, о работе.

Глава шестая

ТРОСТОЧКА

Звякнула ложечка.

— Хороший кофе, — похвалил Диомидов. — А ты, значит, стала врачом?

— Зубным. Всего-навсего.

— Не скучно?

— Привыкла. Ко всему привыкла. И к работе... И к дому.

Диомидов усмехнулся. Сейчас в самый бы раз вспомнить Петьку Сивоухова. И он решил, что пора прервать затянувшийся разговор. Спросил про утреннее происшествие. Зойка сказала, что ездила на дачу к подруге. От станции пошла лесом. Когда вышла на поляну, увидела яму.

— Тут он на меня и кинулся. Я завизжала и укусила его за палец.

Диомидов заинтересовался подробностями. Зоя сказала, что очень испугалась, когда в яме вспыхнул свет и здорово тренькнуло в голове. Она решила, что это конец. Почему-то вспомнила вдруг про больного, которому лечит кариес. Пожалела, что не долечила.

— Был, значит, свет, — задумчиво откликнулся Диомидов.

Зоя кивнула. Он спросил, не видела ли она чего любопытного, когда этот свет вспыхнул. Зоя резонно заметила, что ей в это время было не до рассматривания любопытных подробностей.

— Н-да, — протянул Диомидов.

Он тоже видел свет. Когда полковник отогнал Беркутова от ямы, старичок врач показал ему дозиметр и сказал, что никакого намека на радиоактивность в этой яме не содержится. Дио-

мидов не успел ему ответить. Он увидел, как из ямы вдруг выплеснулся столб серебряного света. Словно вспыхнул проектор. Столб вытянулся метров на сорок вверх и исчез. Это произошло как раз в тот момент, когда на поляну вынырнула еще одна машина. Из нее вылез старик в темном пальто и мохнатой шляпе. Диомидов узнал в старике известного академика Кривоколонова. Его молодые спутники вытащили из багажника приборы, и вся группа приблизилась к яме.

А там творилось что-то непонятное. На мерцающей черной поверхности появились серые точки. Одна из них стала расти. Она ползла от края ямы к центру и как бы вспухала, пока не превратилась в серое пятно, крутящееся, как земной шар на экране кинохроники. Затем на пятне замелькали тени, похожие на кубы и параллелепипеды.

И вдруг всплеск черноты. И снова от края к центру поползли точки. Снова возникло серое пятно. А на нем размытая тень, напоминающая человеческую фигуру с воздетыми вверх руками. Потом пятно вздрогнуло, и на нем появились глаза. Широко открытые, с прямоугольными зрачками. Видение продержалось несколько секунд и погасло.

— Салют из другого мира, — произнес кто-то из спутников Кривоколонова.

Старик сердито сказал молодому человеку, упомянувшему про салют:

— Вы бы лучше замеры сделали, чем про салюты распространяться.

— Приборы молчат, — развел руками молодой человек. — А явление заканчивается.

Диомидов бросил взгляд на яму. Яма осталась. Но странный черный лак исчез. На желтом глинистом дне лежал обломок диомидовского ножа. Потом академик придирчиво расспрашивал милиционеров об этом явлении, хмыкал иронически. И наконец уехал.

— Три сеанса было, — сказал Диомидову врач. — Я считал. И все время одно и то же...

А Зоя говорит, что был еще сеанс. Сколько же их всего было? И что это за чертовщина все-таки? Академик ни на один его вопрос не ответил. Уехал сердитый. Что-то ему в этой яме не понравилось.

— Ямы сперва не было, — сказала Зоя. — Поляна как поляна. Цветы там росли хорошенькие, голубенькие. Я хотела букетик нарвать. Наклонилась. И тут яма и раскрылась. А в ней лежал этот... этот убитый. И палка валялась.

— Палка, говоришь? — перебил Диомидов. — А какая она из себя, эта палка?

— Не знаю. Хотя... На мундштук похожа. Знаешь, есть такие самодельные мундштуки из колечек. Красные, желтые, черные... А может, мне показалось? Может, там только красные... Я еще почему-то подумала про тросточку. Вот, думаю, гулял человек с тросточкой, а его и застрелили. Ну да. Это и была тросточка. С зеленым набалдашником. Но мне ведь некогда рассуждать было. Все смешалось в голове. Яма из ниоткуда... Убитый... А потом этот душить начал...

Зоя передернула плечами и замолчала. Диомидов отодвинул чашку и задумчиво пощелкал по ней ногтем.

— Лица его ты, конечно, не видела? — спросил он.

— Нет. Костюм у него, кажется, серый. А что это за яма?

Диомидов покачал головой. Зоя понимающе взглянула на него и сочувственно улыбнулась. Заметила, что он выбрал себе специальность не из лучших, но, наверное, интересную. Диомидов ответил неопределенно:

— Как тебе сказать? Уезжаем — приезжаем.

— Жена, вероятно, волнуется.

— Не женат я. Вроде тебя.

Зоя нахмурилась, потом засмеялась и сказала, что она женщина самостоятельная, а Диомидову жена нужна. Для разнообразия. Чтобы было к кому приезжать.

— Может, и нужна, — в тон ей откликнулся полковник и сказал, что он еще не успел познакомиться со своей будущей полсвиной.

— А ты познакомься, — посоветовала Зоя. — Это же легко.

— Кому как, — вздохнул Диомидов, вставая. — Спасибо за кофе, отличный он у тебя.

Пока Диомидов одевался, они еще поговорили немного. Федор Петрович рассказал Зое про кота, которого держит вроде живого талисмана. Зоя поинтересовалась, где Диомидов обедает. Закрывая дверь, усмехнулась:

— Значит, уезжаем — приезжаем. А бывает, что и совсем уезжаем?

— Бывает, — согласился Диомидов и протянул руку.

— Пока, — сказала Зоя на прощанье. — Соскучишься — позвони. Поговорим о том, о сем.

— Поговорим, — сказал Диомидов и шагнул к лестнице...

А утром он вылетел в Сосенск. Перед вылетом пригласил Беркутова и рассказал ему про трость. Майор махнул рукой, заметив, что мысль Федора Петровича ему понятна, но вряд ли из поисков владельца палки получится что-нибудь путное. Полковнику дело тоже казалось безнадежным, но привычка не пренебрегать даже самыми незначительными возможностями взяла верх. Беркутов ушел от него недовольный. Легко сказать: искать в Москве человека, у которого пропала трость. В том, что она пропала, Диомидов не сомневался. Раз был вор — значит была и кража. Кроме того, эта вещь после убийства вора из ямы исчезла. Унести ее мог только убийца.

После ухода Беркутова Диомидов придвинул листок бумаги и занялся расчетами. Зоя сказала ему, что, выходя на поляну, взглянула на часы. Было пять тридцать. А в шесть к яме подошел грибник. Он утверждает, что никакой трости в яме не было. За тридцать минут вряд ли мог еще кто-нибудь подойти к яме. Значит, можно считать, что за тростью охотился убийца вора. Предположим, что вор выкрал эту вещь по договоренности с неизвестным. Встреча была назначена в лесу. Но вор был лишним. И незнакомец убрал его. Логично? Да. А что произошло потом? Появилась яма со всеми аксессуарами. Выстрел мог сработать как детонатор. Убийца растерялся. На поляну тем

временем вышла Зоя... Стоп! Зойка вышла, когда на поляне ничего не было. Яма перед ней раскрылась внезапно. И в ней лежали труп и трость. Вот дьявольщина!

Диомидов забарабанил пальцами по крышке стола. Выходил какой-то мотив. Полковник прислушался и вспомнил песенку, которую Зойка распевала в школе.

Соловей кукушку долбанул в макушку,
Ты не плачь, кукушка, заживет макушка.

Он встал, отошел к окну. Поймал себя на том, что снова напевает дурацкую песню, и ругнулся. Попробовал сосредоточиться на мысли об утреннем происшествии. Была эта яма или не было ее? Значит, так. Выстрел. Вор убит. Упал. Незнакомцу нужна трость, и он делает шаг к яме. Нет. Никакой ямы нет. Какого черта? Сам же Диомидов видел эту проклятую яму. И Зойка. А может, Зойка путает? Загляделась на цветочки и не заметила, как подошла к яме. Если это так, то все становится на место. А если не так? Тогда где же в это время находился труп?

— Вот чушь! — вслух пробормотал Диомидов и снял телефонную трубку. Он решил еще раз переговорить с Зоей.

— Не было, — ответила она. — Нет, я понимаю, что говорю. Я наклонилась за цветком и увидела... Нет, я вполне вменяема сейчас... И тогда...

— Чушь? — прошептал Диомидов и тихо опустил трубку на рычаг...

Телега далеко не совершенный способ передвижения. Но выбора не оказалось, и Диомидову пришлось добираться до Со-сенска от аэродрома на этом виде транспорта. Самолет отнял два часа. Телега — три. Но как бы то ни было, в четыре часа дня Диомидов уже шагал по улицам городка. Хотелось есть. И прежде чем пойти к Ромашову, он решил завернуть в чайную.

По дороге Диомидов с любопытством рассматривал акку-

ратные домики с резными крылечками и удивлялся обилию животного мира на улицах. Перед чайной ему пришлось остановиться. Дорогу переходило стадо гусей. Диомидов давно не видел сразу столько белых птиц, важно переваливающихся с ноги на ногу. Картина эта вызвала на его лице улыбку.

Сколько же лет прошло с тех пор, когда босоногому Федьке здорово попало от матери за соседского гусака? Ох и много!.. Впрочем, Веньке Гурьеву досталось не меньше. Но Федьку утешало хоть чувство победителя в споре. А Венька проиграл. Надо же было дураку додуматься, что гуси могут жить под водой. Ох и трепыхался же тот гусак, когда они вдвоем притопили его в речке! Птица все же выжила. А Венька проспорил тогда какую-то вещь. Свайку, что ли? И вот уже нет Веньки: война проглотила Веньку. А жизнь дальше бежит...

Гуси прошли. Диомидов отогнал пришедшие не к месту мысли и шагнул на крыльцо чайной. Долго читал меню, не зная, на чем остановиться. Наконец выбрал рубленый бифштекс и кофе. Заказывая обед, спросил официантку, есть ли в Сосенске гостиница.

— А зачем она нам? — удивилась востроносенькая девчушка. — Дачники, они вовсе на частных живут. А командировочные вроде вас, те как придется устраиваются.

— Неужто я не похож на дачника? — поинтересовался Диомидов.

— Какой же дачник в такую слякоть поедет? — искренне удивилась девушка. — Разве ненормальный какой. — И смутилась, заторопилась. — Заказывайте, гражданин. Не положено мне сейчас посторонними разговорами заниматься.

— Не положено, значит, — серьезно сказал Диомидов. И подумал, что в этом Сосенске трудно потеряться. Здесь, наверное, соседи наперед знают, что у кого на обед будет вариться. — Так, так. И давно дачники съехали?

— Да что вы, в самом деле, привязались? С месяца уж никаких дачников у нас нет. Опоздали вы малость.

— Это почему же я опоздал? — удивился Диомидов. — Может, я и есть тот самый ненормальный дачник.

Девушка приснула. Ей определенно понравился этот широкий дядька, по-видимому фининспектор. Кто же еще дачниками будет интересоваться? Непонятно было только, почему он так поздно приехал. Обычно фининспекторы приезжали в разгар сезона. Тогда в поселке поднималась тихая паника. Квартиродатчики, державшие непрописанных жильцов и не платящие налогов, бегали от инспекторов, как мыши от кота. Кто-то все равно попадался, платил штраф. Но инспектор уезжал, и дела шли прежним порядком. Жители поселка к этим налетам привыкли как к неизбежному злу. А этот явно опоздал: наверное, еще неопытный.

Когда раздался телефонный звонок, полный джентльмен дремал в кресле. «Да, — сказал он в трубку, — я жду вас, мой друг». Все эти дни он с нетерпением ждал, чем кончится миссия художавого, который отправился на вертолете прямо в эпицентр «фиолетовой чумы». И вот наконец тот благополучно вернулся. Кое-что он увидел. По поводу увиденного в его голове созрел ряд вопросов. Их нужно было обсудить. «Да», — сказал полный джентльмен еще раз и положил трубку на рычаг.

На месте лаборатории Хенгенау художавый джентльмен нашел груды дымящихся развалин. Ни старика, ни фиолетовых обезьян ему не удалось увидеть. В бывшей спальне ученого он обнаружил полуобгоревший сейф. Железный ящик был открыт. Ключ торчал в замке. Это навело художавого джентльмена на размышления, которыми он и поделился со своим боссом.

— Я так и предполагал, хотя не понимаю, зачем это ему понадобилось, — сказал босс. — Впрочем, от этих немцев можно ждать чего угодно.

Худшавый покачал головой. Он тоже не понимал многого, хотя главное сомнений не вызывало: Хенгенау удрал. Об этом

свидетельствовал не только ключ в дверце сейфа. Взорванная ограда террариума, испорченное оборудование — все это говорило о том, что Хенгенау сознательно разрушил все мосты.

— Что ж, — произнес полный джентльмен после некоторого раздумья. — Мы поступим правильно, если постараемся извлечь из сельвы то, что там осталось.

— Там? — удивился художавый. — Там, по-моему, ничего уже нет.

— Ну, ну, — сказал полный. — Есть специалисты, которые этим займутся. В Хенгенау вложено слишком много денег. Кстати, что значит это слово — «Маугли»? Странная фантазия.

— Хенгенау любил Киплинга.

— Я тоже его люблю. Почему Хенгенау не назвал это как-нибудь иначе?

Художавый джентльмен заметил, что он никогда не задавал себе этого вопроса. Кодовые названия иногда бывают крайне причудливыми. Босс возразил, он сказал, что в этих символах часто скрывается очень глубокий смысл.

— Вспомните-ка, что нам говорили Хенгенау и Бергсон, когда предлагали свои услуги. Речь шла тогда о том, что Хенгенау, занимаясь газовыми камерами, открыл какое-то странное поле. А что получилось? — полный джентльмен бросил взгляд на художавого.

— Но ведь Зигфрид информировал нас об изменении характера работ.

— Он ничего не сообщал ни о «фиолетовой чуме», ни о цепной реакции.

— Вы хотите сказать, что они обманули нас?

— Хенгенау — да. Он и Зигфрида обманул. И Бергсона. Он оказался умнее, чем я предполагал. И по этому поводу можно только выразить сожаление.

— Очень сложно получается, — сказал художавый, покачивая головой.

— Легкомыслие, мой друг, украшает только женщину, — сказал босс назидательным тоном. — А вот над названием

«Маугли» стоит задуматься. Я придерживаюсь той мысли, что Хенгенау с самого начала водил нас за нос. Он вытряхивал из меня деньги на свою лабораторию и делал что-то совершенно другое. И, благополучно добравшись до конца, выпустил на мир обезьян. Да, оборудованием лаборатории следует заняться. И придется эту задачу вам взять на себя, мой друг. Теперь об Отто. Команда Бергсону дана. Условия связи отосланы. Конечно, Отто изрядно удивится, когда Бергсон сообщит ему наши директивы. Но что поделаешь? Выбирать ему не приходится.

— Мне кажется, удивлен будет Бергсон. Он ведь до сих пор уверен, что Отто мертв.

— Откуда у вас эти сведения?

— Бергсон сам говорил мне. Он рассказывал, как вместе с Хенгенау и Зигфридом присутствовал на похоронах Отто, погибшего якобы в автомобильной катастрофе.

— А он знал Отто в лицо?

— Нет.

— Что ж, Хенгенау надо отдать должное. Он умеет обделывать свои делишки. Но с нами у него это не пройдет. Устроил я все так, что Бергсон придет к Отто от Зигфрида. Зигфрид в свое время сообщил мне все пароли. А Хенгенау воображает, что Отто его человек.

Полный джентльмен позвонил и приказал лакею подать коктейли. Худощавый задумчиво побарабанил пальцами по подлокотнику кресла и спросил:

— Так что же это такое: «Маугли»? Вы меня заинтриговали.

— Я полагаю, мой друг, что вам не следует задерживаться в столице, — ответил полный. — Чем быстрее мы разберемся в обстановке, чем скорее извлечем остатки лаборатории Хенгенау из сельвы, тем скорее вы получите ответ на этот вопрос. Тем временем и фантастический жезл окажется у нас в руках. Между прочим, неплохо бы организовать поиски Зигфрида. Будет неприятно, если окажется, что он мертв. Ну, а если он жив, то надо не допустить, чтобы с Зигфридом Вер-

нером что-нибудь случилось. Вполне вероятно, что он находится сейчас рядом с Хенгенау. Секретарь профессора не должен покидать своего хозяина. Однако кто знает? Хенгенау уже доказал нам, что он человек решительный. И если он подозревал своего секретаря...

Закончив эту длинную тираду, полный джентльмен поднес бокал к губам. Худощавый последовал его примеру. Но еще не все вопросы были выяснены. Сделав глоток, худощавый джентльмен медленно произнес:

— Не слишком ли мы оптимистично настроены? Ведь с этим Отто никто из наших людей никогда не связывался.

— Да, — вздохнул полный. — Но он жив и здоровствует. Вот полюбуйтесь. — И он подал собеседнику книгу.

— Я ведь не читаю по-русски, — сказал худощавый.

— Это он. Видите, год выпуска нынешний. — И полный джентльмен прочитал: — «Ридашев. «Жажда».

— Он стал писателем?

— А что тут особенного? — откликнулся полный. — Каждый устраивается как умеет.

Джентльмены выпили коктейли и разошлись. На сегодняшний вечер с делами было покончено. Все вопросы решены, машина запущена. Оставалось ждать результатов.

Из того факта, что человек спит на девичьей кровати, не следует делать вывода, что ему снятся девичьи сны. Людвиг Хенгенау спал без сновидений. Его не мучили кошмары ни в молодости, когда он служил рядовым врачом в психиатрической лечебнице, ни потом, когда он производил опыты над заключенными в лагере смерти под Эльбой. Это был секретный лагерь. Целиком спрятанный в землю, он не привлекал внимания любопытных глаз. В обширных бункерах не было никаких производств. Только лаборатории и помещения для подопытных. И если в какой-нибудь лаборатории вдруг раздавался крик, то его гасили толстые бетонные стены.

Бергсон возглавлял охрану. Хенгенау руководил научными исследованиями. О характере работ даже Кальтенбруннер не имел представления, хотя они и проходили по его ведомству. Болтали, что Хенгенау ищет вирус шизофрении. Но это была, конечно, болтовня.

В 1944 году Хенгенау пожелал сделать личный доклад Гитлеру. Недоверчивый фюрер, напуганный заговорами, долго колебался. Наконец разрешение было получено. Гитлер принял Хенгенау в присутствии Бормана. Перед тем как пустить ученого в кабинет, его тщательно обыскали. Это было унижительно, но Хенгенау смирился. Он вытерпел даже запах потной руки чиновного эсэсовца, бесцеремонно обшарившего его рот.

Доклад длился час. Не было сделано ни одной записи. И сразу же начались работы по перевозке лаборатории в сельву. Во всех приказах операция называлась «Маугли». Что стояло за этим словом, никто не знал. Бергсон, хоть и был близок к Хенгенау, в существо дела не был посвящен. Личный секретарь Хенгенау Зигфрид Вернер знал немногим больше.

Когда кончилась война, Бергсон был принят полным джентльменом, который снисходительно выслушал его и препоручил заботам художавого. А немного спустя лаборатория в сельве стала получать оборудование и медикаменты с маркой одной из фирм босса. Транспортировкой занимался Бергсон.

Хенгенау к смене хозяев отнесся безразлично. Откуда текут деньги, его мало интересовало. Он спал спокойно, без сновидений. Он не видел снов ни в золотом детстве, ни в юности, ни теперь. Как психиатр, он понимал, конечно, что человек не может спать без сновидений. Но он не помнил, что ему снится.

В то утро он проснулся, как всегда, рано. И решил окончательно: довольно, «Маугли» себя исчерпала.

Позавтракав, Хенгенау надавил кнопку звонка. В дверях вырос толстый белокурый немец.

— Зигфрид, — сказал старик, не глядя в его сторону. — Зигфрид, сейчас вы отпустите всех цветных. Рассчитайте их — и в шею.

— Хорошо, господин доктор. Как поступить с охраной?

— Охрану снимите. Пусть отдыхают. Завтра придет вертолет. Завтра они будут тискать мулаток в Рио. Мы кончили работу.

— А «эти», господин доктор?

— Что «эти»? «Эти» у себя дома. — Хенгенау усмехнулся. — Ну, ну, старина, не надо трусить. Их я возьму на себя.

Хенгенау пошел в центральную лабораторию. С грустью огляделся. Со всех сторон на него смотрели экраны приборов. Черные и зеленые ящики, усеянные кнопками, тумблерами и индикаторными лампами, стояли словно в ожидании. К одному из них, опутанному проводами, старик ласково прикоснулся рукой.

— Прощай, дружок, — тихо прошептал он. — Тебя я никогда не забуду. — И, резко повернувшись, вышел в другую комнату. Открыл дверцу сейфа, достал оттуда стеклянную ампулу, наполненную белыми кристалликами, и взвесил ее на руке.

— Жизнь, — усмехнулся он. — Ну что ж, поторгуюсь, господа. Только предварительно я преподам вам урок вежливости.

Положив ампулу на стол, Хенгенау вытащил из сейфа пачку густо исписанных листов бумаги. Подошел к камину, чиркнул спичкой. И тщательно мешал горящие листы щипцами, пока они не превратились в золу.

— Теперь все, — вздохнул он и приблизился к окну. Отсюда было видно помещение охраны. «Двадцать, — размышлял старик. — Их двадцать, а я один. Плюс верный Зигфрид. Он уже, конечно, сделал все, что надо».

В окно было видно, что у домика охраны царит оживление. Группа разномастных людей что-то обсуждала. От толпы отделились двое и побежали через двор по направлению к складу с продуктами.

— Торопитесь! — пробормотал старик. — Я ведь тоже спешу. Но почему не видно Зигфрида? Хотя...

Он подождал еще. Те двое возвращались с корзинами в ру-

ках. Толпа встретила их радостным гулом. На свет появились бутылки. Старик взял бинокль и удовлетворенно хмыкнул.

Через полчаса он уже шел через двор. Перешагнув порог домика, остановился в дверях. На полу в разных позах лежали охранники. Двое сидели за столом, уронив головы. Хенгенау пересчитал их. Двадцать. Теперь надо найти Зигфрида, подумал он и закрыл дверь.

Но Зигфрид исчез. Старик два раза обошел дом, заглянул на склады, на электростанцию. Его верного секретаря и телохранителя нигде не было.

«Догадался, — подумал Хенгенау. — Ну да черт с ним! Никуда не уйдет. «Эти» бегают быстро».

Он снова пересек двор, но уже в другом направлении. Пошел к бетонной стене и отпер маленькую железную дверь. Спустился в узкий коридор, который привел его к другой двери. Он отпер ее и поднялся в маленькое помещение. Хенгенау оказался как бы внутри половинки яйца, поставленной краями на землю. Через три окна, похожие на амбразуры дота, он мог видеть почти всю территорию, огороженную высокой бетонной стеной. Это был террариум, предмет гордости Хенгенау. А сам он находился на наблюдательном пункте.

Так начинались события, потрясшие некоторое время спустя почти весь мир. И в оценке причин этих событий был в большей степени прав худощавый джентльмен, а не его босс. Но и босс не во всем ошибался. Старый Хенгенау не желал менять хозяев. Просто он решил дать им понять, что он стоит больше, нежели они думают. И нужно это было потому, что Хенгенау знал: скоро ему потребуется много денег на новые опыты. Он чувствовал, что стоит на пороге большого открытия. Такого открытия, какого еще не знал мир ни во времена Галилея, ни позже. Правда, ему еще далеко не все было ясно. Но детали Хенгенау не волновали. Его ум улавливал существо вопроса. А это было сейчас самым главным. Стоило думать, стоило жить, стоило выколачивать деньги. Хенгенау хотел быть так же велик, как Эйнштейн.

„ЭТИ“

Старик приблизился к одному из окон. Толстый пластик был измазан снаружи.

— Опять загадили, — пробормотал он безразлично и потянулся к кнопке, включающей механизм для смыва грязи с наружной поверхности стекол. У «этих» была скверная привычка гадить на бетонном куполе. Хенгенау пришлось придумать приспособление для очистки. Но он напрасно давил кнопку. Сегодня двигатель электростанции молчал. Вспомнив это, старик примирился с мыслью, что ему придется наблюдать происходящее через мутные стекла.

Поблизости от купола бродили два существа, внешне похожие на людей. Голые тела отливали на солнце бледно-лиловым. Они поочередно наклонялись к бетонному желобу и остервенело лизали сухие стенки. Бессмысленные лица не выражали никаких чувств. Но поведение существ показывало, что они чем-то недовольны. Вот одно из них схватилось руками за желоб и стало злобно трясти его. Второе в это время колотило кулаками себя по груди. Потом оба, встав на четвереньки, запрыгали в сторону. А к желобу уже приближалась следующая пара.

Хенгенау подсчитывал. Пищи их лишили два дня назад. Вода выключена утром. Что ж, можно, пожалуй, начать эксперимент. «Эти» подготовлены. Они пойдут далеко. И старик протянул руку к маленькому черному ящичку с рукояткой, как у телефонного аппарата военного образца. Прижав левой рукой ящик, он правой сильно крутнул ручку. Дрогнула земля. Издалека донесся глухой взрыв. Хенгенау приник к окну. В ограде на противоположном конце террариума зияла рваная брешь. Облако пыли опускалось на землю.

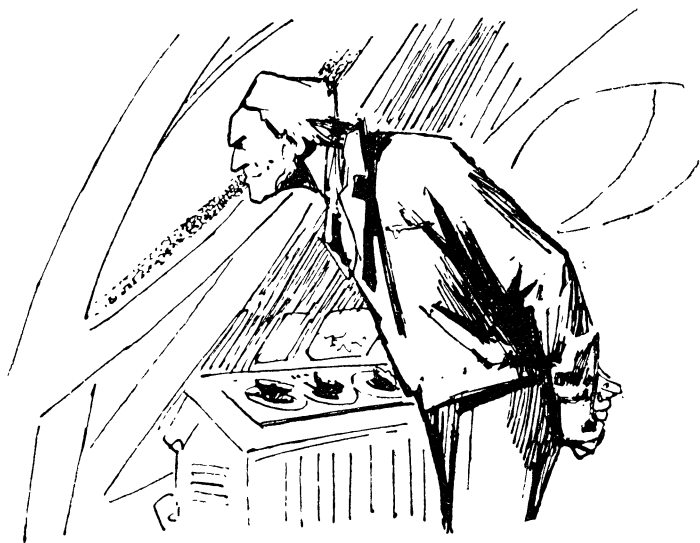
— Маленький урок вежливости не помешает, — пробормотал старик. — Вы, кажется, не доверяли мне, господа. Вы считали, что вздорный чудаководит вас за нос. То ли еще будет.

Одно из странных существ приблизилось к пролому в стене. Оно широко раздувало ноздри. Тусклые глаза, казалось, внимательно всматривались в лес, открывшийся так неожиданно. Существо сделало два прыжка. Вот оно уже в проломе. Фиолетовое тело мелькнуло в кустах и скрылось в сельве.

«Они здорово хотят жрать», — подумал Хенгенау и спустился в бетонный коридор. Двери за собой он не стал запирать. Теперь это уже не имело значения.

В доме он побыл недолго. Вскипятил кофе на спиртовке. Немного поел и, захватив ампулу, вышел во двор. Теперь он направился через сад в самый дальний закоулок своих владений. Там стоял накрытый брезентом маленький вертолет. Старик, пыхтя, освободил машину. Тщательно проверил, все ли на месте, пересчитал банки с консервами. И присел отдохнуть на траву. «Что ж, — думал он. — Немного одиночества. Это не

страшно. Вы, конечно, будете искать меня, господа. Но я приду сам. Когда сочту это необходимым».

Он забрался в машину. Бросил взгляд вокруг. Увидел, что по аллее движется прямо к вертолету фиолетовое страшилище. Старик ухмыльнулся и поднял машину в воздух.

— Быстро, — подумал он. — Быстрее, чем я предполагал.

Тень вертолета накрыла существо. Оно присело и безумными глазами проводило машину. Потом запрыгало обратно.

Хенгенау летел низко над зеленым ковром сельвы. Дорога была знакома. На этом же вертолете он возил Бергсона туда, куда сейчас направлялся сам.

Хенгенау был доволен. Сидя за штурвалом, он даже мурлыкал песенку. Предприятие увенчалось успехом. Операция «Маугли», о которой он когда-то докладывал Гитлеру, принесла первые результаты. Не беда, что Гитлер канул в вечность. Ведь

Хенгенау еще тогда знал, что пройдет много лет, прежде чем он закончит свою работу. Ее нельзя было завершить раньше, потому что человеческий организм развивается медленно. С мушкой дрозофилой можно бы обернуться скорее. Или с кроликами, потомство которых вырастает необычайно быстро. Но Хенгенау нужен был именно человек. И потом он слишком поздно понял, что опыты можно ставить только на человеке. Ни одно животное не годилось, даже высшее. И сейчас еще не все точки над *i* расставлены. Непонятно, например, почему отдельные индивидуумы, вступив в контакт с «этими», умирают. Но это побочный вопрос. Над ним можно подумать потом, на досуге.

А будет ли у него досуг? Впрочем, какое ему дело до джентльменов, которым он предложит ампулу с препаратом. Половины ее хватит, чтобы уничтожить население планеты. А если господа не поверят, пусть попробуют хоть на себе. Они болтают о «чистой» бомбе. Вот она лежит рядом с ним: махайте, господа, угрожайте коммунистам, бросайте их на колени. А он оставит себе Бергсона. Этот хоть и продажен, но хороший организатор. Он поможет Хенгенау приобрести новую лабораторию. И он привезет ему дар всемогущего Случая.

Сорок миль для вертолета — пустяк. Даже подумать ни о чем как следует не успеешь. Увидев внизу очертания пирамиды, Хенгенау стал медленно снижаться. Посадив машину в трехстах метрах от храма, он закрыл ее и не спеша пошел по тропинке, петлявшей между деревьями.

Около входа, прислонившись к горельефу с кошкочеловеком, его поджидал индеец. Он услышал шум вертолета и прибежал, чтобы получить порцию кожи. Хенгенау медленно подходил к нему, сунув руку в карман. Индеец улыбнулся, обнажив черные зубы, и протянул смуглую ладонь. Хенгенау быстрым движением выдернул пистолет. Хлопнул выстрел. Индеец мягко осел на траву.

— Приносящий жертву уподобляется богу, — прошептал

Хенгенау, оттаскивая труп в сторону леса. — Ты больше не нужен, милейший. Ты в этом мире лишний.

И Хенгенау, наклонив голову, вошел в храм...

Он не скучал в одиночестве. Захватил с собой портативную рацию и с ее помощью поддерживал одностороннюю связь с миром. За целостность вертолета он не опасался. Сельва в окрестностях храма была пустынна. Дикие звери в счет не шли. Резкий запах бензина — запах цивилизации, непонятный и потому опасный, — отпугивал обитателей сельвы. А к «этим» Хенгенау не питал ни отвращения, ни страха. Они были порождением его ума. А какой изобретатель боится своего детища? Опасен ведь только непосредственный контакт.

Старик устроился в одном из приделов храма, где раньше жил убитый им индеец. Здесь было достаточно воздуха и не очень сыро. Хитроумно сделанная дверь позволяла ему прочно отгораживаться на ночь от внешнего мира. Да и днем он редко совершал экскурсии. Проверка вертолета, короткая прогулка, завтрак. Так начинался день. Кончался он у костра, с помощью которого Хенгенау поддерживал относительно ровный «климат» в своей камерке-пещере. Дым от костра уходил в небольшое отверстие, расположенное под потолком помещения.

Спал он мало. Вместо постели бросил на пол легкую надувную лодку, прихваченную на всякий случай. Перед тем как заснуть, подолгу лежал, устремив неподвижный взгляд в догорающие угли, и думал.

Будущее его не тревожило. Все, что было возможно сделать для своего будущего, он сделал. Предстоящий торг с джентльменами его не беспокоил. Они не дураки, эти джентльмены. Получив деньги, Хенгенау выйдет из игры, дождется Бергсона и займется наконец этой странной штукой — даром всемогущего Случая.

«Приносящий жертву уподобляется богу». Какую мысль вкладывал в эти слова первобытный индеец? О жертве Хенгенау имел представление. А какое понятие вложено в слово

«бог»? «И звезды меняют свои пути». Нет, а priori* этого не постичь. Нужен Бергсон, нужна лаборатория. «Маугли» где-то в окрестностях тайны. Организм как воск. Из него можно лепить что угодно. Фокус удался. Но почему «Маугли» повторяет один и тот же фокус? Почему он, Хенгенау, как провинциальный маг, вытаскивает из цилиндра только голубя? А зрители требуют, чтобы он вытащил кошку. Теперь он свернул «Маугли», сумев создать только обезьян. А разве он не хотел этого? Когда много лет назад он задумывал «Маугли», это было именно так. Сначала он шел ощупью. Сначала он, насколько это было возможно, изолировал организм от внешнего воздействия. Ему был нужен экспериментальный материал. И он получил его. Жалкие существа восемь лет ползали по террариуму, пока ему удалось поставить их на ноги.

Потом эта сыворотка, разящая, как расплавленный металл. Он выполнил обещание, данное Гитлеру. Он доказал, что эволюция обратима. И можно бы успокоиться на этом. Но вот побочные явления?.. Они не укладывались в схему... Что-то стояло за «этими», выглядывало из их опустошенного мозга... И однажды даже прорвалось наружу.

Охранники поймали индейца, бродившего в окрестностях лаборатории. Хенгенау принял его за шпиона и бросил в террариум. А на другой день с изумлением убедился, что индеец обладает непонятным иммунитетом к «этим». Он ввел ему сыворотку. Индеец ухмыльнулся и попросил кожи. Затем началось странное. Он стал болтать про «приносящего жертву», в молитвенном экстазе воздевая руки вверх, и все говорил о каком-то храме, где царствует ушастый бог...

Хенгенау не думал в тот день, что в образе этого индейца к нему пришел сам великий Случай. Болтовне индейца он не придавал значения. Просто этот индивидуум заинтриговал его своей стойкостью к сыворотке. Это был первый побочный фактор, и профессор не мог не считаться с ним. Он подверг индейца

* До опыта (латин.).

всестороннему исследованию, но не нашел в его организме никаких существенных отклонений от нормы. Тогда ему пришло в голову испытать на индейце поле, в котором сыворотка обрела свои качества...

Как хорошо, что Зигфрид, испугавшись, машинально включил киноаппарат. Так появился кусок пленки, который Хенгенау демонстрировал Бергсону. Остальная часть ленты оказалась безнадежно испорченной. Но в памяти Хенгенау увиденное отпечаталось прочно.

Индеец не выразил никаких чувств, когда Хенгенау приказал Зигфриду повторить опыт. Сунув индейцу пачку коки, они втолкнули его в камеру и плотно задвинули защитный экран. Хенгенау нажал кнопку на панели управления и приник к окну из свинцового стекла... Индейца не было. Из камеры внимательным взглядом смотрело ушастое существо, напоминающее человека и в то же время резко отличающееся от него. Ушастый держал в руке жезл, словно протягивал его кому-то невидимому. Через секунду картина изменилась. Ушастый уже выглядывал из высокой травы, которая колыхалась под ветром, и, казалось, что-то говорил. В это время за спиной Хенгенау охнул Зигфрид. Старик вздрогнул и увидел, что защитный экран стал подниматься. Он немедленно выключил прибор. Индеец как ни в чем не бывало стоял посреди камеры. Его челюсти ритмично шевелились, перекачивая жвачку. Зигфрид, пятась, выбирался из лаборатории. Хенгенау не остановил его. Он выпустил индейца и стал его расспрашивать. И опять услышал молитву про «приносящего жертву»...

С большим трудом ему удалось добиться от индейца связного рассказа о дороге к храму. Потом, увидев статую, лишенную жезла, Хенгенау стал кое о чем догадываться. Он пожелал еще раз проделать опыт с индейцем. Но что-то не получилось. Случай, давший ему возможность приподнять уголок занавеса и заглянуть на сцену, где готовился интересный спектакль, не повторился.

Бергсон в России. Оставалось только ждать.

Старик подбросил веток в костер. И вдруг почувствовал, что сильно проголодался. Ему захотелось сварить кофе. Он протянул руку к канистре с водой. Она была удивительно легка. Тогда Хенгенау вспомнил, что не наполнил ее дном. Ручей протекал неподалеку. Но на сельву спустилась ночь. Старик задумался. Потом решительно поднялся и, захватив канистру, шагнул в темноту.

Когда его шаги смолкли, в глубине центрального зала пирамиды мелькнула тень. Темное тело бесшумно скользнуло вдоль стены и исчезло в той стороне, откуда только что вышел старик.

Всемогущий Случай, теперь уже в лице одного из его бывших питомцев, снова вышел навстречу Хенгенау. И это была его последняя встреча со Случаем. Фиолетовые обезьяны бегали действительно быстро.

— Я боюсь их... Уберите поле, господин профессор. Там же смерть. Ради создателя, уберите поле... Не надо... Зачем здесь индеец? Коричневая тварь... Почему у меня двоится в глазах? Отто? Я тебя предал, Отто... Простишь ли ты мне когда-нибудь?.. Они сожрут тебя, Отто. Нет, я обману их, я скажу тебе... Ха-ха-ха! Хенгенау хотел меня отравить... Как цветных... А я ушел... Тысячу песо за тайну. Хенгенау давно надо убить... Тысячу песо за выстрел... Отчего я такой трус?.. По песочку бежит кошка... Море и трава... Кошки в траве... Да уберите же их! Слишком много... Они живые... И их много... Отто, не верь документам. Тот человек сбежал... Всем на все наплевать... Хенгенау верит, что ты ему служишь... И они — тоже... Идиоты... Чужой труп кремировали, а он сбежал... Слишком поздно я понял все... Но я устрою... Опять гудит эта проклятая штука... Тысячу песо... Изумруды валяются под ногами... Откуда тут изумруды?.. Взять?.. Ха-ха-ха... Я всегда ненавидел кошек... Кошки лгут... Отто, гони их прочь. Всех...

Зигфрид Вернер метался в бреду. Чернявый, которого в этом квартале Рио контрабандисты звали Хозе Марчелло, а прости-тутки — попросту «Свинцовым» за серый цвет лица, исполнял

несвойственные ему обязанности сиделки. Он заботливо поправлял простыни, подносил к губам Зигфрида стакан с апельсиновым соком и вообще вел себя так, что хозяйка его квартиры только изумленно таращила выпуклые, как у овцы, глаза и шептала соседкам, что не иначе ее квартирант рехнулся, заразившись от того сумасшедшего, которого он приволок под ее кров.

Но Марчелло знал, что делал. Он показал Зигфрида знакомому врачу. Тот обнадежил, что болезнь немца пройдет сама собой. «Покой, покой, покой», — сказал врач. Он произнес еще какое-то мудреное словечко, которого Хозе не запомнил. Да это ему и не нужно было. Покой немцу он мог обеспечить. Покой не модный курорт. Он показал хозяйке кулак и щедрой рукой отсчитал несколько засаленных бумажек на провизию. Хозяйка проблеяла, что дон Хозе может быть уверен, и на первый случай принесла фруктов и рыбы. Фрукты Марчелло взял, а рыбу бросил ей в подол. Хозяйка догадалась: через час на столике у кровати Зигфрида дымилась чашка бульона. Марчелло удовлетворенно заворчал и приступил к делу: разжал немцу зубы и влил ему в рот содержимое чашки. Хозяину он выгнал из комнаты, опасаясь, как бы она не подслушала бред Зигфрида. Этот немец был его находкой. Только его!

Немец болтал про изумруды. За изумруды Хозе готов был держать его на полном пансионе хоть целый год. «Свинцового» смущало только то, что в бреду немец к словам о драгоценных камнях примешивал болтовню о толпе привидений, которые будто бы охраняют россыпи. Мало ли что можно наговорить в бреду. Но когда Хозе раздевал немца в первый вечер, из-под подкладки его пиджака выкатился камень в несколько десятков карат. И этот изумруд отнюдь не был привидением.

Когда через несколько дней Зигфрид впервые пришел в себя и, обведя глазами комнату, остановил вполне осмысленный взгляд на человеке, сидящем у его кровати, Хозе ухмыльнулся: врач не обманул. Теперь надо было умело поговорить

с немцем. И к этому Марчелло был подготовлен. Недаром он столько времени потратил на неусыпное наблюдение за больным.

— Где я? — спросил Зигфрид.

Хозе помолчал с минуту, потом медленно произнес:

— Вы хотели бы видеть своего брата?

Немец вздрогнул, по лицу пробежала гримаса страдания. Наконец он неуверенно сказал:

— Мой брат умер. Кто вы такой? Кто вам дал право допрашивать меня?

Хозе усмехнулся и подумал, что на этот раз он попал в точку. Нет, недаром он так внимательно прислушивался к бреду сумасшедшего.

— Меня зовут Хозе, — сказал он спокойно. — Это имя вам ничего не говорит, правда? Я мог бы рассказать вам свою биографию. Но к чему? Зачем Зигфриду Вернеру знать, что Хозе Марчелло в юности был пеоном на гасиенде одного богатого дурака, потом служил в «Юнайтед фрут» рядовым матросом, а теперь вот живет в Рио и даже имеет некоторые сбережения, часть которых он потратил на то, чтобы сохранить жизнь вышеупомянутому Вернеру? Зигфриду Вернеру незачем это знать. Важно другое: Хозе Марчелло ознакомился с некоторыми подробностями биографии Зигфрида Вернера. Если Хозе сейчас встанет и выйдет на улицу, то в четырех кварталах отсюда он найдет внешне ничем не примечательное здание, в котором размещается редакция одной особо любознательной газеты. Обезьяны нынче у всех на устах... Зигфриду просто повезло, что он наткнулся на Хозе...

— Что вы от меня хотите? — прохрипел Зигфрид.

«Свинцовый» разъяснил, чего он хочет. А потом предложил немцу спокойно выпастся и обдумать свое положение. Времени на разговоры у них хватит.

— Я убежден, — сказал Хозе, уходя, — вы не будете требовать, чтобы вашу голову поскорее сунули в петлю.

На другой день Хозе, оглядев Зигфрида, впервые вставшего

с постели, заметил, что выглядит он очень неважно и что потребуется время для основательной поправки здоровья. Немец поморщился. Хозе сказал:

— Так вот, к вопросу о вашем брате. Его зовут Отто. Я не ошибся? Вы в свое время сообщили мне, что он жив и здоров под именем...

— Молчите! — закричал немец. — Ради всего святого, молчите!

— Вы поздно вспомнили о святости, — сухо бросил Марчелло. — Вам надо было подумать о ней тогда, когда вы продавали свою душу и тело господину Хенгенау.

— О! — простонал немец.

— Я бы мог помочь вам, — произнес Марчелло. — Но дело в том, что я ничего не делаю даром.

Немец хмуро взглянул на Марчелло. Тогда тот вынул из кармана и бросил на стол изумруд.

— Это откуда у вас? — спросил он.

Зигфрид поднял брови, подумал и, покачав головой, сказал:

— Не помню. Я ведь ничего не помню с тех пор, как покинул лабораторию... Может быть... Может быть, по дороге сюда?..

— Попытайтесь вспомнить, — жестко сказал Хозе. — Или мне придется возмещать затраты, произведенные на вас, каким-либо иным способом. И я опасаюсь, что способ этот будет вам не по вкусу.

Ромашов Диомидову понравился. Усики капитана Семушкина вызвали на его лице мимолетную улыбку.

Перебрасываясь незначительными фразами, все трое подошли к небольшому домику, сложенному из белых камней. Капитан Семушкин отпер посередевшую от времени входную дверь, снял печати. Милиционер, сидевший на крылечке, молча проводил взглядом Диомидова. За первой дверью оказалась вторая: свежеекрашенная. Щелкнул английский замок. Диомидов, Семушкин и Ромашов прошли в небольшую прихожую. Отсю-

да вели три двери: в спальню, гостиную и на кухню. Была еще витая лесенка на мансарду. Ромашов повел Диомидова через гостиную в кабинет Беклемишева.

Дом пустовал после поспешного отъезда Тужилиных. Анна Павловна гордо продолжала отказываться от наследства. Кто-то, по-видимому все та же Дарья Заметнова, пустил слух, что дом самоубийцы околдован и что сам старик Беклемишев приходит туда по ночам.

— Темные люди, — заметил капитан Семушкин по этому поводу. — Просто удивительно, что в наше время могут быть такие темные люди.

— Вот именно, — откликнулся Диомидов, рассматривая Диану-охотницу, точенного из кости слона и раковину-пепельницу. — Вы, капитан, попали в самую точку.

Капитан потрогал усики.

— Баллистическую экспертизу, — сказал он, — я провел аккуратно. Вот так сидел труп. Смотрите. — Он сел как сидел тогда Беклемишев. — А вот тут лежало оружие.

И капитан стал объяснять, какие факты привели его к мысли о том, что налицо рядовое самоубийство.

Диомидов выслушал его, не перебивая, а потом взглянул на Ромашова. Тот пожал плечами. Блестящие познания капитана в области баллистических экспертиз были ему известны в достаточной степени. Тем не менее Ромашов продолжал кое в чем сомневаться. Полковнику он свои соображения уже высказал. Добавить нечего.

Диомидов стал просматривать беклемишевские бумаги. Ромашов отошел и присел на подоконник. Капитан Семушкин ковырнул ногтем бронзовую богиню и зевнул, прикрыв рот рукой. Минут двадцать в кабинете слышны были только вздохи Семушкина и шелест бумаги.

— Вы правы, — сказал наконец Диомидов. — Здесь действительно ничего интересного нет. — Эту фразу он адресовал Ромашову. Капитан же отнес ее на свой счет и счел долгом откликнуться.

— Научная методика, — сказал он, торжествующе взглянув на Ромашова, — позволяет нам сделать такой вывод.

Диомидов пристально поглядел на капитана, пытаясь постичь смысл столь высокохудожественной фразы, потом кивнул головой.

— Да, — одобрительно отозвался он. — У меня был знакомый, который считал, что каждое время года имеет свои плюсы и минусы. Летом, например, тепло. Это хорошо. Но летом нужно часто мыть ноги. И это уже плохо. Зимой холодно. Это плохо. Но ноги можно мыть реже. Это хорошо. Такие выводы позволяла ему делать научная методика.

Ромашов отвернулся. Его плечи подозрительно затряслись. Капитан Семушкин потрогал усы и надул щеки. Он не знал, нужно обижаться или следует сделать вид, что ничего особенного не произошло. Поразмыслив, он решил сделать вид и натянуто засмеялся. Шутки старших товарищей, даже обидные, капитан Семушкин умел воспринимать подобающим образом. Но в данном случае полковник пренебрежительно отнесся не к нему, капитану, а к научным методам, которыми он, капитан, руководствовался при изучении обстоятельств дела. Поэтому, посмеявшись в меру, капитан снова надул щеки.

Смена настроений на лице капитана не ускользнула от Диомидова. Он пожалел о неосторожно брошенных словах и мысленно обругал себя. Недалекий капитан с его безапелляционной уверенностью не мог служить мишенью для острот. Правда, эта уверенность раздражала. Но ведь не настолько же, чтобы кидаться на человека. Почему «хладнокровный, как бревно», по выражению майора Беркутова, Диомидов вдруг ни с того ни с сего вышел из себя? Почему соскочила пружинка? Ромашов? Да, пожалуй. Не будь в Сосенске Ромашова, капитан Семушкин спокойно перекрестил бы дело, и никогда Диомидову не узнать бы о связи беклемишевского дела с тем, что произошло в подмосковном лесу. О том, что кончик из клубка, который он начал разматывать, прячется в этом дачном городке, в этом домике, в этом кабинете с полированным письмен-

ным столом на гнутых старомодных ножках и Дианой-охотницей на нем. И даже не в кабинете, а за его окнами, в саду, среди кустов смородины и малины.

В саду, в полутора десятках метров от окна, возвышалась соломенная крыша погреба. Это был обыкновенный рядовой погреб для картошки. А рядом с погребом, среди сочных зеленых лопухов темнело большое круглое пятно. Диомидов посмотрел на него, прищурившись, и повернулся к капитану.

— Послушайте, — сказал он. — Вы в саду были?

Капитан покачал головой.

— Там нечего делать.

— Ну да, — заметил Диомидов. — Я просто забыл про вэшу версию.

— Там нечего делать, — упрямо заявил капитан Семушкин. — Окно было закрыто на шпингалеты. А убийства в закрытых помещениях случаются только в романах.

— Это верно, — подтвердил полковник. — Но и в романах им находят объяснение.

— Баллистическая экспертиза, — сказал капитан веско.

— Откройте окно, — попросил Диомидов.

Семушкин с явной неохотой повиновался. Щелкнули шпингалеты. Капитан толкнул раму. В комнату ворвался ветер.

— Теперь смотрите сюда, — сказал Диомидов. Он протиснулся к окну, сдвинул створки и резко потянул их на себя. Раздалось два щелчка. Шпингалеты вскочили в гнезда. Ромашов только присвистнул. Капитан округлил глаза и покраснел.

— В детстве я таким способом уходил из дома, чтобы не беспокоить родителей, — сказал Диомидов. — У наших окон шпингалеты были тоже с пружинками. А сейчас давайте думать дальше.

Ромашов пощелкал нижним шпингалетом и растерянно взглянул на Диомидова.

— Вот уж действительно, — сказал он сокрушенно. — Никогда бы не подумал. Они... Черт их знает...

— Тут есть срез, видите, — сказал Диомидов. — Шпингалеты автоматически поворачиваются, когда закрывается окно. А пружинка спрятана внутри. Как в затворе винтовки. Сейчас таких шпингалетов уже не делают.

— Что же получается? — пробормотал Ромашов. — Значит... Значит, кто-то знал про этот фокус? Окно было раскрыто... Беклемишев сидел в кресле... А как же с экспертизой?

Капитан Семушкин внимательно рассматривал носки своих ботинок. Диомидов сказал:

— От окна до головы Беклемишева рукой подать. Опытный убийца мог направить пистолет как хотел. Конечно, на полную эффекта рассчитывать было трудно... Но... Получилось, как видите.

— Эх, если бы раньше! — вздохнул Ромашов и сердито поглядел на Семушкина. Тот покраснел.

— Да, — сказал Диомидов. — Вам надо было побывать в саду и поинтересоваться вон той ямой.

— Какой? — удивился Ромашов.

Диомидов указал на видневшуюся в лопухах небольшую яму.

Семушкин окинул Диомидова недоумевающим взглядом. Ромашов тоже никак не мог взять в толк, при чем тут яма в саду. Мелькнула какая-то дикая мысль о взрыве бомбы или гранаты. Но он тут же отбросил ее и повернулся к Диомидову.

— Товарищ полковник... — начал он.

Диомидов поднялся и лаконично бросил:

— Выйдем. Поглядим поближе.

Они прошли гуськом через гостиную, коридор, вышли на улицу и, обогнув дом, оказались перед садовой калиткой. На ней висел тяжелый ржавый замок. Диомидов дернул его. Дужка выскочила. Через заросли малины и смородины они пробрались к яме.

— Что и требовалось доказать, — сказал полковник.

Семушкин изобразил из своей фигуры вопросительный знак. Ромашов пожал плечами.

— Не понимаю, — вырвалось у него. — Товарищ полковник, объясните, что за яма такая?

— В этом-то все и дело, — буркнул Диомидов.

Он сразу заметил, что яма очень похожа на ту, в лесу. Теперь, когда он стоял рядом с ней, это уже не вызывало сомнений. А у Ромашова тут же возникла тысяча вопросов. Ему хотелось узнать, что это за странная яма, откуда она взялась и какую связь она имеет с убийством старика. А самое главное, почему так быстро догадался об этом полковник.

Диомидов ответил только на последний.

— Что-то в этом роде я ожидал увидеть, — сказал он. — Помните, вы говорили о свете над домом в ночь убийства, который будто бы померещился одной старушке. Примерно такую же картинку довелось и мне увидеть. Остальное не так уж трудно... Потому что... Впрочем, об этом потом... На досуге... Хорошо?

И, не ожидая согласия, перебел разговор в другую плоскость.

— Осмотрите замок, капитан, — сказал он.

— Так он же вскрыт! — воскликнул Семушкин, повертев замок в руках. Он моментально вспомнил болтовню Дарьи про Бухвостова, который шлялся в ночь убийства (теперь Семушкин уже был уверен, что произошло убийство) около дома Беклемишева. Вспомнил и, как говорят, не отходя от кассы, выложил Диомидову всю Дарьину информацию.

— Он убил, — твердо сказал Семушкин. — Это такой жлоб. Репрессировался, — добавил он для пущей убедительности.

Диомидов задумчиво-внимательно поглядел на раскрасневшегося Семушкина и ничего не сказал.

Но к Бухвостову он и Ромашов пошли в тот же день.

РУКА БУХВОСТОВА

В дверь постучали. Ромашов проснулся, вдел ноги в шлепанцы и откинул защелку. На пороге, задумчиво пощипывая козлиную бородку, стоял Мухортов. Увидев чемодан возле кровати, старик застеснялся и стал извиняться за столь ранний визит.

— Пустое, — сказал Ромашов, взглянув на часы. — Досплю в самолете. И раз уж так вышло, давайте выпьем чаю.

Он поставил чайник на плитку, умылся и, присев к столу, заговорил:

— Хорошо быть холостым, верно? Жены не любят, когда к их любимым мужьям спозаранку приходят гости. Жены по утрам хлопочут у керосинок «Везувий», которые не хотят разгораться. Жены злятся и проклинают Посылторг, который обманул их вулканические ожидания.

При этих словах Ромашов ловко кинул на колени Мухортову рекламный плакатик.

— Взгляните. Занятная вещь. Латынь оживает в проспектах Посылторга. Швейная игла «Veritas». Бедный Цицерон. Он и не подозревал, что истина — в швейной игле. Кто бы мог подумать, как любит выражаться наша общая знакомая Анна Павловна. — И резко оборвал шутку. — Я вас слушаю.

— Я хотел... — сказал Мухортов, оглядываясь. — Я хотел поговорить с товарищем полковником.

— Он уехал, — сказал Ромашов. — Еще вчера.

— Вот как, — растерянно пробормотал Мухортов. — А я думал... Мне казалось, что после вчерашней беседы... Он интересовался рыбалкой, ну и... этим писателем... Ридашевым. Я вчера ничего не мог сказать... А ночью... Словом, ночью я все вспомнил... И вот... Как жаль...

— А почему, собственно, жаль? — поинтересовался Ромашов, намазывая маслом булку. — Я лечу в Москву. Могу передать. Так сказать, с оказией.

— Простите, — сказал аптекарь. — Я волновался... И мне как-то не приходило в голову... А это очень важно. Такая, знаете ли, психологическая деталь...

Он замолчал, в задумчивости теребя бородку. Ромашов отхлебнул из стакана и поднял глаза на аптекаря, ожидая продолжения. О какой еще психологической детали говорит старик? В этом странном деле и так хоть отбавляй деталей. Началось с того, что в саду они все-таки обнаружили следы. Следы эти, как выяснилось, не принадлежали ни Бухвостову, ни Мухортову, ни вообще кому бы то ни было из жителей городка, потому что таких ботинок никто в городке не носил. Капитан Семушкин клятвою заверил в этом Диомидова. А потом они пошли к Бухвостову...

Бухвостов стоял во дворе с топором в руке. Хмуро оглядев посетителей черными цыганскими глазами, он неохотно повел их к крыльцу. Ромашов подумал, что старик для своих лет выглядит довольно бодро. Отметил легкую пружинистую походку, отсутствие морщин на круглом, красном, как спелый помидор, лице.

В доме старик оставил гостей в просторной пустоватой комнате, где, кроме иконы на стене, некрашеного стола, двух кроватей и двух табуреток, не было ничего, и, держа почему-то левую руку в кармане брюк, правой сделал жест, означающий, что пришедшие могут присесть. Сам тут же ушел в другую комнату.

— Любопытный экземпляр, — вполголоса сказал Диомидов. — Вы обратили внимание на его лицо? Он чем-то очень озабочен. И не пытается этого скрыть.

— Не могу сообразить, — признался Ромашов, — о чем мы с ним будем говорить?

— А так, — неопределенно заметил Диомидов, разглядывая обстановку квартиры, — ни о чем. Поглядим. Про погоду спросим. Про жизнь...

В глубине дома громко хлопнула дверь, послышались то-ропливые шаги, и на пороге появился Бухвостов. На указатель-

ном пальце его левой руки белела аккуратная повязка. Остановившись посреди комнаты и сохраняя все то же хмурое выражение на лице, хозяин спросил:

— Чи я вор, что вы ко мне пожаловали?

— Да нет, — спокойно произнес Диомидов. — Просто нам сказали, что вы хорошо знали Беклемишева. Вот мы и зашли побеседовать...

— Это какого? Самоубийца-то? — спросил Бухвостов. — Нет, не знал я его. Наврали вам. Меблю я ему чинил намедни. Это верно. Обходительный был мужик, ласковый, тихий. А знаться со мной ему не пристало. Чего ему со мной знаться?..

— Так, — протянул Диомидов, изобразив на лице разочарование. — А палец вы поранили, когда мебель ремонтировали?

Ни Ромашов, ни Диомидов даже не подозревали, что этот невинный вопрос вызовет столь бурную реакцию. Старик вдруг раскричался, замахал руками и стал призывать в свидетели своей невинности бога. Из его слов явствовало, что какие-то темные силы издеваются над Бухвостовым по ночам, мешают спать и вообще вытворяют с ним нечто невероятное. Во время этой тирады с указательного пальца Бухвостова слетел бинт, и Ромашов с Диомидовым увидели странную картину. Палец старика был окрашен в густо фиолетовый цвет, словно им размешивали чернила.

Диомидов переглянулся с Ромашовым. А старик уставился на палец так, будто впервые его увидел. На лице его был неподдельный испуг.

— Эвон, — забормотал Бухвостов. — Еще прибавило. Сперва маленько было. А теперь эвон куды поперло. Да что же это, прости господи? — завизжал он и стал проклинать каких-то тварей, которые снятся ему по ночам.

— Больно? — осведомился Диомидов, когда старик немного успокоился.

— Не. Только дуже страшно. И растет.

Через десять минут Диомидов и Ромашов уже знали и про

сны наяву, и про бога, который отвернулся от Бухвостова непонятно за какие прегрешения. Сам старик догадывался, что бог наказал его за беспробудное пьянство, свидетельством чему были бутылки, найденные им за дверью. Но милицейским знать этого не полагалось. И старик умолчал о бутылках. Полковник поинтересовался, когда сны начались. Оказалось, в ночь убийства Беклемишева, когда, по словам Дарьи, пьяный Бухвостов шатался возле дома самоубийцы.

В дело вплелась новая подробность. Вплелась таким замысловатым способом, что Ромашов только руками развел.

Вечером полковник долго расспрашивал аптекаря о пресловутой рыбалке в ночь убийства. Выяснилась еще деталь, о которой забыли и Тужилины и Мухортов. Самоубийство Беклемишева выбило их из привычной колеи. «Было не до этого пустя-

ка», — сказал Мухортов о маленьком происшествии. Писатель Ридашев, забравшийся удить рыбу на обрыв над омутом, вдруг обрушился в реку и стал тонуть. Аптекарь помог ему выбраться на берег. Потом у писателя, вероятно, от нервного потрясения закололо в сердце. Аптекарь почти всю ночь дежурил около него. Утром они вернулись в городок.

— Я чувствую себя человеком, попавшим в темную незнакомую комнату, — сказал Ромашов Диомидову, когда аптекарь ушел. — Я ищу выключатель, чтобы зажечь свет, а натыкаюсь на какие-то посторонние предметы.

— Предметов хватает, — задумчиво заметил Диомидов. — А Беклемишев, видно, и в самом деле знал про фиолетовых обезьян. И его дневники могут нам помочь. Бухвостова же мы отдадим ученым. Пусть подумают... Пусть взглянут и на яму в саду.

Ромашов неожиданно засмеялся. Диомидов удивился.

— Я никогда не видел гениальных людей, — пояснил Ромашов. — То есть не то чтобы не видел. Просто мне не приходилось разговаривать с ними запросто. Кроме шуток, Федор Петрович, как вам удалось найти эту яму? Наконец, вы шли к Бухвостову с заранее подготовленным планом действий. Вы были уверены, что встретитесь с чем-то неожиданным?

— Насчет Бухвостова, — сказал Диомидов, — вы не правы. Просто мне хотелось посмотреть на человека, который, по слухам, в ночь происшествия находился недалеко от дома Беклемишева. Это, вообще-то говоря, должен был сделать капитан Семушкин. Но капитан не был уверен в точности информации, полученной им от старой сплетницы. Кроме того, у капитана были шоры на глазах. Баллистическая экспертиза и тому подобное. Шпингалеты открыли ему глаза и развязали язык.

— Ну, а яма? — торопливо спросил Ромашов.

— А яму я искал, — сказал Диомидов. — Я же говорил вам, что с той самой минуты, как услышал от вас про свет над домом Беклемишева и прочитал показания Мухортова о дневниках покойного, стал думать о том, что яма должна быть и

тут. Случайно оказалось, что она обнаружилась в саду. А могла оказаться и в доме. Но старик предпочитал хранить вещь в саду. Закопал ее в землю.

— Какую вещь?

— Тросточку. Но теперь уже ясно, что никакая это не тросточка, а вероятнее всего, некий прибор.

— Что?

— Прибор, — сказал Диомидов задумчиво, не обращая внимания на крайнее изумление Ромашова. Потом коротко рассказал ему о яме в лесу, о Зое, о странном убийстве вора и о таинственных киносеансах на дне ямы.

— Жуткая бредятина, — сказал Ромашов.

— Если бы, — вздохнул Диомидов. — К сожалению, мне больше нельзя терять время. Эпицентр событий сейчас в Москве. Я полечу ночным рейсом. А вы доставите в Москву Бухвостова.

— Вы кого-нибудь подозреваете? — спросил Ромашов.

— Увы, — развел руками Диомидов. — Я было подумал про Ридашева. Но этот милый аптекарь уверяет, что для тревоги нет оснований...

И вот «этот милый аптекарь» сидит против Ромашова и говорит о каких-то психологических деталях.

— Два раза в жизни мне довелось вытаскивать утопающих. И оба раза я видел страх в их глазах. Безотчетный животный страх. Недавно это случилось в третий раз... Почему я не подумал об этом? Он барахтался в воде, захлебывался, а глаза?.. Если бы вы видели эти глаза. Они не боялись... Нет. Они изучали, спрашивали... Но страха в них не было ни грана... Почему я подумал об этом так поздно?

— Вы имеете в виду Ридашева? — уточнил Ромашов, хотя и без этого вопроса все было ясно.

Аптекарь утвердительно кивнул.

— Но ведь вы же утверждали вчера, что просидели возле него всю ночь?

— Да, — сокрушенно качнул головой Мухортов. — Это я хорошо помню.

Ромашов подошел к окну. Из переулка вывернулась подвода. Нахотеленный Бухвостов тревожно озирался по сторонам. Ромашов оделся и поднял чемодан. Вместе с Мухортовым они вышли на крыльцо. Аптекарь вопросительно заглянул ему в глаза.

— Хорошо, — сказал ему Ромашов. — Я передам полковнику ваши... м-мм... наблюдения.

Устраиваясь на телеге рядом со стариком, он спросил, кивнув на повязку:

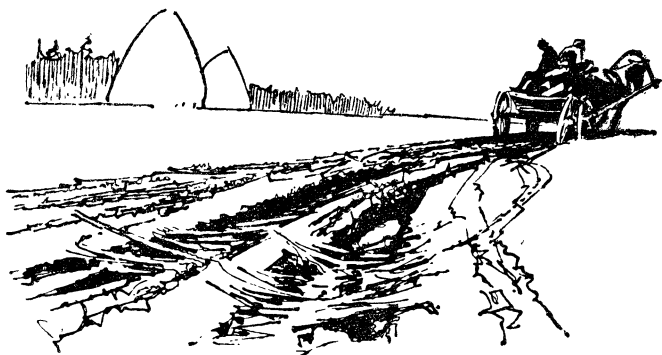
— Прибавило?

Бухвостов заворчал, потом разразился руганью. Телега проехала мимо чайной, миновала библиотеку и наконец выбралась из городка. Сбоку проплыли стога сена, стая гусей на стерне. Лошадь стала медленно взбираться на пригорок.

Со взлобка Сосенск как на блюде. Ромашов окинул его взглядом и отвернулся. Впереди тянулись осенние поля. И не было им, казалось, ни конца ни края.

Но это только казалось. До аэродрома всего три часа езды.

Вернувшись из Сосенска, Диомидов развил бурную деятельность. Прежде всего он навестил Тужилиных. Сам Василий Алексеевич был в командировке. Полковника приняла Анна Павловна, женщина лет сорока, обладавшая фигурой мухойской «Колхозницы» и профилем Наполеона. Она собиралась завтракать. Визит Диомидова нарушил ее планы. Полковник извинился за неожиданное вторжение и тут же похвалил огромный аквариум, занимавший целый угол гостиной. Анне Павловне внимание польстило, и она предложила гостю чашку сливок. Диомидов вежливо отклонил приглашение и задал вопрос о Сосенске. Женщина поморщилась: ей было неприятно вспоминать испорченный отпуск. Она пожаловалась полковнику на настырного молодого человека, Ромашов, кажется, который задал ей

столько вопросов, что у Анны Павловны закружилась голова. Все, что она знала о своем двоюродном дяде, Анна Павловна уже рассказала тому молодому человеку. Он старательно записал ее рассказ. Анна Павловна видела, что он старался. Неужели ей сейчас снова придется повторять все сначала? Федор Петрович успокоил женщину.

— Кое-что, — сказал он. — Нас интересуют мелкие подробности.

Анна Павловна кивнула. Против мелких подробностей она не возражала, но не знала, с чего начинать. Полковник помог ей. Не будет ли Анна Павловна столь любезна вспомнить, как вел себя Сергей Сергеевич Беклемишев, когда они собирались на рыбалку?

— Не был ли он чем-нибудь обеспокоен?

Анна Павловна покачала головой. Нет, он был такой же, как всегда. Шутил, смеялся, желал хорошего улова. Что еще? Да ничего... И кто бы мог подумать?.. Бедный старик. И Анна Павловна смахнула слезинку со щеки.

— Слышал, — сказал Диомидов, — что на реке у вас случилось целое приключение?

— О, — оживилась женщина, — мы ужасно перепугались,

когда Григорий Иванович стал тонуть. Подумать только! Ридашев совсем не умеет плавать. Спасибо Мухортову: он помог ему добраться до берега.

— Я это знаю, — сказал Диомидов мягко. — А что было потом?

Анна Павловна удивленно вскинула брови.

— Как это — что потом? — спросила она резко. — Потом мы пошли домой.

— Домой вы пошли утром, — уточнил Диомидов. — А что было ночью?

— А так... Да ничего особенного. Мухортов долго сидел около Ридашева. У него не в порядке сердце. Знаете, когда человеку за пятьдесят... И такое потрясение. Спасибо Мухортову. Он всегда носит с собой валокордин.

— Да, — сказал Диомидов сочувственно.

— Ужасно, — вымолвила свое любимое словечко Анна Павловна. — И всю ночь квакали лягушки. Я, помню, не могла уснуть. Муж тоже сначала сидел возле Ридашева. Потом я слышала, как он устраивался... Ворчал насчет сырого валежника. Он опасается за свои легкие... Ну, а утром мы пошли в Сосенск.

— Вы давно знаете Мухортова?

— Я была еще девчонкой, когда он приехал в Сосенск. С тех пор я не представляю аптеки без Мухортова. Я бы очень удивилась, если бы увидела за прилавком кого-нибудь другого. Прекрасный человек.

— А как вы познакомились с Ридашевым?

Анна Павловна утомленно вздохнула.

Тужилины гуляли в лесу. Там и встретились. Писатель сидел на пеньке, читал книгу. Кажется, «Черный обелиск» Ремарка. Какие слова были произнесены при встрече? Что-то насчет книги. Потом разговор о скушающих дачниках. То, что Ридашев дачник, видно было за версту. Они вместе отправились обратно. Что? Ходили ли Тужилины в этот лес раньше? Ходили. Этим же маршрутом? Ну конечно. Как развивалось знакомство? Обычно. Как

отнесся Беклемишев к Ридашеву? Тепло. Сердечно. Они любили говорить о литературе. Не было ли разговоров о прошлом Беклемишева? Нет. Анна Павловна ничего такого не слышала. Покойный вообще не любил говорить о своем прошлом. Несчастливая любовь и все такое... Это раздражало старика. О чем они говорили с Мухортсым? На этот вопрос Анна Павловна ответить не может. Не слышала. Старики при ней разговаривали обычно о пустяках...

— В Москву вы ехали вместе с Ридашевым?

— В одном купе.

— Может быть, вы припомните, какие на нем были ботинки? И что за вещи он вез с собой?

— Маленький баул. Знаете, такой кожаный коричневый. В руках плащ. А насчет ботинок? Я просто не обратила внимания.

— А трости не было?

— Нет. Но у него были удочки в чехле. Он еще смеялся, говорил, что решил сохранить их на память о печальном случае на реке.

— Вы простились на вокзале?

— Что вы! Григорий Иванович был настолько любезен, что довез нас на такси до самого дома. Он даже оставил свой телефон.

Анна Павловна порылась в шкатулке, стоящей на подзеркальнике высокого трюмо, и подала Диомидову клочок бумажки.

— Это он писал? — спросил полковник, запоминая номер.

— Нет, я, — сказала Анна Павловна. — У него не было карандаша.

— Последний вопрос, — сказал Диомидов. — Вы приехали шестнадцатого в четыре утра?

— Да, — подтвердила Анна Павловна.

Это был тот самый день, когда Диомидов увидел яму в лесу. День, но не час. Яма в лесу возникла через несколько часов после появления в столице Тужилиных и Ридашева.

Давно замечено, что разные люди, оказываясь наедине с чистой бумагой, ведут себя соответственно своим наклонностям и характеру. У графомана, например, вид чистой бумаги вызывает страстную дрожь. Он торопится побыстрее расправиться с ее девственностью и заполняет листки никому не нужными описями. Настоящий писатель, наоборот, долго и обстоятельно сидит перед стопкой белых листов и не прикасается к ним пером до тех пор, пока явственно не проступят в его просветленной голове контуры будущей книги. Анонимщик не успокоится, пока не испачкает бумагу грязью, почерпнутой из отстойника своей зловонной души. Отвергнутый влюбленный, увидев перед собой листок, обязательно обольет его слезами. А счастливый, написав письмо, капнет на него духами «Кармен», купленными по такому случаю в ближайшей аптеке за углом.

Словом, как нет двух человек с похожими голосовыми связками или тождественными рисунками капиллярных линий на пальцах, так нет и двух людей, одинаково относящихся к чистой бумаге. Одни любят бумагу линованную, другие — непорочно белую, как платье невесты. Есть индивидуумы, предпочитающие писать на узких четвертушках и осьмушках, а есть и такие, что уважают листы только простынного формата. Кое-кто пишет на розовой бумаге, некоторые — на желтой. Есть любители писать на бумажных салфетках, на срыве с сахарных голов, на обыкновенной серой оберточной и даже на черных пакетах из-под фотобумаги.

Все зависит от склонностей и темперамента. Одни пишут медленно, другие быстро. Люди, любящие подумать, кроме того, часто рисуют на бумаге женские профили или смешных человечков. Диомидов, например, рисовал чертиков. Можно поручиться, что таких чертиков никто в мире, кроме Диомидова, рисовать не умел. Хотя Диомидов и не был художником.

Рисуя, Федор Петрович думал о деле, которое с невероятной быстротой стало обрастать новыми, крайне странными фактами.

Полчаса назад он вышел из кабинета генерала. Разговор был

долгим. Полковник рассказал о сосенских наблюдениях и о беседе с Анной Павловной. Часть дня он посвятил наведению справок о дневниках Беклемишева.

— И наткнулся на Ридашева, — сказал он, невесело усмехнувшись.

Генерал не понял. Диомидов пояснил, что майору Беркутову очень быстро удалось установить адрес музея, в котором хранились эти дневники. Но их там не оказалось. С месяц назад их обнаружил в архивах писатель Ридашев. Его заинтересовала личность Беклемишева. Дирекция музея любезно выдала дневники. И Ридашев забрал их домой.

— Это что же выходит? — спросил генерал. — Наглец живет и здравствует...

— В том-то и дело, что это не тот Ридашев.

— То есть как не тот? — спросил генерал хмуро. — Их что, два? Один ищет дневники, второй убивает старика? Вы это хотите сказать?

— Что-то вроде, — кивнул Диомидов. — Мы успели установить вот что. В Москве действительно живет писатель Ридашев. У него любопытная биография. В 1943 году он попал в плен. С год находился в лагере смерти в Трехлинке. Там возглавлял группу подпольщиков. Бежал. Воевал в партизанском отряде. Имеет несколько наград. Писателем стал уже после войны. Одна из его книг пользуется некоторой популярностью.

— Я припоминаю теперь, — сказал генерал. — «Жажда», кажется?

— Да, — кивнул Диомидов. — Так вот. Этот Ридашев в последние дни никуда из Москвы не выезжал. Установлено точно. Беркутов ручается.

— Ручалась кума, да заручка подвела, — усмехнулся генерал.

— Мы успели проверить, — сказал Диомидов и разложил на столе несколько фотографий. — Ромашову показывали. Он сказал, что этот человек ему незнаком. А ведь сосенского Ридашева он помнит.

— Ну, ну, — поощрительно бросил генерал.

— Телефон, который сосенский Ридашев оставил Анне Павловне, — фикция.

— Значит, мы вышли на след?

— Меня смущает странное алиби этого сосенского Ридашева, — сказал Диомидов.

Генерал полистал бумаги, лежащие перед ним в папке.

— В деле фигурирует еще аптекарь Мухортов, — сказал он. — Не мог он быть сообщником? Ромашов, помнится, говорил сегодня о визите аптекаря к нему. Глаза утопающего Ридашева показались аптекарю несколько странными. А Ромашову — столь же странными эти запоздалые показания. Знаете, что он мне сказал? Аптекарь замечает следы, почувствовав, что дело пахло керосином. И валит все на своего сообщника.

Диомидов покачал головой.

— Это было бы слишком просто, — сказал он. — На реке были еще Тужилины.

— Их легко можно было усыпить.

— Но тогда почему аптекарь утверждает, что он чуть не всю ночь бодрствовал возле Ридашева? Тут явно что-то не сходится.

— Пожалуй, — согласился генерал. — Но почему он так неаккуратен, этот сосенский Ридашев? Сначала организует алиби на реке. Потом эта примитивная кража «тросточки». Затем дикое убийство вора в лесу. Кстати, при чем тут вор? Какое-то нагромождение нелепостей. Плюс еще фантастика.

— Может, в этой фантастике и зарыта собака, — осторожно сказал Диомидов. — Из-за нее и нелепости.

— Может быть. Что вы сделали с Бухвостовым?

— Положили в клинику. Вокруг него уже собрались медицинские светила. Идет всестороннее обследование.

— Ну ладно. Значит, сейчас на очереди дневники?

— С ними тоже чудасия...

— Что еще?

— Несколько дней назад московскому Ридашеву позвонили

на квартиру. Человек назвался сотрудником археологического музея. Он якобы по поручению директора попросил Ридашева вернуть документы. Когда тот явился, выяснилось, что никто из музея писателю не звонил.

— Все?

— Все, — кивнул Диомидов.

— А где дневники?

— У Ридашева. Он готовит материал к печати.

— Н-да, — протянул генерал. — Историйка. Между прочим, эти дневники надо прочитать, не вступая в прямой контакт с Ридашевым. Сможем мы это сделать?

— Попробуем. Можно пригласить Ридашева в издательство.

— А вы не интересовались, каким образом у этого Ридашева возникла идея заняться наследством Беклемишева? Откуда он вообще узнал о Беклемишове?

— Он наткнулся на дневники случайно. Он даже не подозревал, что Беклемишев жив.

— А что поделявает Бергсон? — спросил генерал.

— Все то же, — сказал Диомидов. — Заходит в будки автоматов и позванивает кому-то.

— Ну что ж, — резюмировал генерал. — Подумать есть над чем.

И Диомидов пошел думать. На дворе была глубокая ночь, а он все сидел за столом в своем кабинете и рисовал чертиков. Веселые чертики плясали вокруг черной ямы. Один из них размахивал тросточкой.

Глава девятая

СТРАНИЧКИ ИЗ ДНЕВНИКОВ

Нет, не сумел полковник ничего найти в этих страничках. Или почти ничего. Подумав, он взялся перечитывать их во второй раз.

«29 января. Мне удивительно повезло. Я пробрался живым через льяносы Ориноко. Я проделал путь, которым когда-то прошел Рэли. Проводники-индейцы давно покинули меня. У меня есть хороший винчестер и немного патронов. И я иду. Куда? Сельва простирается до самых Анд. И нет цели. Но я рад. Мысль, что я один, совсем один, заставляет бешено колотиться сердце. Как хорошо не знать ничего и никого.

Вчера мне встретилось странное плато. Какие силы сбросили этот каменный массив на лес? Плато вдоль и поперек иссечено трещинами. Как будто его вымостили брусчаткой огромных размеров. А в центре какой-то великан, будто играючи, положил каменный шар».

«22 февраля. Сегодня я видел сон. Ее лицо улыбалось мне откуда-то с высоты. Она беззвучно шевелила губами и, казалось, манила меня за собой. Я проснулся словно от толчка и заметил над головой темную тень пумы. Огромная кошка не мигая смотрела мне в глаза. А я засмеялся. Хриплое клочкотание, вырвавшееся у меня из груди, спугнуло зверя. Я хотел что-то сказать, но слова выговаривались плохо. Я подумал, что могу научиться говорить. Эта мысль сначала позабавила меня. А потом мне стало страшно. Сколько времени я буду еще блуждать в этом зеленом полумраке? Зачем я взялся нести этот крест?»

«10 марта. Календарь я еще помню. Лес кончился вчера. Я выбрался на равнину и увидел вершины Анд. Почти месяц я брел в зеленом аду. Переплывал реки, населенные кайманами. Питался чем попало. Сейчас я лежу на траве и смотрю на огромных бабочек, порхающих вокруг...»

«Все. Счет дням потерян. Сколько времени я лежал без сознания? А бабочки опять порхают. А я думаю, что где-то далеко сейчас идет мягкий пушистый снег... В висках стучат молоточки. Это, наверное, конец. Когда нет даже одиночества...»

«Март. Счет дням, увы, потерян. Но я жив. Они спасли меня. Я, кажется, бредил, все пытался поймать на ладонь красивую снежинку, а она ускользала от меня и что-то говорила. Слова

были пезучие и непонятные. Когда я впервые открыл глаза, то увидел голую индианку. Она шевелила губами и пыталась влить мне в рот какую-то жидкость из тыквенной бутылки. Я испугался, оттолкнул руку. И вдруг заметил, что вокруг меня сидит много людей. Меня поразили цвет их кожи. Она не была коричневой, как у тех индейцев, которых я знал. Эти были почти белыми. Длинные черные волосы спадали на голые плечи. Мне эти люди показались странно похожими друг на друга. Я подумал, что все это мне видится в бреду. Но женщина снова протянула к моему рту тыквенную бутылку. Я сделал несколько глотков. Ароматный жгучий напиток оказался хорошим лекарством. Мне стало хорошо и уютно. И я уснул.

Несколько дней я возвращался к жизни. Сегодня впервые смог взяться за карандаш. Женщина, которая спасла меня, с любопытством смотрит, как карандаш бежит по бумаге...

«Март. Индейцы, мигрировавшие на восток, наткнулись на меня случайно. Отчасти из любопытства, отчасти из сострадания они помогли человеку, оказавшемуся на их пути. Племя называет себя «аиаи». Оно идет по своему ежегодному маршруту. Все это я понял из рассказа женщины, которая взялась обучать меня их языку. Я понял, что каждый год племя в полном составе покидает место своего постоянного пребывания и отправляется в предгорья, чтобы принести жертву божеству. По обычаю, который показался мне чрезвычайно странным, богу отдается тот, кто в прошлом году сам приносил жертву. А тот, кому выпадет честь убивать, становится вождем на весь год.

— А где сейчас вождь? — спросил я.

— Он идет к богу другим путем, — туманно ответила женщина.

Я удивился.

— Он же может не прийти на место. Уйдет. Скроется.

— У нас не бывает так, — гордо ответила женщина. — Приносящий жертву уподобляется богу. А боги презирают и смерть и смертных».

«Март. Выбрав как-то удобное время, я спросил женщину,

можно ли мне посмотреть этот обряд. Она просто ответила, что можно. Только чужеземец ничего не увидит. Для этого надо уподобиться богу.

Я попросил женщину рассказать мне об этом.

— Давно, — сказала она, — когда наши лица были совсем белыми, человек по имени Аманагуа сделал это. И сказал он: так будет вечно.

— А кто такой Аманагуа?

— Он пришел оттуда, — женщина махнула рукой, указывая на север. — И он привел наших предков. И нашел обитель бога. И первым сделал то, что делаем по его завету мы.

— Его тоже принесли в жертву?

— Нет. Аманагуа был велик. Он был велик всегда. И умер своей смертью. А обычай установил он. Потому что так поступали предки Аманагуа, когда жили в этих местах.

— Жили?

— Да, тогда они носили одежду, как ты. И украшали ее желтыми камнями и теми вещами, которые делали из них. Аманагуа сказал, что это презренный обычай, и вернул наших предков на путь богов.

— Они сняли одежду?

— Я не так сказала, а ты не так понял, — улыбнулась жен-

щина. — Ты еще плохо знаешь наш язык, чужеземец. Сначала были боги. Потом не было ничего. Только большие звери, похожие на тапира. И змеи с телом тапира. И предки наших предков. Они были похожи на нас. Ходили без одежды и не знали того, что знаем мы. Они жили рядом с большими обезьянами. Жили мирно, пока одна из обезьян не унесла женщину племени в горы. Слабые люди не смогли бороться с обезьянами. И они ушли очень далеко. И там встретили бога. Он научил предков многому тому, что знаем мы. И ушел. Память о нем передавалась из поколения в поколение. Племя стало большим и могучим. Вот тогда они стали носить одежду и посыпать ее желтым песком. Все было забыто. Только несколько избранных помнили о боге, который должен был вернуться. И он вернулся. Но в это время шла большая война племен. Аманагуа был вождем одной из групп. Когда он увидел бога, то принял его за вражеского лазутчика. И убил его. Тогда и случилось это. Аманагуа стал велик и могуч. Он мог советоваться со светилами и видеть то, что недоступно простым смертным. Он увел свой отряд в горы, построил там капище и вытесал статую бога. Туда мы идем сейчас. Теперь ты понял?

— Я хочу увидеть капище.

— Ты еще слаб. Окрепнешь, мы пойдем туда. Только ты ничего не увидишь. Это не дано никому, кроме бога».

«Апрель. Я снова один. Как это все случилось? Голова раскалывается от грохота камней и криков несчастных. Землетрясение было настолько сильным, что, казалось, горы взбесились и кинулись на людей. Мертвы все. А бог, стоящий в центре капища, как будто смеется. Такой колоссальной жертвы ему еще не приносили никогда. «Приносящий жертву уподобляется богу»... Я знаю только одно: мне необходимо вернуться. Потому что я отмечен печатью бога. Теперь во всем мире я единственный, кто посвящен в величайшую и непонятную тайну. Где ее истоки, где ее причины. И никому нельзя рассказать. Этому невозможно поверить, хотя доказательство у меня в руках. Но между мной и тайной стоит смерть»...

Диомидов отодвинул листки в сторону. Их было много, этих листков. Но перечитывал он только те, которые показались ему наиболее любопытными. Кроме дневников, был еще отчет о путешествии. Толстая, добротнo сшитая рукопись. В ней содержались сведения об обычаях индейцев аиаи, приводились рецепты разных лекарств, описывались растения и животные, которые встречались на пути Беклемишева. На титульной странице отчета чья-то рука каллиграфическим почерком вывела: «В архив» и поставила дату: «12 августа 1914 года».

В том году России было не до самодеятельных путешественников.

— Слушай, животное, — сказал Диомидов коту, придя на другой день вечером домой, — ты глупая рыжая скотина. Тебя, конечно, не вопнует, что твой хозяин испытывает затруднения. И это еще мягко сказано. Я просто окончательно запутался в этой чертовщине и уже перестаю понимать, что к чему и кто есть кто.

Говоря это, Диомидов раздевался. Потом стал готовиться к ужину. Коту он кинул кусок колбасы. Дон Педро лениво съел угощение, потерся о ноги хозяина и вспрыгнул ему на плечо. Это было его любимое место. Вторым была пижамная куртка, лежащая на кресле. Кот обожал спать на этой куртке. Устраиваясь, он долго мял ее передними лапами и мурлыкал в экстазе. Диомидов называл это «доением». «Подойв» пижаму, кот свертывался на ней клубком и засыпал.

Сегодня ему спать не хотелось, и он осторожно укусил Диомидова за ухо. Полковник снял кота с плеча и пересадил в кресло.

— Так будет лучше, — сказал он. — Нам с тобой нужно подумать в спокойной обстановке. Или, может, не думать, а позвонить Зойке и закатиться в кино. Что ты скажешь? Имеем мы право отдохнуть? Правда, уже поздно. И какое дело Зойке до нас с тобой? У нее другие заботы. А мы? Вот именно: «приезжаем — уезжаем». И не звоним. Вот, брат, как все обра-

чивается. Дневники мы с тобой прочитали. И что? Ничего. Занавес висит, и никто не торопится его поднимать. Вот ведь какая петрушка. Спросить бы у старика, что он там такое увидел. Да ведь не спросишь. Убили старичка. «Приносящий жертву уподобляется богу». Черту лысому он уподобляется. Что это за фраза такая? «Приносящий жертву...» Ишь ты! А может, в самом деле уподобляется? Скажи об этом кому-нибудь — на смех поднимут. Но ведь от ямы в саду не уйдешь. Ямка была. И жертва соответственно. Все сходится. Н-да. Вот тебе и шуточки-дрычки...

Произнеся этот длинный монолог, Диомидов встал со стула и заходил по комнате. Мысль вертелась в каком-то кругу. Факты нагромождались друг на друга. Чего стоила одна сегодняшняя история с московским Ридашевым. На бульваре к Ридашеву внезапно приблизился Бергсон, показал писателю черный бумажный прямоугольник и попросил спичку. Прикуривая, вполголоса заметил:

— А вы здорово изменились.

Ридашев изумленно взглянул на него и ничего не сказал.

— Потом, — рассказывал Беркутов, — нашему человеку удалось услышать еще одну фразу: «Вы превесело отдыхали в Треблинке, не отрицайте». Ридашев пожал плечами. Он смотрел на Бергсона так, как смотрят на человека, с которым никогда не встречались. А тот бесцеремонно взял писателя под руку и повел в сторону от бульвара. Ридашев сказал резко: «Что вам надо?» — и пошел в сторону, Бергсон догнал его и начал что-то тихо говорить. Ридашев сердито отмахнулся. Потом Бергсон громко сказал:

— Не ломайте дурака! Хенгенау уже нет в живых. А босс идиотов не любит. Советую подумать.

— И пошел прочь, — сказал Беркутов, раскладывая на диомидовском столе пачку фотографий. — Вот Ридашев после разговора, — показал он на последний снимок.

У писателя был явно ошеломленный вид. Диомидов просмотрел все снимки.

— Но ведь и Бергсон ошарашен не меньше, — сказал он Беркутову, указывая на одну из фотографий. Беркутов кивнул и заметил, что все это выглядит довольно глупо.

— Какого дьявола он полез к Ридашеву? — спросил он.

Игра и в самом деле приобретала какой-то глупый оттенок. Неужели они заметили наблюдение и начали путать следы? Но тогда почему Бергсон стал действовать так примитивно и грубо? И какого Хенгенау он имел в виду? Неужели того эсэсовца, про которого рассказывал Курт Мейер? Значит, история с обезьянами связана с делом Беклемишева. Выходит, что старика убили не только для того, чтобы заполучить эту непонятную трость. И эта история с московским Ридашевым. Кто звонил ему, кто требовал вернуть дневники? Если предположить, что звонил Бергсон, то выходит, что это надо было ему для того, чтобы проверить: тому ли человеку он звонит? Допустим, звонил Бергсон. Ридашев понес дневники, и Бергсон удостоверился, что это он тот человек, который ему нужен. Но в таком случае как объяснить недоумение Ридашева? Оно было неподдельным. А если Бергсон сунулся не по адресу? Но ведь это ерунда. Опытный агент не может поступить так опрометчиво. Что-то тут не так.

— Порочный круг, — сказал Беркутов, внимательно слушавший рассуждения Диомидова.

— Что? — откликнулся тот.

— Я говорю: порочный круг, и в нем два Ридашева. Замкнутый круг.

— Вы что? Математикой стали увлекаться? — спросил Диомидов, усмехнувшись.

— Да нет, это я так, — смутился Беркутов. — Для пущей образности.

— Знаете что? Нам, дорогой мой Беркутов, надо не круги придумывать, а версии. Есть у вас, к примеру, какая-нибудь версия?

— Я... Я считал... — промямлил Беркутов.

— Считать не надо. Я никогда ничего не считаю. Даже сдачу,

когда делаю покупку... Вы, кстати, не задавали себе вопроса о воре? Да, да, о том самом, которого нашли убитым в той ямке в лесу?

— Нет, — недоумевающе поднял глаза Беркутов. — Мне казалось, что есть... Ну, более важные дела... И я выполнял задание...

— Это верно, — задумчиво сказал Диомидов. — С заданием вы справились. Но клубочек по-прежнему запутан...

— Вы думаете, — спросил Беркутов, — что вор?..

— Вор — это один из многих кончиков, что торчат из клубка. Попробуем дернуть еще и за этот кончик.

— Я понял, — сказал Беркутов. — Разрешите идти?

— Учтите, это будет трудно, — заметил Диомидов. — Поэтому мы решили подключить к вам Ромашова. Вы знакомы, надеюсь?

Беркутов кивнул.

— Ну и ладно. Желаю удачи.

...Ложась спать, Диомидов подумал, что завтра предстоит хлопотный денек. Протянул руку к выключателю, а затем, уже в темноте, взглянул на часы.

Часы лежали на прикроватном столике. Светящиеся стрелки показывали два...

А в другом полушарии был день. В другом полушарии кипела жизнь. Вертелись стеклянные двери отелей, поблескивая в лучах солнца. Клерки корпели над бумагами в канцеляриях и конторах. Неслись лимузины по автострадам. Стояли в очередях за бесплатным обедом безработные. Вспыхивали и гасли табло на биржах. Кричали газетчики и продавцы патентованных средств. Много кое-чего делалось в другом полушарии. Здесь совершались убийства и сделки, преступления против нравственности и бракосочетания, именины и похороны.

Пророчества о сошествии на грешную землю антихриста в образе лиловых обезьян не сбылись. Телекинетик Вилли Браун из Филадельфии забыл о пришельцах и вернулся к своим

прямым обязанностям. На экраны вышел фильм «Моя жизнь с шимпанзе». В главной роли выступала Глэдис Годфри.

И в самом эпицентре «фиолетовой чумы» наступило затишье. Оцепление пораженной местности поредело. В сельву отправлялись вооруженные отряды. Восстанавливались телефонные линии, жители стали возвращаться в покинутые поселки и города.

Все кончилось так же неожиданно, как и началось. Странные существа исчезли, словно провалились сквозь землю. Только пепелища напоминали о бедствии. По обочинам дорог еще кое-где валялись останки лиловых страшилищ. Пришлось срочно организовать санитарные группы. Порядок понемногу восстанавливался.

Но вдруг газеты сообщили новое известие. Из сельвы в Рио явилась самостоятельная экспедиция, которую организовал Курт Мейер. Он закрыл зубопротезную мастерскую, снял со счета в банке свои сбережения и, найдя четырех смельчаков, которым можно было довериться, уговорил их отправиться в путешествие, чреватое опасностями и неожиданностями. Тайна профессора-эсэсовца не давала покоя Курту.

Курт Мейер добрался до лаборатории Хенгенау. Побывал он и в храме. Вернувшись в Рио, Курт на другой же день рассказал своим знакомым о разных странных находках. Кое-что тут же попало в газеты, которым уже надоело комментировать внезапное исчезновение фиолетовых обезьян. Новость явилась допингом, подхлестнувшим истощившуюся фантазию журналистов. Умолкшие было разговоры об обезьянах возродились с новой силой и на новой основе. В газетах стали появляться сообщения, которые очень не нравились полному джентльмену. Хотя остатки оборудования и были вывезены, упоминания об одной из фирм босса в газетах проскальзывали.

Некоторые из этих заметок попали на стол к Диомидову. Он прочитал, подчеркнул фамилию полного джентльмена и показал газеты генералу.

— Дирксен? — спросил генерал. — Ишь ты... Ну-ну... Значит, надо думать, что и Лейстер где-нибудь рядом.

— А помните того иностранца, что приезжал в ставку? — спросил Диомидов.

— Как же. Конечно. Выходит, вот оно куда поворачивает. — Генерал сломал сигарету и сунул половинку в мундштук. — Размах, видно, у предприятия был солидным. Эти джентльмены денег на ветер не бросают. Только что же в итоге получается? Надул их Хенгенау, что ли? Или погиб?

— Бергсон заявил московскому Ридашеву, что погиб, — напомнил Диомидов.

— Занятная история, — пробормотал генерал. — Однако сейчас самое время уточнить кое-что. Вы с учеными консультировались?

— Собираюсь, — сказал Диомидов. — К академику Кривоколенову схожу. Потом к Лагутину.

— А это кто?

— Психофизиолог. Говорят, занимается наследственной памятью.

— Подождите-ка — перебил его генерал. — Я что-то не соображу, какое отношение эти вопросы к нашему делу имеют.

— Я и сам плохо понимаю, — сказал Диомидов. — В общем, помните этого чудного старичка Бухвостова?

— Ну, ну... Лиловая рука... И так далее.

— Вот, вот. В этом «и так далее», кажется, что-то есть. Странные галлюцинации Бухвостова напоминают пробуждение наследственной памяти. И тут усматривается связь с этой штукой, которая была зарыта в саду у Беклемишева. Бухвостов однажды, незадолго до убийства старика, был приглашен к нему в дом починить письменный стол. После этого он неожиданно для себя запил. Причем не помнил об этом факте. Затем, это было в ночь убийства Беклемишева, он шатался около дома последнего как раз в тот момент, когда чудной прибор действовал. И сразу же у него начались галлюцинации. Понимаете

мою мысль? Первый раз Бухвостов находился в нескольких десятках метров от этого прибора. И потерял память. Второй раз был вблизи от него, когда прибор действовал. Результат — галлюцинации и лиловая рука.

— Н-да, — протянул генерал. — А почему только Бухвостов? Другие-то, сам Беклемишев, например. Или этот Ридашев. Да и вообще что-то тут не сходится.

— Не сходится, — уныло произнес Диомидов. — Если только не предположить, что в этом Бухвостове есть какая-то особенность. Отличие от других, что ли...

— Какое там отличие, — махнул рукой генерал. — Однако... чем черт не шутит...

— Вот я и хочу поговорить с учеными, — сказал Диомидов. — Да и дневники Беклемишева следует изучить тщательно. Одно дело — мы. Другое — специалисты.

— Правильно, — одобрил генерал. — А как с алиби московского Ридашева? Перепроверили?

— Да, — сказал Диомидов. — Совершенно точно. Он из Москвы никуда не выезжал.

— Так, так. А во время войны он, значит, был в Треблинке?

— Да, — кивнул Диомидов.

— Послушайте, — сказал генерал. — А не кажется вам?..

— Кажется, — улыбнулся Диомидов. — И очень давно уже кажется. Как раз с того дня, когда Бергсон полез к Ридашеву с разговорами. Но как нам поступить, ума не приложу.

— Надо придумать — сказал генерал. — Время идет. Кстати, подберите-ка мне все сведения об этих джентльменах — Дирксене и Лейстере. Возможно, мы что-нибудь упустили. А господа они серьезные. В то, что они с Бергсоном промашку дали, верится с трудом.

— Бывает, — усмехнулся Диомидов.

— Ну, ну, — заключил генерал. — Не очень-то на это рассчитывайте.

Часть II

ПРОШЛОЕ ВОЗВРАЩАЕТСЯ

Глава первая

„ВЫ ТОЖЕ БОРЕТЕСЬ?“

Жители больших городов редко смотрят на небо. Возможно, потому, что высокие дома заслоняют его и, чтобы взглянуть вверх, надо запрокинуть голову. А это опасно: ненароком можно потерять фуражку или шляпу, ненароком можно сойти с тротуара и угодить под машину: словом, много разных «ненароком» ожидает неосторожного зеваку в большом городе. Заглядишься на небо, а тебя толкнет невзначай спешащий на троллейбус прохожий. Толкнет, да и отругает вдобавок. И больно и обидно.

А может быть, жителям больших городов просто неинтересно пялить глаза на небо. Что там есть — на небе? Тучи, солнце, голубизна, на которой облака-барашки пасутся? Разве может это идти в сравнение с витриной, на которой только сегодня появилась новая синтетическая шубка? Заглядишься на небо — прозеваешь объявление об обмене двухкомнатной квартиры со всеми удобствами на две однокомнатные в разных районах. А человеку как раз надо именно однокомнатную. Человек только что развелся с женой. Когда уж тут на небо глядеть. Кстати, процент разводов в городах значительно выше, чем в деревне. Объяснения этому, правда, никто не давал. Подсчетов точных тоже никто не делал. Но это так. Разводятся почему-то чаще те, кто редко взглядывает на небо. И в чем тут дело?

Задав этот вопрос, рыжеволосая девушка засмеялась и остановилась перед газетным киоском. Ее спутник шутливо заметил:

— Ты много читаешь, Маша. Ты прямо впитываешь в себя афишную мудрость. И задаешь вопросы, на которые нельзя ответить.

— Афиши и газеты, дорогой товарищ Лагутин, читать полезно, — наставительно сказала Маша. — Это давно замечено умными людьми. Давай купим какую-нибудь. Я хочу узнать свежие новости об обезьянах.

«Дорогой товарищ Лагутин» купил газету. Они свернули в скверик и уселись на пустую скамейку. Осенний ветер играл листьями на дорожках. Этот же ветер прогнал отсюда мамаш с колясками и пенсионеров с шахматами. Маша развернула газету. Лагутин пробежал взглядом по заголовкам.

— Ого! — сказал он удивленно. — Они отказались от нашей помощи.

Маша подняла голову.

— Уж не рассчитывал ли ты?.. — начала она, но Лагутин перебил:

— Не вижу в этом ничего странного. Я бы перестал уважать себя...

— И все за моей спиной, — обиженно сказала Маша. — И это называется любовью...

— Но мы же с тобой на эту тему не говорили.

— Все, — сказала Маша. — Меняю двухкомнатную со всеми удобствами.

— Сперва ее надо получить.

— Я думаю, это несложно. Будущему спасителю человечества от «фиолетовой чумы» квартиру предоставят вне очереди. Из пяти комнат. С кабинетом-музеем, у входа в который будет стоять чучело лиловой обезьяны. В руках она будет держать поднос с визитными карточками. Ученые мира приедут на симпозиум. И знаменитый психофизиолог Иван Прокофьевич Лагу-

тин расскажет им о своем величайшем открытии и о победе над марсианской обезьяной.

— Ты злишься?

— Шучу, — сказала Маша. — Но мне страшно. Я поняла сейчас, что я большая эгоистка. Потому что думала не о тебе, а о себе. Мне жалко себя. Ты бы уехал и, конечно, погиб... Да, да... Оттуда еще никто не возвращался... В исключения из правил я не верю.

Маша подняла прутик и принялась чертить им треугольники на песке. Лагутин вздохнул. Он не любил душещипательных объяснений. Да, он собирался в экспедицию. Но теперь этот вопрос отпал. Он не задумывался о том, что встретит его в сельве. Над такими вещами нельзя задумываться. В сельве творились странные дела. И он считал, что поступает правильно, попросив включить его в экспедицию. Да, он не сказал Маше об этом. Но в подобных ситуациях женщины плохие советчицы.

— Перестанем щипать нервы. У нас будет памятрон, — перевел разговор Лагутин. — Как-то все это будет выглядеть?

— В институте только и слышишь об этом памятроне, — сказала Маша. — Уж скорей бы...

— Теперь скоро. Монтаж закончен. Через пару дней начнем первые опыты.

— Ох, страшно, — поежилась Маша. — Вдруг с этим полем ничего не получится?

— Будем надеяться, получится, — сказал Лагутин.

Маша бросила прутик и выпрямилась. Серые деревья стояли нахохленные и жалкие. Холод проник под легкое пальто. Она зябко повела плечами. Уже конец сентября. А когда все только начиналось, был апрель. Они пришли на концерт электронной музыки. Сейчас уже забыты и название инструмента и фамилия исполнителя. Не забыта только музыка. Музыка, с которой, собственно, все и началось.

...Первые же аккорды, обрушившись откуда-то сверху, заставили Машу вздрогнуть. Она закрыла глаза, вслушиваясь в волну звуков. И вот уже нет зала. Широкие пространства полыха-

ют всплесками света и тепла. И что-то неведомое увлекает Машу, зовет вперед, туда, где искрится и переливается звездами бездонная глубина. Потом свет сменяется чернотой. И Маша мчится сквозь густой мрак навстречу малюсенькому красному пятнышку. И снова море света заливает ее. И все время тревожит какое-то неясное воспоминание. Кажется, вот сейчас, сию минуту она вспомнит давно забытое, узнает что-то важное. Но музыка обрывается. С просцениума смотрит на Машу человек в черном костюме. Он кланяется аплодирующему залу...

Да, тот концерт нельзя забыть...

Тогда же родилась идея памятрона...

— Памятрон — это возможность серии опытов. Это не сюна в пробирке и не энцефалограф, — говорил тогда Лагутин. — Не мутное зеркало, в котором отражается малая толика процессов, протекающих в нервных клетках, а открытая дверь в эти самые клетки. Под звуки вальсов व्यюнок растет быстрее. Вывод — музыка пробуждает в клетке какие-то силы, природу которых мы еще не в состоянии понять. Но только ли музыка? Облучение тоже действует на клетку. Я уверен, что памятрон даст нам поле, в котором наследственная память как бы заговорит. Он явится инструментом, которым можно воздействовать на наследственную память...

Потом появилась статья Тужилина, в которой он камня на камне не оставил от лагутинских идей. Маша опасалась, что после этой статьи им запретят даже думать о приборе. Но ошиблась. Все обошлось. А Тужилин уехал в отпуск.

Маша поехала. Замерзла спина. Сходить бы в кино. Там, по крайней мере, тепло. Только дура вроде нее могла забыть ключ от дома. Теперь сиди и жди, пока отец возвратится.

— Ты совсем посинела, — сказал Лагутин, заглянув ей в лицо. — Может, пройдемся? Нам еще целый час ждать.

— Ага, — сказала Маша. — Это верно. У меня спина уже ничего не чувствует. Кроме того, я думаю о Тужилине.

— Стоит ли? — спросил Лагутин. — Вот если мы с тобой провалим опыты...

— Тогда, — подхватила Маша, вставая, — Тужилин спляшет чечетку на наших поверженных телах.

Лагутин усмехнулся. Маленький лысый Тужилин, пляшущий чечетку, выглядел бы забавно. Но стоит ли об этом говорить?

— Да, — сказала Маша. — Да, я, кажется, совсем замерзла. Мы будем пить чай. И немножко вина. Ладно?

— Ага. И ты познакомишь меня наконец со своим папой.

— Он сердитый. Но ты не обращай внимания. А я правда ужасно замерзла.

Они торопятся. Обгоняют прохожих. Маша сует газету в подвернувшуюся на пути урну. Газета мешает — холодно руке.

— Зря, — сказал Лагутин. — Ты же так и не прочла про обезьян.

— Дома, — отмахнулась Маша. — Папа выписывает уйму газет. А я читаю их. С карандашом. Отмечаю наиболее любопытное и складываю на стол к папе. Он полагает, что таким способом сберегает час в сутки.

— Ну что ж, — заметил Лагутин. — Пойдем к папе. Сегодня мы отнимем у него этот час.

К вечеру на город опустился туман. Электрические фонари, одетые в молочную дымку, стали похожи на привидения. Если бы академик Кривоколенов был поэтом, он, быть может, придумал бы сравнение и получше. Но он не был поэтом. Он не был им ни в восемнадцать, ни в тридцать пять, ни сейчас, когда ему перевалило за семьдесят. Поэтому появление тумана в сентябрьский вечер не вызвало у него особенных эмоций. В своей жизни он не раз встречался с туманами. Он видел туман в камере Вильсона, и туман в горах, и самый обыкновенный городской туман, который предвещал боль в суставах.

Академик шел домой. Рядом с ним шагал Диомидов. Пол-

ковник, не застав Кривоколенова в институте, догнал его на улице.

Академик Кривоколенов был физиком-теоретиком. Практика сводилась к наблюдениям за траекториями полета частиц в туманной камере, а также к изучению фотопластинок, на которых эти частицы оставляли следы своего кратковременного существования. Частицы делали свое дело, а академик свое. На полке в его кабинете стояло уже несколько томов отнюдь не поэтического содержания. Для непосвященного это была абра-кадабра, а для посвященного — целый мир. В этом мире жили, рождались и умирали. В этом мире происходили столкновения и катастрофы. Были здесь свои загадки и тайны. Законы и правила. И исключения из правил.

В этом мире все было не так. Жизнь здесь измерялась даже не секундами, а ничтожными долями секунд. Здесь начисто исчезали привычные представления о покое и движении, о массе и энергии, о времени и пространстве. И ум академика, проникая в этот мир, открывал в нем новые закономерности и новые загадки.

Но недавно академик Кривоколенов столкнулся с загадкой, которая, как чертик из табакерки, выскочила в другом мире, в том самом, в котором находилось тело академика, в котором он обедал, разговаривал, гулял. И он увидел это не в камере Вильсона, не на мишени, вынутой из ускорителя, а на зеленой лесной лужайке.

Об этом трудно было говорить серьезно. Но и уйти от факта было невозможно. И волей-неволей академик мысленно возвращался к событию, которое требовало объяснения. Эта странная яма поражала воображение. Происшествие в лесу ломало привычные представления о веществе. Академик вспомнил чекиста с ножиком. И вдруг увидел Диомидова во плоти. Тот обогнал его и сказал:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте; — ответил академик. — Вы что же, пешочком ходите?

— Иногда, — сказал Диомидов.

— Это вы ведь проделывали... э... некоторые рискованные опыты с ножичком? — спросил Кривоколенов. — Я, часом, не ошибаюсь?

— Было дело, — усмехнулся Диомидов. — А я вот ходил в институт, вас хотел найти.

— Да, да, — пробормотал академик. — А что, собственно, побудило вас столь настойчиво искать... э... встречи с вашим покорным слугой?

— Мы хотели бы уточнить, — сказал Диомидов, — насколько все это серьезно...

Кривоколенов не дал ему договорить.

— Я бы тоже, молодой человек, хотел. Но увы. Одним хотением даже блоху не поймаешь. Извините за неподобающее выражение. Обтекаемой формулировочки на этот счет я не придумал. Ножичек ваш... э... взят на исследование. Вот пока и все, чем могу порадовать.

— Неужели ничего? — огорчился Диомидов.

Академик рассердился. Не рассказывать же этому любопытному чекисту о чепухе, которая сыпалась как из рога изобилия. Предположения и догадки юнцов, начитавшихся фантастических романов и задумчиво паливших глаза на небо, академик не принимал во внимание. Привлекать в качестве объяснения космос было глупо, потому что это, в сущности, ничего не объясняло. Космос в руках таких объяснителей становился опасным инструментом. Он не оттачивал мысль, а притуплял ее. Существо явления продолжало оставаться тайной, а ее разгадка отодвигалась. Рождалось своеобразное богоискательство на новой основе. Выдумывались теории, в которых, как это ни странно, звучал старый, как мир, вопрос о курице и яйце. Только теперь курица называлась космическим пришельцем, а яйцо — человеческим мозгом. Но разве подмена понятий изменяла вопрос? Разве сама постановка вопроса — а что раньше? — становилась менее глупой? Еще больше ака-

демика возмущала удивительная легкость мысли. Достаточно одного-двух фактов, и уже готова гипотеза.

Диомидову он сказал:

— Конечно, мне тоже хочется знать, что это такое. Но я не всезнайка. И потом, эти разговоры не для улицы. Вот мой дом. Прошу! Или пришлите мне повестку...

— Спасибо, — сказал Диомидов. — Я зайду.

...А через час перед дверью с медной табличкой, на которой чернела старомодная каллиграфическая надпись «С. А. Кривоколенов», остановились Маша и Лагутин. Лифт не работал, и они запыхались, поднимаясь бегом по лестнице.

Диомидов к этому времени успел уже уйти. Папа встретил Лагутина не то чтобы неприветливо, но сухо и церемонно. Подал ему руку так, как подают для поцелуя сознающие свое достоинство дамы незнакомым мужчинам. Лагутин руку академика целовать не стал, но пожатия не рассчитал. Старик ойкнул и вскинул бороду.

— Век нынешний и век минувший, — сказал он, морщась, и попросил гостя пройти в комнаты.

Маша фыркнула и пошла переодеваться. Потом что-то зазвенело на кухне.

— Не обращайтесь внимания, — заметил академик. — Если все, что я слышал от нее, — он кивнул в сторону кухни, — если все это правильно, то вам... э... придется привыкать к некоторым звукам. Жена умерла... э... несколько рано, а я, как вы понимаете, не мог дать дочери соответствующего воспитания.

Лагутин вежливо наклонил голову. Старик с минуту рассматривал его колющим взглядом из-под очков. Разговор не вязался. Лагутин с любопытством разглядывал старую мебель под черное дерево, ужившуюся с тонконогим журнальным столиком, с картиной явно современного толка и с пухлым альбомом, в котором, вероятно, был представлен весь род академика от первого колена.

— Смешение стилей, — сказал старик, заметив заинтересованность Лагутина. — Это она, — кивнул он на столик, — а это

я, — палец академика указал на коробку стенных часов с длинным латунным маятником.

— Сейчас это модно, — вежливо протянул Лагутин.

Надо было о чем-то говорить. И он выбрал, как ему показалось, безобидную тему — стал рассказывать, как они познакомились с Машей.

— На работе, — заметил академик саркастически. — Теперь все знакомятся на работе. И вместе борются за план. Вы тоже боретесь?

Лагутин засмеялся.

— Нет, мы просто работаем. Над одной проблемой.

— Память, — сказал старик. — Знаю. Мучаете кроликов.

Вошла Маша, стала накрывать на стол, прислушиваясь к разговору.

— Мы ставим вопрос шире, — сказал Лагутин. — Если подтвердится наше предположение, человечество получит подарок...

— Занятно, — пробормотал академик. — Человечество любит подарки. И оно, знаете ли, уже получило кое-что. Например, бомбу. А что хотят подарить человечеству молодые люди?

— Его прошлое, — вмешалась в разговор Маша. — Я же говорила тебе, папа.

Академик высказался в том смысле, что он не прочь получить информацию из первоисточника. Он терпеть не может комментаторов. Ему любопытно знать также, где располагается хранилище наследственной памяти, если таковая имеется, и на основании каких фактов уважаемый гипотетант производит свои построения. Лагутин популярно объяснил, что безусловные рефлексы передаются по наследству. Ребенок, только что родившийся, без подсказки находит материнскую грудь. Никто не учит пчелу строить улей. Котенок, появившийся на свет летом, не очень удивляется первому снегу. Лосось, вылупившийся из икринки в реке, уверенно находит дорогу в море. Мы знаем тысячи подобных фактов. Логично предположить, что живой организм хранит не только ту информацию, которую он полу-

чает во время жизни, но и ту, которую получали его предки.

— Логика — штука коварная, — заметил академик. — С ней надо аккуратнее обращаться.

— Согласен, — сказал Лагутин. — Но в данном случае логика за нас.

— Однако нет фактов, — сказал академик. — Я имею в виду проявления, так сказать, этой вашей памяти.

— Память лежит очень глубоко, — заключил Лагутин. — Чтобы не мешать организму жить. Что было бы, если бы каждый из нас мог по своей воле вспоминать все, что знали и видели его предки? Эти знания затопили бы человека. Он захлебнулся бы, будучи не в силах отделить ненужное от полезного. И природа поступила очень мудро, зашифровав наследственную память...

— Но факты? — перебил академик.

— Будут, — твердо сказал Лагутин. — Нужно средство, которое помогло бы включить память, вынести ее на поверхность сознания.

— Совсем немного, — улыбнулся академик. — Значит, дело в выключателе. Нажал кнопку — и поехал в каменный век.

— Между прочим, папа, — снова вмешалась Маша, — между прочим, это именно так. И даже кнопка придумана.

— Да, — согласился Лагутин. — По замыслу памятрон и должен сыграть роль выключателя. Звучит это, правда, несколько примитивно. Хотя, в конце концов, и атомная бомба всего-навсего два куска урана-235. Конечно, если отвлечься... Но мы ведь, насколько я понимаю, не собираемся сейчас рассматривать принцип действия памятрона во всех, так сказать, аспектах.

— Стнюдь, — усмехнулся Кривоколенов. — Пылкость ваша... — он на секунду задумался. — Пылкость и приверженность ваша меня радуют... Да... Однако, простите старика, меня... э... давно уже смущает некий каверзный вопросец. С тех самых пор, когда дочка ввела меня... э... в курс, что ли, как нынче горюют, так он и засел в голове. Мария Кюри, как вы знаете,

обожгла руки, работая с радиом... Она... э... не понимала еще, с чем имеет дело... Потом в науку пришли пылкие и приверженные, которые уже понимали... И находились... э... некоторые, кои голыми руками таскали те самые куски урана, про которые вы изволили упомянуть...

— У нас, — сказал Лагутин, — разработана система защиты...

— Не о том я, — перебил академик. — Я просто хочу уяснить, как далеко... э... направлены ваши пылкие устремления?

Лагутин понял наконец, куда клонит старик.

— Об этом, — сказал он, — говорить еще рано. Во всяком случае, если потребуется, то я... — Тут он взглянул на Машу. Она, опустив глаза, тербила уголок скатерти. — То я готов, — закончил он жестко.

Академик задумчиво повертел в пальцах чайную ложечку. Потом аккуратно положил ее на блюдце.

Все трое поняли, что дальше разговаривать на эту тему не имеет смысла.

Прошло несколько дней. Отец по вечерам стал запираться в кабинете: занимался какими-то расчетами. Маша видела, как на краю его стола пухла стопка исписанных листов бумаги. От вопросов академик отмахивался. Только однажды поинтересовался, как идут дела у Лагутина. Маша сказала, что они начали испытывать памятрон. Степан Александрович внимательно выслушал рассказ о странных результатах первых опытов и только покачал головой.

А результаты были и в самом деле странными. «Поле памяти», как его назвал Лагутин, просто убивало крыс. Да еще как! В первые же секунды из животных клочьями лезла шерсть, голая шкура на глазах вздувалась буграми, которые тут же превращались в язвы. Крыса теряла привычные очертания, и через минуту на полу клетки оставался только бесформенный кусок мяса. Лагутин недоумевал. Он не ожидал, что поле, создаваемое памятроном, окажется таким опасным.

— Это страшно, — говорила Маша. — Безобразно и страшно.

Лагутин соглашался, что это страшно, но опыты продолжал. В лабораторию заходили сотрудники, качали головами, цокали языками, но вслух не высказывались. Как-то забрел сюда и Тужилин. После того как он написал статью, в которой раскритиковал идеи Лагутина о наследственной памяти, ученые только церемонно раскланивались при встречах. Говорить о чем-либо не имело смысла, настолько полярны были их взгляды. Теперь же, прослышав о неудачах Лагутина, Тужилин счел необходи-

мым лично засвидетельствовать свое «уважение коллеге», как он выразился, и еще раз напомнить о старом споре.

У Тужилина была безупречная репутация мыслящего ученого. Его работы часто публиковались. На них ссылались молодые сотрудники. К нему за советом и помощью обращались диссертанты. Словом, Тужилин был вполне благополучным человеком. А Лагутин его не любил. Но Тужилину это было безразлично.

Постояв возле клетки с очередной лагутинской жертвой, Тужилин поправил очки и заметил:

— Видите, коллега. Эксперимент еще раз свидетельствует о безнадежности идеи. Нельзя ставить науку с ног на голову... Авторитеты... И что вы хотите от крыс?..

— От крыс я ничего не жду, — рассердился Лагутин.

— Тогда что же? — пожал плечами Тужилин. — Вы бы поделились...

— Все это проще пареной репы, — сказал Лагутин. — Поле должно изменить поведение крысы. Понятно? И я найду режим, в котором это произойдет.

— Значит, вы уверены, что ДНК?..

— Уверен...

— Ну, знаете ли. Мы говорим о доказанном. В ДНК вы ничего не найдете.

— А кто доказал? — возмутился Лагутин. Ему явно не хватало выдержки, и он горячился. — Когда-то божественное происхождение человека считалось тоже доказанным.

— Ну, это, знаете ли...

— Знаю... Инакомыслящих — на костер. Так, кажется, было?

— Исторические параллели, знаете ли, неуместны. Мы живем в другое время.

— Правильно. Статьи пишем. Утверждаем, что нет бога, а есть условный рефлекс. А ведь как вы ни бейтесь, цепочка условных рефлексов не даст вам больше того, что имеет.

— Но и вам, коллега, — позволил себе съехидничать Тужилин, — ДНК не дает больше.

— Даст!

Тужилин пожевал губами и выразил свое сожаление. Когда он ушел, Маша сказала, что Лагутин вел себя как мальчишка. Он махнул рукой и объяснил, что с детства не любит вот таких маленьких, чистеньких и благополучных. Они почему-то вызывают отвращение своей безукоризненной ясностью, которая на поверку оказывается рядовой тупостью.

— Не так уж он туп, — заметила Маша. — И можешь быть спокоен, он не зря нанес тебе визит...

— Пускай, — отмахнулся Лагутин. — Ну, напишет еще статью.

— А нам запретят опыты.

— Не запретят. Я говорил с людьми, которые смотрят на вещи другими глазами. Тужилин прав в одном: не те нынче времена. Хотя тужилины и в эти времена умудряются процветать.

Потом все пошло своим чередом. Лагутин с утра забирался в лабораторию. Маша приходила несколько позднее. Щелкали тумблеры, тихо гудел памятрон. Крыса погибала. На стол ставилась очередная клетка. И так до поздней ночи. Однажды Маша сказала:

— Все-таки я не понимаю, чего ты добиваешься? Не может ведь наш памятрон превратить крысу в лягушку. Я повторяю тужилинский вопрос: чего ты ждешь от крысы?

— Поведение. Понимаешь, она должна изменить поведение.

— А может, мы вообще ошибаемся?

— Кто его знает, — задумчиво сказал Лагутин. — Честно говоря, я надеюсь, что памятрон способен на большее, чем расплавлять клетки. Но в чем фокус? Что-то мы делаем неправильно. Это ясно. Вот если получить хоть одну информацию. Пока мы даем клеткам только приказ о перестройке.

— И тебе, между прочим, не дают покоя обезьяны в сельве?

— Это только домыслы. Всего-навсего, — медленно ответил Лагутин. — Но когда я читаю об обезьянах... Видишь ли, мне иногда кажется, что кто-то опередил нас. Возможно, он шел иным путем. А может, тем же, что и мы... Трудно сказать...

Достоверно я могу утверждать, что у того человека была иная цель, чем у нас. Мы хотим вернуть людям прошлое, а этот кто-то стремился ввергнуть людей в прошлое. Превратить в фиолетовых обезьян все человечество... Вспомни цепную реакцию распространения этой... нет, не эпидемии. Тут нужно какое-то другое слово, которого пока еще нет в лексиконе. Но не в этом дело... Впрочем, ты ведь знаешь...

— Очень мало мы знаем, — задумчиво откликнулась Маша. — Значит, надо искать режим. А может, надо от крыс отказаться? На собачках. Но я не смогу на собаках. Мне их жалко. И вдруг Тужилин прав? Может быть, молекула ДНК не содержит ничего, кроме программы строительства белка.

— Это было бы грустно, — сказал Лагутин. — Но Тужилин не прав. Я больше чем уверен в этом. Не забывай про обезьян. Кто-то уже сделал то, что делаем мы. И даже больше.

— Твоими бы устами, — вздохнула Маша.

Глава вторая

РОДОСЛОВНАЯ БУХВОСТОВА

— Подведем итоги, — сказал Диомидов, когда Беркутов и Ромашов уселись у его стола.

Ромашов снял очки и стал задумчиво протирать стеклышки. Итоги были неутешительными. Он и Беркутов изучали в эти дни жизнь вора, труп которого был найден в яме. Вора звали Петькой Шиловым. Жил он в Замоскворечье со старухой матерью. Нигде не работал. После каждой кражи попадался и из своих двадцати восьми лет в общей сложности десять провел в тюрьмах. Накануне того злополучного дня он вернулся в Москву после очередной отсидки. Ночевал на вокзале, на том самом, который принял поезд, привезший Тужилиных и Ридашева в столицу. Затем след вора обрывался. Ромашову и Беркутову так и не удалось узнать, почему Петька Шилов вдруг оказался в лесу.

— Может, он украл тросточку у этого Ридашева? — предположил Беркутов. — И драпанул в лес.

— Не вижу смысла, — возразил Диомидов. — Вор не дурак, чтобы красть трость. Подумаешь, ценность! Кроме того, если верить Анне Павловне, Ридашев вез трость в чехле от удочек. Не забудьте еще одного обстоятельства, Ридашев довез Тужилиных до дома на такси. Потом поехал дальше. Куда?

— Я нашел вчера того таксиста, — равнодушно сказал Ромашов.

— Все ясно, — резюмировал Диомидов. — Дальше можете не продолжать. Ридашев высадил Тужилиных и вернулся на этом такси обратно на вокзал.

— Правильно, — сказал Ромашов грустно. — Для того чтобы это узнать, не надо было и таксиста искать. Но я его искал, чтобы удостовериться.

— Ну и как? — спросил Диомидов.

— Ридашев больше нигде не заезжал. От Тужилиных он двинулся сразу к вокзалу. Там отпустил машину.

— Тоже правильно, — заметил Диомидов.

— Он мог отпустить машину в любом месте, — вмешался Беркутов.

— Мог, да не отпустил, — сказал Диомидов. — У него не оставалось времени на разъезды. Не забудьте, что с момента прихода поезда из Сосенска до появления ямы в лесу прошло всего два часа. Вот хронометраж. — Диомидов положил на стол бумажку с цифрами. — Тужилины ехали на «Волге». От вокзала до их дома — двадцать минут. Обратно — еще двадцать. Сосчитайте, сколько получилось? Сорок минут. Вычтите их из двух часов. Остается час двадцать. От вокзала до ямы на электричке с учетом расписания поездов — час плюс десять-пятнадцать минут ходьбы пешком. В резерве остается, следовательно, пятьдесят минут. Однако мы слишком много времени тратим на обсуждение этого факта.

— Не понимаю, почему вы решили, что он обязательно должен был поехать на вокзал, — наморщил лоб Беркутов.

— О господи, — простонал Диомидов. — Вор-то ведь был на вокзале. Он был там, когда Ридашев и Тужилины садились в такси. А потом оказался в лесу.

— Что же получается, Федор Петрович? — задал вопрос Ромашов. — Выходит, мы зря старались.

— Да нет, — улыбнулся Диомидов. — Это, — он показал на бумажку, — это я еще после разговора с Тужилиной прикидывал. Подстраховывался. Теперь, когда вы нашли таксиста, хронометраж просто подкрепляет его показания. Они у вас?

Ромашов подал Диомидову листок. Тот прочитал его и спросил:

— Ну так что будем делать дальше?

— Таксист говорит, — сказал Ромашов, — что он высадил пассажира неподалеку от пригородных касс. В машину тут же сели какие-то курортники. И он уехал. А до отправления ближайшей электрички оставалось как раз десять минут...

— Так, — медленно произнес Диомидов. — Значит, десять минут. В эти минуты на вокзале происходит что-то, что соединяет вора с Ридашевым. И они оба оказываются в лесу. Следов машины вокруг лесной поляны нет. Они приехали на электричке. Когда они выходили на поляну, трость была в руках вора. Ридашев оставался позади. Потом выстрел — и... чудеса... Логичная картина?

— Значит, он все-таки украл трость, — обрадованно сказал Беркутов. — Он украл трость, сел в электричку. Ридашев заметил кражу. Милицию звать он по вполне понятным причинам не стал, а за вором последовал. И, нагнав его в безлюдном месте, покончил дело.

— А вы? — обратился Диомидов к Ромашову. — Согласны?

— Что-то тут не так, — усомнился Ромашов. — Шилов только возвратился из тюрьмы. С какой стати он будет красть удочки? Ведь Ридашев прятал трость в чехле от удочек. Даже если предположить, что вор увидел в чехле трость. Вор не дурак. Нет, я с этой версией не согласен.

— И я, — задумчиво заметил Диомидов.

— Может, они были знакомы? — предположил Ромашов. — Смотрите: приходит поезд. Тужилины и Ридашев проходят с перрона к остановке такси. Вор в это время находится на вокзале. Ридашев его замечает. У него в голове возникает какая-то мысль. Проводив Тужилиных, он возвращается на вокзал, отпускает таксиста, находит вора и предлагает ему поездку в лес. Там он вынимает трость из чехла, вручает ее вору и, пропустив Петьку вперед, стреляет.

— Не больно складно, — сказал Диомидов. — Но при этом становится понятным возвращение Ридашева на вокзал. Он तोпилился и даже не посчитал нужным хотя бы из осторожности сменить такси. Значит, нитку «вор — Ридашев» надо разматывать дальше. Жаль, что у нас нет фотографии сосенского Ридашева. Это бы облегчило дело.

— Есть словесный портрет, — сказал Ромашов. — Кроме того, я видел его и легко могу узнать по описанию.

— Да, — кивнул Диомидов. — Вам будем удобнее. Свяжитесь с МУРом. Они вам помогут установить круг знакомств Шилова. Ну, а ваша задача — аккуратно «выпотрошить» этих знакомых. — Диомидов улыбнулся. — Если будет туго, тут же докладывайте мне. Впрочем... Впрочем, докладывайте мне каждый вечер.

Ромашов поднялся. Беркутов встал было, чтобы идти за ним, но Диомидов остановил его.

— Вы мне еще нужны, — сказал он. — Как дела с Бергсоном?

— А никак, — откликнулся Беркутов. — После той встречи с писателем Ридашевым он, видимо, пребывает в растерянности. Даже звонить из автоматов перестал.

— И вы называете это «никак», — рассердился Диомидов.

Беркутов поспешил поправиться. Он сказал, что не совсем точно выразился. Конечно, тот факт, что Бергсон перестал звонить, настораживает. И конечно, наблюдение за ним усилено...

Диомидов встал из-за стола и заходил по кабинету. Беркутов продолжал говорить, но полковник его уже не слушал. В голову полковнику снова пришла та странная мысль, которая

мучила его еще несколько дней назад, когда Диомидов убедился, что Бергсон таки имеет отношение к беклемишевскому делу. Бергсон, кроме того, назвал писателю Ридашеву фамилию Хенгенау. Рассказ Курта Мейера о похождениях профессора в сельве обретал достоверность. События на Амазонке каким-то образом связывались с делом Беклемишева. И точкой соприкосновения был Бергсон. Но вот каким образом они связывались? Почему Бергсон ринулся вдруг к писателю Ридашеву? Ошибка это или не ошибка? Диомидов склонялся к мысли об ошибке. Генерал советовал не торопиться. Но как тут медлить? «Бергсон выглядит растерянным», — говорит Беркутов. Растеряешься, когда так влипнешь. Чтобы подойти на улице не к тому человеку, надо быть уверенным, что идешь именно к тому. И еще этот глупый вещественный пароль — черная картонка. Несовременно. Очень несовременно... А может, в этом смысл? Но тогда что же выходит? А то, что Бергсон не знает в лицо человека, к которому послан. Да, не знает. Следовательно, он вообще плохо осведомлен о деле, в которое ввязался. Видимо, характер задания такой, что... Или у него два задания. Два... Два... Из двух источников — в один адрес. Черт знает что! Вот дикое предположение. Такого не может быть, если только...

«Если только» и была та странная мысль, которая возникла у Диомидова и которую он, отпустив Беркутова, тут же выложил генералу.

— Решительно, — заметил генерал, выслушав полковника. — Весьма, я бы сказал. — И генерал открыл портсигар. — А вы не подумали, что этим шагом можно пустить все дело под откос? — спросил он.

— Подумал, — улыбнулся Диомидов. — Поэтому и пришел к вам.

— А кому хотите поручить? — поинтересовался генерал, ломая сигарету.

— Сам, — сказал Диомидов.

— Сам, значит, — протянул генерал. — А почему сам?

— Ромашов занят. Беркутов для этой цели не подходит. Недостаточно сообразителен. Можно бы поручить Феокистову. Но ему придется терять время, входить в курс.

— А если я не разрешу проводить этот... эксперимент?

— Будем искать другие пути, — лаконично ответил Диомидов.

— Ловко вы меня, — заметил генерал. — Как Фауст Маргариту. Вас бы в рай. На должность змея-искусителя. А?

— Не гожусь, — засмеялся Диомидов. — Правда, какая-то Ева уже три раза звонила. Интересуется моей персоной и ни с кем не хочет разговаривать. А меня, как на грех, на месте в это время не бывает. После второго звонка заело любопытство, и я попросил в случае третьего уточнить ее телефон.

— Ну и?..

— С таксофона на Центральном телеграфе.

— Вы думаете, тут есть связь с делом?

Диомидов пожал плечами.

Генерал выковырнул спичкой окурок из мундштука и вернул разговор в прежнее русло.

— Меня заинтриговало ваше предложение. Но... Эх, если бы мы были уверены...

— Трудно предугадать все. Ведь мы знаем очень мало.

— Вот именно, — вздохнул генерал. — И неизвестно, будем ли знать больше.

— В случае удачи будем, — уверенно произнес Диомидов.

Генерал ничего не сказал. Но его молчание можно было истолковать как согласие. И полковник стал готовиться к задуманной операции. Суть ее заключалась в том, что Диомидов из пассивного наблюдателя превращался в активного участника игры.

Бухвостов лежал в чистенькой уютной палате. Каждый день его навещали ученые и врачи. Были среди них старые и молодые, бородатые и усатые, бледные и краснощекие, в очках, пенсне и без оных. Ему кололи пальцы, отсасывали капельки

крови в тонкие стеклянные трубочки, надували на руках какие-то резиновые подушки и заглядывали при этом на циферблат большого градусника. Однажды опутали голову проводами и смотрели, как светилось зеленым окошечко черного ящика. В окошечке прыгали змейки. Бухвостов наблюдал игру змеек и поджимал губы, прислушиваясь к разговорам, которые вели в это время окружавшие его люди. Говорили они на непонятном языке. Старика это раздражало. Кроме того, ему надоело лежать в больнице. Чувствовал он себя здоровым. Спал нормально, никаких снов больше не видел. Краска по руке больше не ползла, остановилась у локтя и даже чуточку побледнела. А дома его ждали неубранная картошка и корова, оставленная на попечении соседки. Бухвостов требовал выписки.

— Дом без призора, — ворчал он, когда кто-нибудь из врачей обращался к нему с вопросом о самочувствии. — Корова там. За ней глаз нужен.

Но мольбы и требования старика оставались без ответа. Ему снова кололи пальцы и снова опутывали голову проводами. Молоденькая сестра почти неотлучно сидела около его койки и следила за стариком внимательными жалостливыми глазами.

— Анюта, — бормотал Бухвостов, когда они оставались вдвоем, — шо они, окаянные, со мной делают? Продукт ведь гибнет, скотина пропадает.

— Нельзя, Петр Иванович, — ласково говорила Анюта. — Вы уж потерпите. Вы сейчас представляете интерес для науки. — Дура, — сердился старик и отворачивался к стене.

Анюта вздыхала, оправляла одеяло и раскрывала книжку. К характеру Бухвостова она притерпелась и относилась к высказываниям в свой адрес равнодушно. Интересы науки, по мнению Анюты, стояли выше ругани вздорного старика.

Так было и сегодня. Отпустив нелестное замечание по поводу Анютиних умственных способностей, Бухвостов повернулся на бок и замолчал. В палате воцарилась тишина, прерываемая лишь шелестом страниц да сопением старика. Анюта знала, что примерно через полчаса Бухвостов усядется на кровати и нач-

нет шептать молитву и креститься. Молился он ежедневно: утром, после обеда и вечером. Слова были обычные. Старик просил бога посодействовать ему с выпиской, жаловался на то, что дома пропадает огород, умолял бога позаботиться о том, чтобы всем врагам рода человеческого было воздано по заслугам, а ему, Бухвостову, вышло бы снисхождение.

— И что это вы, Петр Иванович, все прощения просите? — любопытствовала Анюта.

Старик не устаивал ее ответом. Ложился на спину и просветленным взглядом изучал потолок. Анюта фыркала и утыкалась в книжку.

Но сегодня на Бухвостова что-то накатило. Может быть, виной этому была осточертевшая палатная тишина, может, еще что-нибудь, только Бухвостов, к изумлению Анюты, вдруг ответил на ее вопрос.

— Ты, Нюрка, дура, — сказал он, поправляя выбившийся из-под больничной пижамы нательный крестик.

— Это я уже слышала, Петр Иванович, — заметила Анюта. — Вы бы что-нибудь поновее придумали.

— Видение мне было окаянное, — не слушая ее, сказал Бухвостов. — Баба рыжая и ликом будто похожая на кого-то из сродственников. Я вот и смекаю... — Старик замолчал, опасливо огляделся и шепотом закончил:

— Не к добру, Нюрка, это.

— Что вы, Петр Иванович, — засмеялась Анюта. — Взрослый человек, а такой суеверный.

— Я вот лежал, Нюрка, и думал, — продолжал Бухвостов, обращаясь словно бы не к Анюте, а к самому себе. — Лежал и думал. Матка моя говорила, что у нас в роду цыганка была. Прадед мой ее из табора украл. Оженился. Дети пошли. А потом, значит, в деревне прознали, что ведьма она. Железо у нее к рукам прилипало. Возьмет, значит, она иголку, а шить не может. Путается иголка в пальцах, будто приклеенная. Из-за нее, богомерзкой, на наш род епитимья наложена. Грех, значит, чтобы прадедов отмаливать.

— Ой, как интересно! — округлила глаза Анюта. — А еще что было, Петр Иванович?

— Рыжая она была, Нюрка. Цыганка, а рыжая. С чего бы это, не знаю. Только вот как на духу тебе говорю: приходила она, проклятая, ко мне. В видении, значит... Ох, прости мои прегрешения, господи! Убери окаянство поганое, — забормотал старик. — Век тебе этого не забуду...

Минут пять Бухвостов размашисто крестился, бормоча все известные ему молитвы. Потом наклонился к Анюте и горячо зашептал:

— Ты, Нюрка, молчи. Не велено про то никому говорить, кроме бога, да не сдюжил я. Тошно мне стало. Наказал меня господь за непотребство... А-а-а! — вдруг протяжно завопил он. — Опять... Опять! Дьявола вижу! Нюрка, Нюрка! Гони окаяного!

«Он сошел с ума», — испугалась Анюта. Старик сидел на койке, запрокинув голову, уставясь остекленевшими глазами мимо Анюты, в окно, где качали голыми ветками верхушки деревьев. Он продолжал что-то говорить, но Анюта уже не понимала слов. Она изо всей силы давила кнопку вызова дежурного врача. Она слышала, как где-то внизу заливались звонки, понимала, что делает глупость, но не могла остановиться и все нажимала на кнопку, думая только о том, чтобы кто-нибудь поскорей пришел в палату...

В тот момент, когда дежурный врач встал на пороге, Бухвостов прыгал вокруг помертвевшей Анны и ругал ее за то, что она не может отогнать дьявола, явившегося ему в образе огромной кошки с человеческими руками. Площадная брань летела из его рта в причудливой смеси с цитатами из требника.

— И смех и грех, — пробормотал врач, когда два дюжих санитаря, появившиеся из-за его спины, уложили мечущегося Бухвостова на койку. — И смех и грех, — произнес он еще раз, надавливая на поршеньек шприца, наполненного сильнодействующим снотворным.

— А цыганка была рыжей, — сказал Лагутин в заключение и обвел лукавым взглядом всех сидевших за столом. Академик сердито сверкнул очками и принялся размешивать остывший чай. Пышнотелая блондинка с подведенными глазами зевнула и сказала:

— Я никогда не видела рыжих цыганок.

— Это еще ничего не значит, — заметил художник Винников, катая вилкой по тарелке маринованный грибок. Его холерное длинное лицо не выразило при этом никаких чувств. Однако Маша тихонько фыркнула.

Академик, побренчав ложечкой, спросил:

— А что, собственно, уважаемый Иван Прокофьевич, вы, гм-м... имели в виду, когда... гм-м... сообщали нам эту любопытную сказочку?

— Ничего особенного, — откликнулся Лагутин. — Так, вместо застольного анекдота.

Он только что возвратился из клиники, где лежал Бухвостов. Происшествие со стариком и рассказ Анюты о рыжей цыганке, притягивавшей железные предметы, обсуждались там на все лады. Узнав, что Бухвостов будет спать еще долго, Лагутин заторопился к Маше. В гостиной у академика он застал самое разношерстное общество. Маша давно говорила ему, что круг знакомых академика похож на снежный ком, катящийся с горы. Он втягивает в себя все больше людей. И теперь уже сам Кривоколенов не в состоянии разобраться, кто кого привел к нему в дом и кто кому кем приходится. У академика был неистребимый интерес к новым людям... Кто-то в шутку сказал однажды, что Кривоколенов к людям относится, как к элементарным частицам: открыл, зафиксировал — и в каталог. Он любил общество и сам, почти нигде не бывая, часто принимал гостей. За столом у Кривоколенова по субботам можно было встретить и редакторов его монографий, и художников, и музыкантов. Пышная блондинка, сидевшая напротив Лагутина, была учительницей истории.

— Между прочим, — сказал Лагутин академику, — клиника, в

которой лежит Бухвостов, находится близко от нашего института.

— Это что же значит? — спросил Кривоколенов.

— Да кто его знает. Памятрон был включен именно в те часы, когда Бухвостов увидел черта.

Академик зевнул. Пышная дама, сообщившая о том, что она никогда не видела рыжих цыганок, вдруг ни с того ни с сего накинулась на фантастику.

— Нет, вы послушайте только, — горячо заговорила она. — Молодежь становится просто невозможной. Мой сын, понимаете, мой сын, покупает только фантастику. Это ужасно. Я выросла на романах Тургенева.. Какая прелесть! Тишина. Елена и Инсаров... Рудин...

— И Базаров, — бросил Лагутин.

Дама сердито отмахнулась.

— Тургенев не любил этого лягушатника. Он его создал, чтобы посмеяться... Да, да... А теперь сын приносит только приключенческие книжки... О чем же в них пишут?.. Там печатают такие статьи!.. Представляете мой ужас? Я учу детей, я говорю им: дети, наука установила, что человек произошел от обезьяны. Она взяла в руки, простите, в лапы, камень и палку и стала трудиться. Труд превратил обезьяну сначала в питекантропа, а потом в Homo sapiens. А тут я читаю научную статью. О чем? О том, что на Земле жили люди высотой в четыре метра. И мой сын, представляете, мой сын, задает мне вопрос: «Мама, а почему ты никогда не говорила об этом?» Бедные дети...

— Бедные дети, — фальшиво вздохнул Лагутин.

Маша кинула на него лукавый взгляд и незаметно погрозила пальцем. Винников улыбнулся и, подцепив грибок, отправил его в рот. Кривоколенов пожевал губами и блеснул очками в сторону дамы.

— Гм-м, — промычал он. — А скажите-ка, любезнейшая Мария Дмитриевна, почему вы решили, что статья... э... научная?

— Ссылки, — сказала дама. — Там много ссылок на факты и источники. Разве я могла думать, что есть такие факты?

— Насчет фактов, — заметил академик, — это правильно. Факты иной раз ставят в тупик. Особенно людей неосведомленных... И легковверных.

— Вот, вот, — подхватила дама. — Оказывается, найдены скелеты этих великанов. И мы не знаем...

— Знаем, — перебил Лагутин. — Только палеонтологи пока еще спорят: была на Земле раса великанов или это просто гипертрофированные индивидуумы.

— А я учу детей, — снова возмутилась дама. — А детям подсовывают эти статьи. Да, да... Их надо призвать... Наука не может...

— Науку лучше не трогать, — сказал академик, обращаясь, впрочем, не к даме, а к Лагутину.

Он давно понял, что молодой психофизиолог ведет с ним спор. И даже не спор. Просто подбрасывает пробные камешки, испытывает прочность скептицизма академика. Но неужели он серьезно думает обо всей этой чепухе и усматривает какую-то дикуую связь между памятроном и галлюцинациями Бухвостова? С этим академик не мог согласиться. И он сказал:

— Науку одним скелетом не свернешь.

— А если их тысячи, этих скелетов? — тихо спросил Лагутин. — Что тогда делать науке? Их ведь не спрячешь. И они настолько велики, что, извиняюсь, в узкую калитку палеонтологии не влезают. Места им в официальной теории не отведено. Как поступать?

Пышная дама испуганно покосилась на Лагутина. Она сообщила, что начатый ею разговор неожиданно перешел в другую плоскость и стал приобретать некий, по ее мнению, нездоровый оттенок. Она решила срочно поправить дело и примирительно заметила:

— Ради бога, товарищи... Неужели?.. Вы же серьезные люди. И так спорить из-за какой-то цыганской Лорелеи.

— Именно, уважаемая Мария Дмитриевна, — поддержал ее Кривоколенов. — Именно из-за Лорелеи. Цыганские методы науке противопоказаны. Да-с, драгоценнейшая, вы совершенно

правы. Если бы меня за руку подвели к этой цыганке и она стала бы на моих глазах демонстрировать свои, гм-м... магнитные свойства, то я бы не поверил...

Академик хотел еще что-то сказать, но махнул рукой и не докончил фразу. Он вдруг вспомнил яму в лесу, таинственные глаза на черной вогнутой поверхности. Вспомнил и замолчал.

Потому что бывают минуты, когда даже академикам нечего сказать.

Глава третья

ПАМЯТРОН ПОКАЗЫВАЕТ ЗУБЫ

В лаборатории стояла тишина, прерываемая только мерными щелчками капель по раковине умывальника. Маша подумала, что надо бы позвать слесаря. Этот умывальник, работающий как метроном, мешал сосредоточиться. Лагутин ушел в клинику к странному старику с фиолетовой рукой. Маше он рассказал историю Бухвостова.

— Что же это? — удивилась она.

— Пока ничего нельзя сказать, — пожал плечами Лагутин. — Все зыбко и неопределенно.

— Но тебя что-то волнует. Я вижу.

— Не могу сформулировать мысль, — Лагутин потер рукой лоб. — Но мне кажется, что нам с тобой повезло. Между нашими исследованиями и этим стариком просматривается некая связь. Едва уловимая, туманная. Не хватает многих звеньев. Совершенно непонятно, например, какой фактор вызвал у Бухвостова галлюцинации там, в Сосенске. Почему они прекратились в Москве? Почему его рука приобрела фиолетовую окраску? Словом, сто тысяч почему плюс золотоволосая цыганка.

Умывальник-метроном продолжал отсчитывать секунды. Маша встала, покрутила кран и, ничего не добившись, рассердилась. Вернулась было снова к записям в журнале наблюдений, но поймала себя на том, что прислушивается к звону капель

из умывальника, надоедливо продолжавшего свою унылую работу. Маше показалось, что если она не найдет способа заткнуть кран, то бросит все и уйдет. И способ тут же нашелся. Девушка оторвала кусок бинта и повесила ленточку на кран. Щелчки прекратились. Маша порадовалась своей догадливости, погрозила умывальнику кулаком и села за журнал. Но и это занятие ей быстро надоело. Без Лагутина было скучно. Работа не клеилась, да и результаты опытов пока не вдохновляли на поиски. Кроме того, Лагутин просил ее не включать прибор. Он сказал, что этот памятрон — штука опасная. Можно ненароком попасть под жесткое излучение. Как будто Маша сама не знала этого. Не такая она дура, чтобы лезть за экран из свинцового стекла.

Тихо. Весь институт словно вымер. Даже по коридору никто не ходит. Маша взглянула на часы. Ну да. День кончился, а она и не заметила. Сейчас она запрет лабораторию и пойдет домой. Лагутин придет часа через два. Надо зайти к завхозу, сказать насчет слесаря. Надо забежать в магазин и купить чего-нибудь к чаю. Но где же ключ? Вечно она засунет его в такое место, что и не найдешь сразу. В сумке нет. В плаще тоже. Где же он? Маша остановилась посреди комнаты и постаралась вспомнить. Взгляд упал на столик в углу. Ключ лежал там. Маша быстро пересекла комнату, взяла ключ, вышла в коридор и стала торопливо запирать дверь. В это время ей послышалось тихое гудение.

— Этого еще не хватало, — пробормотала она и вернулась в лабораторию. Ну да. Пробираясь за ключом по кратчайшему пути между шкафом и большим столом, она, видимо, задела локтем за тумблер на пульте памятрона. Прибор включился. Она машинально взглянула на шкалу частот. В таком режиме прибор еще не работал. Маша ужаснулась еще больше, когда увидела, что экран медленно пополз вверх. «Как крысу», — подумала она и кинулась к пульту. Но прибор не выключался. Маша ударила по щиту кулаком и бросилась к механизму спуска экрана. Но тщетно она давила кнопку. Экран не опускался.

Тогда Маша обеими руками схватилась за рычаг ручного управления и всем телом повисла на нем. Экран даже не пошевелился.

Дрожа от возбуждения, Маша в отчаянии опустила на стул и вытерла вспотевший лоб платком. И вдруг явственно ощутила, что в лаборатории она не одна. Ей показалось, что кто-то стоит сзади и внимательно смотрит ей в затылок. Девушка вздрогнула и оглянулась. В комнате никого не было. Тишину нарушало лишь тихое и, как показалось Маше, угрожающее гудение памятрона. «Надо как-то его выключить», — подумала она, но не сдвинулась с места. Ею вдруг овладело странное безразличие к окружающему. Она знала, что ей надо встать, подойти к пульту и выключить непослушный прибор. Но кто-то стоявший у нее за спиной мешал ей сделать это. Он положил ей на голову теплую руку и не позволил подняться. А из угла лаборатории вышла маленькая девочка. И лаборатории не стало. Был только луг, на котором росли голубенькие цветы. Девочка собирала их в букет и пела песенку. Маше стало смешно. Откуда здесь могли взяться цветы? Здесь только крысы.

Маша поманила девочку. Та засмеялась, бантик в ее волосах запрыгал. Маша протянула руку: ей захотелось потрогать бантик. Девочка отодвинулась и сказала:

— Что вы делаете, тетя?

— Я здесь работаю, глупенькая, — сказала Маша, — Я, наверное, заснула, и ты мне снишься. Сейчас я проснусь, и тебя не будет. А сюда придет дядя Иван Прокофьевич и выключит эту страшную штуку. Она так противно гудит. А пока я сплю, ты можешь со мной поговорить. Как тебя звать?

— Маша, — сказала девочка.

И тут Маша настоящая поняла, что видит себя. Да, это она. Это ее платье, то самое, которое ей купили накануне дня рождения десять лет назад. И туфельки ее. На носке правой явственно видна царапина. И луг этот она вспомнила. Они тогда жили на даче. Что же это за сон такой?

— А как вас зовут, тетя? — спросила девочка. — И почему вы сидите за стеклом?

— Я не вижу никакого стекла, — сказала Маша. — С чего ты взяла, что тут стекло?

— Правда, тетя. Вы сидите на стуле за стеклом. Как в магазине. Я даже подумала, что здесь построили новый магазин и посадили в него большую куклу.

— Сейчас я его выключу, — прошептала Маша, с трудом поднялась и шагнула по направлению к пульту. Луг с цветами и девочка закачались, перевернулись и исчезли. Но зато в лаборатории оказалась еще одна Маша. Она стояла около умывальника, привязывала к крану белую марлевую ленточку и бормотала:

— Сейчас я тебе заткну ротик.

— Сейчас я проснусь, — приказала себе Маша настоящая и услышала, что кто-то вставляет ключ в замочную скважину. Дверь открылась, и на пороге возникла третья Маша. На лице ее написана растерянность. Она окинула взглядом комнату и быстро подошла к пульту памятрона. Ее рука коснулась тумблера.

Маше настоящей стало страшно, она выскочила в коридор, захлопнула дверь и, тяжело дыша, прижалась к ней всем телом. В комнате было тихо. Маша перевела дыхание.

В голове неотвязно вертелась мысль, что надо обязательно выключить памятрон. Обязательно... Иначе произойдет что-то такое... Но додумать ей не удалось... Взгляд ее упал на коробку с предохранительными пробками, висящую в конце коридора. Быстрее!.. Там, кажется, есть рубильник, можно выключить весь этаж... Быстрее... Раз!.. Звенит стекло... Ничего, что рука в крови... Два... Свет в коридоре гаснет...

Когда на следующее утро Маша привела Лагутина к лаборатории, они с удивлением обнаружили, что дверь заперта. Но самое странное заключалось не в этом. Ключ, это было видно в замочную скважину, торчал изнутри...

— Ты же не могла проскочить через закрытую дверь, — сказал Лагутин.

Маша кивнула.

— Допустим, что тебе все это приснилось, — продолжал он. — Допустим, что ты испугалась и без памяти выбежала из лаборатории. Хлопнула дверь. Ключ повернулся.

— Не мог он повернуться сам, — тряхнула головой Маша. — Это исключено. Замок страшно тугой. Я с трудом запираю дверь.

— Тогда что же?

— Памятрон, — сказала Маша.

— Ты понимаешь, что говоришь?

— Да, — сказала Маша. — Я их ощущала. Они были живые. Мне до сих пор страшно.

Она повела плечами. Лагутин пробормотал:

— Положеньице. Ты никому не рассказывала?

— Только тебе. Пусть думают, что я полезла менять перегоревший предохранитель и нечаянно разбила стекло.

— Это хорошо, — заметил Лагутин. — Ты у меня молодец. Но в лабораторию ты одна больше не пойдешь.

— То есть как? — удивилась Маша.

— А так вот. Не пойдешь — и все. Достаточно одной ошибки.

— Это все умывальник, — жалобно сказала Маша. — Он так нудно капал.

— Вот, вот, — усмехнулся Лагутин. — Цепь причин и следствий, приведших к гениальному открытию. А ведь все могло быть иначе. Щелчок тумблера. Экран открыт. И...

— Не надо, — Маша передернула плечами. — Все хорошо, что хорошо кончается.

— Ты считаешь, что все хорошо кончилось?

— А как же? И пора бы уже перестать читать мне мораль. Не уподобляйся испорченному умывальнику. Это действует на нервы и мешает думать.

— О чем же ты думаешь?

— О том, что все это страшно интересно. Знаешь, что я думаю. Мы зря возились с крысами. Это поле действует только на человека. Совершенно случайно мы вторглись в такие области, где каждый шаг сулит столько замечательных открытий.

— Пока я открыл только дверь. Да и то с помощью перочинного ножа, — заметил Лагутин недовольно.

Маша нахмурилась.

— Ты не веришь? — спросила она.

— Поставь себя на мое место. Ты бы могла поверить? Одно дело галлюцинации. И совсем другое — это происшествие. Не может же наше «поле памяти» материализовать галлюцинации. Это вообще черт знает что. Тут я готов встать на точку зрения твоего папы.

— Ты не веришь, — задумчиво произнесла Маша. — Но ведь ты идешь против фактов.

— Факты? — Лагутин потер подбородок. — Есть только один факт. Это ключ. Все остальное можно объяснить. Ты заснула. Увидела сон. Испугалась, наконец. Вот только эта проклятая дверь.

— Да, да, — подхватила Маша. — И наш памятрон, который выключился только потому, что я разбила коробку с предохранителями. И режим частот, в котором мы еще не работали. В конце концов можно повторить опыт...

— В конце концов, — рассердился Лагутин, — я должен сначала поговорить с умным криминалистом. Надо еще понять, почему одновременно отказали реле защиты и ручное управление экраном. Почему экран оказался поднятым. Почему все испортилось в один день. Кстати, ты когда пришла вчера в лабораторию?

— В половине одиннадцатого. Я немного запоздала.

— А накануне вечером экран был опущен. Сам он, как ты знаешь, подняться не мог.

— Ты думаешь, что в лаборатории кто-то был? Что кто-то поднял экран, а я этого не заметила?

— Согласись, что все это крайне странно выглядит.

Через полчаса после этого разговора Лагутин сидел в кабинете директора института, а еще через четверть часа приехал следователь. Плотный мужчина в сером костюме показался Лагутину знакомым. Где же он видел это широкое улыбочное лицо? Не в клинике ли? Правильно. Они еще обменялись тогда двумя фразами о Бухвостове. Но кто-то помешал продолжить разговор.

— Диомидов, — сказал пришедший, протягивая руку по очереди всем трем. — Федор Петрович. Мне сообщили, что у вас возникли затруднения? — Он улыбнулся Лагутину как старому знакомому и сказал: — Вот мы и снова встретились. Я, между прочим, давно хочу с вами побеседовать.

— Да, — вмешался директор. Ему еще никогда не приходилось отвечать на вопросы следователей. Он был смущен и растерян. Ему очень не нравилось все это. — Да. Я, видите ли, сам только что введен... Вот Иван Прокофьевич, — он взглянул на Лагутина, — словом, Иван Прокофьевич полагает необходимым посвятить вас в некоторые сомнения, возникшие в результате одного рискованного эксперимента.

Получалось длинно и витиевато. Директор рассердился на то, что не сумел гладко выразить свою мысль. Но он никак не мог справиться с волнением и говорил не то, что надо.

— Случайного эксперимента, — продолжил он, — который провела в отсутствие Ивана Прокофьевича его помощница Мария Кривоколенова.

— Дочь академика? — уточнил Диомидов.

— Да, — сказал директор. — Но это не имеет значения. Я хочу сказать, что личность неопытного экспериментатора...

Он опять говорил не то, что нужно. Лагутин решил помочь ему и стал подробно рассказывать о вчерашнем происшествии.

Директор слушал его вполуха. Ему почему-то вдруг вспомнились слова Тужилина, который протестовал против постройки памятника; называл тему Лагутина бредом и, кажется, предупреждал, что эта затея кончится плохо. Если бы не секретарь парткома, горячо поддержавший Лагутина, то, пожалуй,

ему, директору, не пришлось бы сегодня краснеть, как мальчишке.

— Дверь оказалась запертой изнутри, — закончил Лагутин.

— Простите, — сказал Диомидов. — Я хотел бы узнать, как вы расцениваете результат... Точнее, насколько реально то, что случилось с вашей сотрудницей?

— Я склонен считать это галлюцинацией, — задумчиво произнес Лагутин. — Сильное нервное потрясение, которое Маша испытала, выключая неисправный прибор, вполне могло послужить толчком. Возникло запредельное торможение. Правда, тут есть одно «но»...

— Что же? — любопытствовал Диомидов.

— Памятрон, — сказал Лагутин. — Мы экспериментировали с крысами. Целью была, выражаясь популярно, попытка проникнуть в механизм наследственной памяти. Мы уточняли режим работы прибора. Потому что он, понимаете, только расплавлял клетки. А нам надо было...

Лагутин замолчал. Диомидов с интересом смотрел на него, ожидая продолжения.

— В общем, это очень сложно, — сказал наконец ученый. — Вопрос в другом. Крысы погибали в ста случаях из ста. Понимаете?

— Так, — кивнул Диомидов. — Вы хотите сказать, что, возможно, прибор не был включен в то время, когда ваша сотрудница находилась в лаборатории?

— Не знаю, — сказал Лагутин. — Может быть, вам лучше осмотреть все на месте?

— Разрешите? — Диомидов протянул руку к телефону. — Сейчас я попрошу приехать экспертов, — пояснил он, набирая номер. — Это займет немного времени. Я имею в виду время ожидания...

В подвальный этаж они спускались уже всемером. Лагутин думал, что эксперты тут же, на месте, дадут необходимые пояснения. Но ошибся. А из малопонятных фраз, которыми они

обменивались с Диомидовым во время осмотра лаборатории, вообще нельзя было сделать каких-либо выводов.

Когда все возвращались обратно, Лагутин прикоснулся к рукаву Диомидова. Тот улыбнулся.

— Нет, — ответил он на немой вопрос. — Еще рано. Надо обработать данные.

— Но что-то, — настаивал Лагутин, — что-то вы уже можете сказать?

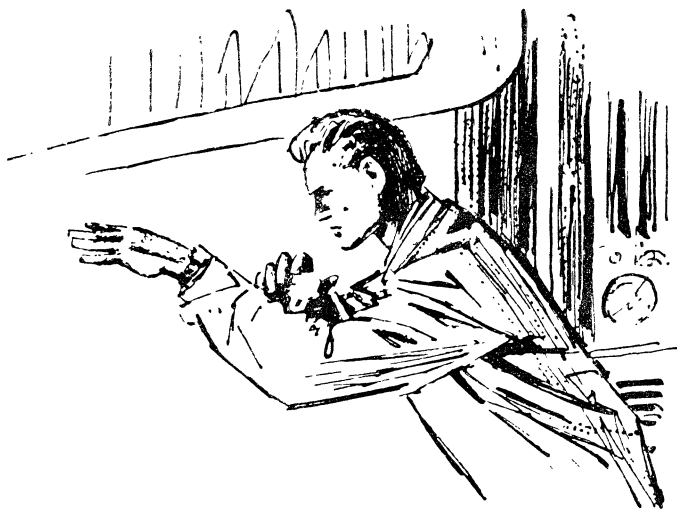
— У вас устаревшие представления о криминалистике, — усмехнулся Диомидов. — Дедуктивные методы канули в Лету. Гениальных следователей-одиночек заменили лаборатории, в которых работают научные сотрудники в белых халатах. К концу дня, возможно, что-нибудь прояснится... Тогда мы поговорим подробнее. У меня к вам тоже есть ряд вопросов.

Вечером Диомидов снова приехал в институт. Директор, секретарь парткома и Лагутин встретили его в том же кабинете. Они ожидали услышать что угодно, только не то, что сказал им Диомидов. Говорил он долго, рассказал и о Беклемишеве, и о странной тросточке, и о дневниках самодеятельного путешественника.

— Вам надо их почитать, — закончил он.

Все кружилось, вертелось, проваливалось и летело вверх тормашками. Мысли сталкивались, как бильярдные шары, и со стуком отскакивали в разные стороны. «Опыт можно повторить», — говорила Маша. А крысы погибают в ста случаях из ста. Сто на сто. Сто на сто — клетки расплавляются, и конец. А может быть, начало? «Пылкость и приверженность ваша...» Кто это говорил? Академик? Почему академики не верят в рыжих цыганок, притягивающих гвозди? Потому что это противостоит естественности? А что естественно?

Лагутин ходил по комнате. Давно надо было лечь спать, но мысли гнали сон. В пепельнице уже выросла порядочная горка окурков, а он все никак не мог поймать что-то главное, нужное. Оно затерялось в потоке второстепенных, незначительных подробностей и все время ускользало.

Гениальное открытие или чудовищная ошибка? Привидения, материализованный бред, в котором есть некая система? Что же такое этот памятрон? «Опыт можно повторить». Дурочка, кто же согласится на повторение? Сто на сто. И неизвестность.

Повторить? Зачем? Ведь если даже допустить, что все это было, то объяснить никак нельзя. Академики не верят в цыганок, притягивающих гвозди. Не верят — и точка. А сам Лагутин верит? «Галлюцинация», — сказал он Диомидову. Этотследователь, кажется, умный человек. Это он раскопал где-то в провинции старика с лиловой рукой. Странно: лиловые обезьяны, лиловая рука Бухвостова, сны наяву, памятрон, галлюцинации Маши. Во всей этой цепи есть только одно связующее звено — необъяснимость.

А может, рискнуть? Убедиться самому и тогда думать.

С этой мыслью Лагутин лег спать. С ней и проснулся. Не то-ропясь побрился, выпил чашку кофе и медленно пошел в институт...

— Пылкие и приверженные, — пробормотал он, поднимая защитный экран. — Значит, так. Надо соблюсти условия. Стул был здесь. Она сидела на нем. Сядем и мы. Но сначала включим эту штучку. Так.

Щелкнуло реле. Памятрон загудел. Лагутин уселся на стул и постарался ни о чем не думать, особенно о том, что происходит сейчас в пяти метрах от него, в камере памятрона, превращающего крыс в бесформенные куски мяса. В ста случаях из ста.

— Сто на сто — будет десять тысяч, — бормотал он. — Любопытно бы поглядеть сейчас на лицо директора. Две минуты. Пока со мной ничего не произошло. Маша была права. Памятрон не кусается. Три минуты. Это уже должно бы начаться.

Он смотрел на пульт памятрона, занимающий половину стены. Мягко пульсировали сиреневые огоньки индикаторов. Кровавым светом пылала лампочка счетчика в правом верхнем углу. Стрелка качалась на цифре «полторы тысячи». Полторы тысячи рентген. Этого достаточно не только для какой-то крысы. Но в чем же дело?

Лагутин поднялся, открыл ящик стола и достал карманный дозиметр. Прибор молчал. Он подошел вплотную к открытому смотровому окну, держа дозиметр в вытянутой руке. Ни одного щелчка. Странно! Осторожно, словно пытаясь погладить незнакомую собаку, протянул руку к камере. И чертыхнулся. Прибор уткнулся во что-то невидимое. Словно какая-то шторка задерживала смотровое окно.

— Вот оно что, — буркнул Лагутин, хотя и не понял, что же это такое возникло вдруг перед ним. Ясно было одно. Это «что-то» наглухо экранировало памятрон. Осмелев, Лагутин

прикоснулся к невидимой поверхности. Она была ни теплой, ни холодной.

— Вот оно что, — снова произнес Лагутин и взглянул на часы. Половина десятого. В десять придет Маша. Он нарочно пришел сюда пораньше, чтобы без помех проверить свои сомнения. Еще полчаса. За это время можно провести еще один эксперимент. Потому что кое о чем он стал догадываться.

— Так, — сказал он себе. — А ну-ка...

И щелкнул тумблером. Гудение памятрона не прекратилось.

— Так, — удовлетворенно произнес он и, уже зная, что произойдет, включил механизм спуска экрана. Реле не сработало. Он потянул за рычаг ручного управления. Никакого результата.

Открывая дверь лаборатории, Лагутин усмехнулся странной мысли, мелькнувшей вдруг у него, и на всякий случай подставил к двери стул, чтобы не закрылась. Сам быстро вышел в коридор, подбежал к рубильнику и повернул его вниз. Торопливо вернулся в лабораторию. Памятрон уже не гудел. А защитный экран медленно полз вниз.

— Ловко, — хмыкнул ученый. — Значит, эта штука перекрывает не только окно.

Он подождал, пока защитный экран плотно сел в гнездо, вернулся в коридор и врубил напряжение. Потом включил памятрон и стал терпеливо ждать, что из этого получится.

На второй минуте экран пополз вверх. Какая-то неведомая сила тащила двухтонную махину, пока не подняла до упора.

«Ползет, как тесто из квашни», — подумал Лагутин.

Итак, одна загадка разрешена. Накапливаясь в камере, это «что-то» просто выдавливало экран. И он поднимался. Но почему оно выводило из строя пульт управления? Он же расположен в стороне от камеры. Да, «поле памяти». Как он мог о нем забыть? В таком режиме прибор еще не работал. Поле? Усиленное в десятки тысяч раз поле. И Маша в нем. Но почему только Маша? Почему с ним ничего не происходит? Что это за избирательность такая?

Дальше Лагутину не пришлось додумать. Ухо уловило подозрительный треск. Краем глаза он увидел, что бетонная стена камеры начала дрожать, с нее посыпалась штукатурка.

«Лопнет!» — с ужасом подумал он и бросился в коридор, чтобы выключить памятрон...

Пришедшая через несколько минут Маша застала Лагутина сидящим на корточках возле стены, отделяющей лабораторию от камеры памятрона. Он глубокомысленно рассматривал трещину, наискосок перерезавшую стену.

Она сразу все поняла.

— Ты? — сказала она.

Лагутин кивнул. Говорить было нечего. Трещина в стене говорила сама за себя.

— Ты видел? — спросила она.

— Нет, — откликнулся Лагутин. — Я ничего не видел. Знаю только, что наше поле действует избирательно. Знаю также, почему экран был тогда поднят.

— Почему? — спросила Маша.

— Тебе здорово повезло. Еще несколько минут, и здесь все бы полетело к черту. Но я ничего не видел. А оно ползет, как тесто. И еще. Слушай, ты красишь волосы или это естественный цвет?

— Естественный, — сказала Маша обиженно. — Пора бы знать... Но к чему это?

— Да, да, — откликнулся Лагутин. — Мне пора бы это знать.

— Ну-ка, выкладывай, — потребовала Маша.

Лагутин потер лоб.

— Понимаешь, — сказал он проникновенно, — может, именно в этом и дело.

— В чем? — спросила Маша. — В рыжих волосах?

— Представь себе, я еще не знаю, — сказал Лагутин. — Хотя пищи для размышлений у нас теперь вагон и маленькая тележка.

КАРТЫ НА СТОЛ

Бергсон зашел в кафе, где любил ужинать. Здесь не было так шумно, как в ресторане напротив. Здесь можно было подумать. Крайне необходимо. Он до сих пор не мог опомниться. Неужели босс ошибся и выпустил его не на того человека? Но этого же не может быть. «Хенгенау мертв, — было сказано в директиве босса. — Выходите на связь с человеком по имени Ридашев». Дальше сообщались координаты Ридашева, какой-то идиотский вещественный пароль и условные слова. Затем приказ: взять у Ридашева то, что было предназначено для Хенгенау. А этот Ридашев послал Бергсона к черту. И, судя по всему, он понятия не имел ни о боссе, ни о Хенгенау. Бергсон кожей чувствовал, что получилась какая-то непоправимая глупость. Или босс, перестав ему доверять, решил устроить эту шутку, чтобы насолить и ему и Хенгенау. Но зачем облекать это в такую странную форму? Нет, не может быть. И все-таки... И Бергсон впервые подумал, что совершил глупость, скрыв поручение Хенгенау от людей босса.

В кафе было необычно много посетителей. В другое время Бергсон отметил бы этот факт. Но сейчас, погруженный в мрачные размышления о своей судьбе, он только обрадовался, увидев, что за столиком на двоих у окна, за которым он обычно сидел, есть свободное место. Какой-то плотный человек, вероятно, кончал ужинать. Отодвинув в сторону чашку дымящегося кофе, он просматривал немецкую газету.

Бергсон жестом спросил разрешения присесть. Плотный человек кивнул и уткнулся в газету. Бергсон развернул меню и вдруг ощутил на себе пристальный взгляд. Он поднял глаза. Человек откровенно рассматривал его, насмешливо улыбаясь при этом. Бергсону стало не по себе.

— За вами следит Чека, — сказал человек по-немецки.

Бергсон не ответил. Он лихорадочно соображал, кто бы это

мог быть? Чекист? Недаром Бергсон все эти дни ощущал за собой слежку. Провокация? Но почему надо начинать провокацию с такого странного предупреждения? А что, если этот человек от Хенгенау? Тот самый. Ведь Хенгенау говорил, что тот человек не продается. Старик, помнится, подчеркивал это обстоятельство. Вполне возможно, что он отказался от игры с боссом и счел нужным встретиться с Бергсоном. Или прислал кого-нибудь? Но тогда какого дьявола он не называет номер телефона?

— Вы что, оглохли, Бергсон? — спросил человек.

«Провокация», — решил Бергсон. Ну что ж, ему бояться нечего. Он на легальном положении. Пусть хоть все агенты Чека соберутся здесь.

— Вы ошибаетесь, — сказал он спокойно. — Моя фамилия Фернандес.

— Да? — человек сделал удивленное лицо. А глаза его по-прежнему смеялись. — Вот как, Фернандес! Вы приняли испанское подданство? Тогда вам надо бы заодно отрезать свои уши. У вас запоминающиеся уши, Бергсон. Я бы поручился, что других таких нет ни у кого в мире.

Бергсон отодвинул стул, пытаясь встать. Но в этот момент к столику подошла официантка. И он передумал. В конце концов он еще успеет разыграть оскорбленную невинность. Он сделал заказ и отпустил официантку.

— Правильно, — одобрил человек. — Опрометчивые решения никогда не приносят ожидаемых результатов. Разве старик не говорил вам об этом?

— Послушайте, — Бергсон прищурился. — Поищите собеседников в другом месте. Я не расположен заводить знакомства в чужой стране да еще таким странным способом. Если вам не нравятся мои уши, пересядьте за другой столик. Или я буду вынужден позвать милиционера.

— Позовите, — флегматично буркнул незнакомец и отхлебнул кофе. — Только должен заметить, — сказал он неторопливо, — вы чуть-чуть запоздали. Вам следовало разыграть бла-

городное негодование на тридцать секунд раньше. И делать это полагается без предупреждения. Стареем, Бергсон? Или на вас подействовало недавнее происшествие? Вы не подумали, что босс мог ошибиться, что в Москве могут оказаться два Ридашева.

«И это он знает, — мелькнуло в голове Бергсона. — Если он чекист, то дело зашло очень далеко. Так далеко, что сейчас невозможно предусмотреть все последствия. Неужели босс дал неверный адрес? Вот впутался в историю. Конечно, Чека ничего со мной не сделает. Но босс? Эта жирная свинья сорвет на мне все зло за провал. Недаром так не хотелось связываться с поручением Хенгенау. Двадцать процентов. Польстился на двадцать процентов, а теперь того и гляди потеряешь штаны. Ну, а если это не чекист? Если это человек Хенгенау?»

— Проваливайте-ка вы отсюда к дьяволу, — сказал Бергсон вслух.

— Между прочим, — миролюбиво заметил незнакомец, — Чека за вами давно следит...

— Я не занимаюсь антисоветской пропагандой. Подрывных листовок не разбрасываю. Сектантов не вербую. Стратегическими объектами не интересуюсь. Для Чека я — ничто.

— Так, — удовлетворенно произнес незнакомец. — Вот видите, Бергсон, мы с вами уже достигли кое-какого прогресса во взаимоотношениях.

— С чего вы взяли, что я Бергсон?

— Уши, — серьезно сказал незнакомец. — Вас выдают уши. Так на чем мы остановились? На том, что за вами следит Чека? Видите ли, Бергсон, для Чека нет разницы, работаете ли вы от частной фирмы или являетесь эмиссаром государственной разведки. Чека на это наплевать. Чека не заинтересовано запросто отдать вам беклемишевское наследство. Но дело в том, — тут он сделал паузу, — дело в том, Бергсон, что Чека слишком плохо осведомлено об этом наследстве. И потом...

Пауза затянулась. Незнакомец вынул из кармана пачку сигарет, чиркнул спичкой, прикурил и несколько раз с аппети-

том затянулся. При этом он не спускал насмешливого взгляда с Бергсона.

Бергсон усилием воли подавил желание спросить: что потом? Провокация, кажется, достигла апогея. Еще немного, и незнакомец выложит козырную карту. Тогда Бергсон позволит себе слегка улыбнуться. Только слегка. И уйдет.

— Хорошо, — похвалил незнакомец. — Мне говорили, что вы глупее. Будем считать, что вы задали вопрос, а я на него ответил. «Приносящий жертву уподобляется богу». До вас доходит глубина этой мысли? Богу, Бергсон?

Нет, это не провокация. Это что-то чудовищное. Откуда этот дьявол узнал молитву старого индейца? И для чего ему понадобилось сообщать об этом Бергсону? Ясно только одно: незнакомец упорно вызывает его на разговор. Искушение выяснить все до конца было очень сильным. Но интуиция разведчика подсказывала Бергсону, что дело нечисто. И он снова промолчал. Незнакомец раздавил окуроч в пепельнице, посмотрел на Бергсона долгим взглядом, затем быстрым движением выдернул из нагрудного кармана пиджака черный прямоугольничек и тут же сунул его обратно.

— Что вы скажете теперь? — лениво осведомился он.

Бергсон задумался. С этим паролем он сам шел к Ридашеву. Значит, незнакомец — это человек Хенгенау. Но тогда на какого дьявола он затеял весь этот маскарад? Для чего разговоры о слежке? И откуда этому типу известен он, Бергсон? Хотя... Хенгенау мог его предупредить... И вот теперь этот тип пришел, чтобы передать Бергсону ту штуку, о которой говорил старик. Или затем, чтобы сказать Бергсону, что Хенгенау ему не доверяет больше. Довела двойная игра.

— Кто вы? — хрипло спросил он. — Какого дьявола вам надо?

— За добро полагается платить, Бергсон, — жестко сказал незнакомец. — Чеком на предъявителя. Вам придется принять эти условия. Печально, но я не уполномочен беседовать на душеспасительные темы. Поэтому будем говорить только о де-

ле. В Чека, как я уже сообщил вам, намыливают веревку. Не сегодня-завтра петлю накинут на вашу шею. В Советах с военными преступниками не церемонятся...

— У них нет доказательств...

— Есть, Бергсон. Вспомните Гамбург. Вспомните некоего небезызвестного вам профессора... Транспорт с необычным грузом. Массовый расстрел заключенных на Амазонке. Одного этого хватит за глаза.

— Дьявол! — прошептал Бергсон. — Что же делать?

— Немедленно исчезнуть. Во всяком случае, попытаться. Я не заинтересован, чтобы вы выболтали про беклемишевское наследство. Кстати, Чека уже наострило уши. Два убийства — это, согласитесь, многоваго.

— Убийства? — удивился Бергсон.

— Не ломайте дурака, — рассердился незнакомец.

— Честное слово, — сказал Бергсон. — Хенгенау так все затемнил, что я фактически был не у дел. О каких убийствах вы говорите?

Генерал зажег потухшую сигарету, затянулся и задумался. Потом поднял глаза на Диомидова, сказал:

— Можем мы его теперь арестовать? — И, не дожидаясь ответа, добавил, вздохнув: — Жаль. Очень жаль. Такая сволочь уплывает между пальцев.

— Он свое получит, — усмехнулся Диомидов. — Босс у него серьезный...

— Это так, — согласился генерал. — Но жаль! Ей-богу. А на счет ушей у вас здорово вышло. Кстати, для чего вы припутали эти уши? Я не понял.

— Для убедительности, — засмеялся Диомидов. — И потом, нужно же было о чем-то говорить. Я намеренно затягивал беседу. К тому моменту, когда на свет появилась пресловутая черная картонка, он был почти готов. Правда, и мне пришлось попотеть. Сначала он считал, что я его провоцирую. На всякий

случай я брякнул про «приносящего жертву». Помните, в дневниках Беклемишева эта молитва попадалась. Откровенно говоря, я даже не думал, что попаду в цель. Ему, оказывается, известна эта молитва. Бергсон услышал ее в храме от одного старого индейца, когда Хенгенау готовил беклемишевскую акцию. Все это он выложил мне, когда поверил, что я человек Хенгенау.

— Да, да, — кивнул генерал. — Давайте-ка подумаем вот над чем. Выходит, что эта самая «Маугли» с ее обезьяньим апофеозом и беклемишевское дело — разные вещи?

— Бергсон полагает, что это так. Он плохо осведомлен. Между прочим, он удивился, когда узнал из газет, что обезьяны вырвались на свободу. И до сих пор не понимает, что это: несчастная случайность или какой-то хитрый ход Хенгенау. А босс сообщил Бергсону, что Хенгенау мертв. Я, разумеется, не стал опровергать эту версию.

— Это возможно в общем-то, — согласился генерал.

— Вполне, — сказал Диомидов. — Но главное — теперь мы знаем, что произошло с Бергсоном.

— А вы, я смотрю, оптимистично настроены.

— Да как сказать, — откликнулся Диомидов. — Туман еще не рассеялся. Но кое-что стало ясным. Я доволен, что наши предположения подтвердились.

— Это вы насчет Ридашева? — осведомился генерал.

— Да, Бергсон шел к нему в полной уверенности, что это именно и есть эмиссар Хенгенау. Но почему Дирксен допустил такую грубейшую оплошность?

— А он ее не допускал, — задумчиво произнес генерал. — Это слишком грубо, чтобы быть оплошностью. Дирксен и в мыслях не держит, что схватил пустоту.

— Возможно, — согласился Диомидов. — Хотя вопрос и не снимается.

— А вы надеетесь найти ответ на него в биографии писателя Ридашева. Так я понимаю?

— Я ее наизусть выучил, — сказал Диомидов. — Нужны под-

робности. Меня занимают, в частности, детали побега Ридашева из Треблинки. Кроме него, никто этого рассказать не может. А обстоятельства сейчас сложились так, что поговорить с ним невозможно. Пока мы не найдем подлинного убийцу Беклемишева, Ридашев не должен ничего знать. Кто знает, что еще придет в голову Дирксену, когда он узнает о неудаче Бергсона. Ведь тот ни словом не обмолвится о разговоре со мной. Возможно, что Дирксен повторит попытку. А мы еще кое-что выясним. Кстати, я почти не сомневаюсь, что сейчас эмиссар Хенгенау оказался в полной изоляции.

— Ну что ж, — согласился генерал. — Будем держать курс на изоляцию этого эмиссара. Это разумно при всех условиях. А в Бергсоне вы уверены?

— Он дрожит за свою шкуру. Когда я сообщил ему о том, с кем он имеет дело, надо было посмотреть на его лицо. На нем отразился такой сложный комплекс переживаний, что я стал опасаться, не хватил бы его инфаркт. Завтра-послезавтра он задаст лататы. И надо полагать, что до той минуты, пока до него доберется босс, пройдет достаточно времени. Одним словом, на Бергсоне можно поставить точку. Мавр сделал свое дело...

Генерал взглянул на часы.

— Что-то долго молчит Беркутов. Меня, признаться, беспокоит, не наврал ли вам этот мавр номер телефона.

— Не думаю. В тот момент он еще считал, что разговаривает с человеком от Хенгенау.

И генерал и Диомидов с нетерпением ждали беркутовского звонка. Майору было поручено возможно быстрее уточнить, где установлен телефон, номер которого сообщил Диомидову Бергсон. Это был номер, данный Бергсону профессором Хенгенау. Это было первое звено цепи, потянув за которое Диомидов надеялся распутать наконец клубок таинственного дела. Идя на разговор с Бергсоном, Диомидов почти не сомневался, что ему удастся ухватиться за кончик нити. Действительность даже превзошла ожидания. Бергсон выболтал все, что знал.

Тайна происхождения фиолетовых обезьян перестала быть тайной. Правда, Бергсон не был посвящен в суть экспериментов Хенгенау. Но даже из его туманных показаний можно было уже делать кое-какие выводы. Стала яснее и история с тростью. Когда Бергсон рассказал о храме в сельве, жертвенном камне и статуе кошкочеловека с поднятой рукой, Диомидов понял, что держал в этой руке кошкочеловек ту самую трость, которую Беклемишев привез с берегов Амазонки. Трость была скипетром. Этот скипетр в руки бога вложили предки индейцев, встреченных Беклемишевым. Скипетр обладал некими чудесными свойствами, которые проявлялись в моменты жертвоприношений. «Приносящий жертву» уподоблялся богу. Непонятно было, каким образом. Зато поднималась завеса над поведением эмиссара Хенгенау. Убив Беклемишева, он привел в действие механизм скипетра. Возможно, он испугался, когда в саду образовалась яма и столб серебряного света поднялся над Сосенском. Вернулся он в беклемишевский сад на другую ночь. Без помех вскрыл замок на калитке и унес уже безопасный прибор из тайника, где хранил его хозяин. Милиционер, сидевший на крылечке дома Беклемишева, не мог его видеть. В Москве на глаза эмиссару попался вор. Появилась возможность проверить действие странной штуки в относительно спокойной обстановке. И он берет вора с собой в лес. Неожидаемое появление Зои путает карты. Стрелять в нее он опасается: ему еще не все ясно насчет свойств трости. Но, удрав из леса, он не торопится вручить скипетр Бергсону. Он понимает, что наломал дров, и затаивается. А возможно, он заметил, что за Бергсоном наблюдают.

Диомидов рассуждал вслух. Генерал внимательно слушал и кивал головой, время от времени взглядывая на часы. Наконец он поднял трубку. Диомидов услышал, что он вызывает Беркутова.

Через две минуты тот вошел в кабинет. Генерал строго посмотрел на майора.

— Долгонько, товарищ Беркутов, — буркнул он.

— Виноват, — сказал майор. — Но пришлось проверять. Дело в том, что этот телефон... — он замялся, подыскивая слова. — Словом, это телефон того музея, где хранились рукописи Беклемишева.

— Что? — в один голос сказали генерал и Диомидов.

— Я проверял, — стараясь говорить спокойнее, подтвердил майор. — Аппарат, имеющий этот номер, установлен в конторе того музея, где лежали дневники.

Генерал вопросительно взглянул на Диомидова. Полковник вытащил сигарету и стал разминать ее в пальцах. Если бы Беркутов сказал, что телефон стоит в Сандуновских банях, Диомидова это сообщение поразило бы, наверное, меньше.

— Расскажите подробнее, — приказал генерал.

Беркутов повторил, что, получив задание, он тут же связался с кем нужно. Ответ поступил через десять минут. Беркутов не поверил и попросил уточнений. Еще через десять минут он получил подтверждение. Тогда он, не решившись звонить, послал в музей своего сотрудника. Несколько минут назад тот вернулся. Да, аппарат стоит в конторе музея. Сейчас вечер. В конторе никого нет.

— «Возвращаются ветры на круги своя», — мрачно процитировал генерал и забарабанил пальцами по крышке стола.

— Предусмотрительный, гад, — выругался Диомидов.

Беркутов не понял. Он не догадывался о том, о чем уже догадались генерал и Диомидов. Кроме того, Беркутов был еще молодым человеком. Он не читал Екклесиаста.

Разные живут на Земле люди. Одни любят задавать вопросы. Их интересует, почему расширяется вселенная и где зимуют раки. Они пытаются поговорить с дельфинами и построить фотонную ракету. Им любопытно знать, почему гусеница зеленая и что снится собаке в дождливую погоду. Эта группа людей дала миру Архимеда и неизвестного изобретателя колеса, Эйнштейна и Мечникова, Павлова и Оппенгеймера, Ньютона и Ло-

бачевского, новаторов производства и профсоюзных активистов.

И есть люди, которые вопросов не задают. Они сомневаются, отрицают, опровергают или попросту игнорируют. Они не хотят признавать телепатию. Вольфа Мессинга и Розу Кулешову они считают мелкими жуликами. Они довольно улыбаются и потирают руки, когда узнают об очередной неудачной попытке сконструировать вечный двигатель. На вопрос: может ли машина мыслить? — эти люди отвечают отрицательно, не замечая при этом, что непроизвольно становятся на точку зрения папы римского, считающего человека венцом творения.

Василий Алексеевич Тужилин делал вид, что задает вопросы. Собачка Белка притворялась, что отвечает на них.

И экспериментатор и объект исследования были довольны. Тужилин исправно заполнял журнал наблюдений, собачка жирела на казенных харчах. Кроме журнала наблюдений, Василий Алексеевич заполнял страницы популярных журналов и молодежных газет. В своих статьях и очерках он разъяснял существо опытов Павлова и Сеченова, рассуждал о второй сигнальной системе, ссылаясь на первоисточники, и скромно, всегда во множественном числе, напоминал читателям о том, что и сам он, являясь в некотором роде продолжателем, вносит посильный вклад в науку о мозге.

— Насобачился, — говорил обычно Лагутин, прочитав очередной опус Тужилина. Он не разъяснял, что именно хотел выразить этим словом. То ли это была оценка литературных данных Василия Алексеевича, то ли он имел в виду собачку Белку, слюна которой с некоторых пор стала обладать свойствами шагреновой кожи. Но если кожа уменьшалась после каждого исполненного желания владельца, то о слюне этого сказать было нельзя. Слюна капала в пробирку каждый день. И вызывать ее отделение не представляло особой трудности. Можно было просто показать Белке мясо. А можно было просигналить над станком красным светом. Результат был один и тот же.

Конечно, наивно было бы полагать, что Лагутин отвергал

условный рефлекс как индикатор для выявления и изучения закономерностей высшей нервной деятельности. Он просто не считал его единственным средством. Кроме того, Лагутин был сторонником распространения физиологического эксперимента на живую клетку. Памятрон указывал ему, по какому пути можно пойти дальше Анохина и Лурии, Мэгуна и Дельгадо. Нет, Лагутин не отвергал условного рефлекса. Он отвергал Тужилина, который делал вид, что задает вопросы. Тужилин не умел их формулировать. Он повторял вопросы, которые были заданы раньше, и получал ответы, которые были уже получены. Безусловно, он не был настолько глуп, чтобы повторять их слово в слово.

Белка накапала Тужилину должность и популярность, квартиру с аквариумом и герань на окошке. Правда, Анна Павловна восставала против герани. Ей казалось, что герань — это несовременно и немодно. Но Василий Алексеевич был непреклонен. Он смутно помнил, что кто-то из великих любил держать цветы на подоконниках в своем кабинете. Он хотел походить на великого. И еще многого хотел Тужилин. Например, совершить открытие. Но об этом своем желании Василий Алексеевич не сообщал никому. Даже Анне Павловне.

Однако ему не везло. Белка исправно отвечала на раздражители. Слюна капала в пробирку. В редакциях популярных изданий Тужилина встречали с распростертыми объятиями. А открытия все не было и не было. Пока однажды...

Тужилин отработывал с Белкой новый комплекс условных рефлексов. Конечной целью предпринятого исследования ставилось подтверждение давно доказанной мысли об охранительной функции торможения. Никто, правда, не заставлял Василия Алексеевича проводить эти подтверждающие эксперименты. Но никто и не запрещал. Уже много лет к Тужилину в институте относились по принципу «чем бы дитя ни тешилось». Хочется подтверждать — подтверждай. Вреда от этого не будет. А может, глядишь, и сверкнет вдруг жемчужинка. Кроме того, руководство института ценило литературные опыты Ва-

сиятия Алексеевича. Ведь кто-то должен освещать работу колл-лектива в печати.

Словом, Белка нахсдилась в полном распоряжении Тужилина. Эта собачка была обыкновенной дворнягой чрезвычайно общительного характера. Она позволила бы, если бы того пожелал Василий Алексеевич, делать над собой любые эксперименты. Лишь бы после каждого из них у нее перед мордой возникала тарелка с мясным порошком.

Но вот однажды Белка неожиданно для Тужилина растеряла свои способности. Случилось это следующим образом.

Василий Алексеевич, придя утром на работу, подготовил все необходимое для опыта и открыл дверцу клетки, в которой Белка ночевала. Обычно собака лениво потягивалась, зевала. Потом, виляя хвостом, бежала за Тужилиным в лабораторию, вскакивала сама в станок и подставляла щеку для того, чтобы тот мог приклеить к ней знаменитую пробирку.

Так примерно все произошло и на этот раз. Вскочив в станок, Белка приветливо махнула хвостом и подставила щеку. Тужилин проделал все, что нужно, и просигналил красным светом. По сигналу у Белки начиналось слюноотделение. Это была прелюдия перед экспериментом, проверка психики собаки, ее состояния.

Тут-то и началось. Взглянув мельком на Белку, Тужилин вдруг заметил, что собака ведет себя странно. Шерсть на загривке поднялась дыбом, послышалось даже как будто ворчание. Василий Алексеевич просигналил еще раз. Ворчание усилилось. И самое странное — в пробирке не оказалось ни капли слюны.

Тужилин не поверил своим глазам. Он наклонился к станку. Белка рывкнула не своим голосом. Острые зубы клацнули возле самого носа Тужилина. Затем собака сделала попытку выпрыгнуть из станка.

— Что ты, Белочка, — вкрадчиво спросил Тужилин и попробовал протянуть руку к спине собаки.

Белка завизжала поросенком и так забилась, что опрокинула

станок. Растерянный экспериментатор глядел на нее и никак не мог взять в толк, что вдруг случилось с животным. Оно явно не узнавало Тужилина. Оно словно растеряло все свои благоприобретенные условные рефлексy и моментально превратилось в дикого зверя. Собака не реагировала на свое имя, звонки и вспышки красных ламп не вызывали у нее обычных реакций. У Тужилина родилось опасение, что Белка взбесилась. Он протянул к морде собаки миску с водой. Это была проверка.

Белка подозрительно потянула носом и стала лакать воду. Изредка она скалила зубы и тихонько рычала на Тужилина.

— Странно, — пробормотал Василий Алексеевич. — Весьма.

И стал глубокомысленно рассматривать собаку. Больной она, во всяком случае, не выглядела. Однако кое-какие перемены даже не слишком наблюдательному Тужилину удалось подметить. Белка словно подтянулась. Это была в общем-то расхлябанная собака, довольно ленивая и нелюбопытная. Сейчас в ней появилась собранность. Перед Тужилиным стоял в станке живой комок упругих мускулов и нервов. Глаза смотрели внимательно и настороженно. Василий Алексеевич

бросил ей кусок мяса. Раз! Зубы лязгнули. Немигающие глаза по-прежнему злобно уставились на Тужилина.

Поведение собаки не укладывалось в схему задуманного Тужилиным эксперимента. Следовательно, надо было убрать собаку из схемы. О причинах собачьего бунта Василий Алексеевич думать не стал. Для него, в сущности, не имело значения, какое конкретное животное стоит в станке: Белка или Жучка. У Белки испортилось настроение? Что ж, тем хуже для Белки. Хорошо еще, что никто из сотрудников не видел конфуза.

Когда в лабораторию пришли коллеги Тужилина, он закреплял в станке другую собаку. Она преданно махала хвостом в ожидании вспышки красной лампы. Слюноотделение у животного было в пределах нормы.

— А где же Белочка? — поинтересовалась одна из сотрудниц, заметив замену.

— Она нездорова, — ответил Василий Алексеевич. — А опыт я не могу срывать.

— Да, да, — сказала женщина и отошла в другой конец комнаты.

Вот как случилось, что Тужилин прошел мимо открытия, которое само чуть не впрыгнуло ему в руки. Впрочем, если заглянуть в дело глубже, то это не было открытием. Но случай с Белкой, расскажи о нем Тужилин, мог бы несколько раньше пролить свет на некоторые вещи.

Глава пятая

СЛЕДЫ, СЛЕДЫ, СЛЕДЫ

Все было просто, как гвоздь, и одновременно сложно, как кибернетическая машина. К тому дню, когда Диомидов побывал в лаборатории Лагутина, следствие в музее уже закончилось. Ничего существенно нового оно не дало, хотя и появился первый арестованный по делу Беклемишева.

Его жизнь внешне протекала так же, как и у других людей. Василий Блинов учился в школе, потом в институте. Двадцати семи лет он поступил на работу в археологический музей. Младший научный сотрудник Блинов увлекался нумизматикой и, по слухам, готовил диссертацию, которая должна была опрокинуть некоторые устоявшиеся представления и взгляды на происхождение знаменитого Кильмисского клада. Слухи эти распространял сам Блинов. С диссертацией у него дело подвигалось плохо. Причин было две. Взявшись за разработку темы, он вскоре обнаружил, откровенно говоря, свою научную несостоятельность. Но отступать, признаваться в своем бессилии не хотел. Зависть к успехам других как черная кошка скребла по сердцу. Эта зависть и являлась второй причиной неудачи. Она мешала думать.

В школе Блинов завидовал тому, что пятерки получает не он, а Колька Петров. Студент Блинов завидовал, что первый разряд по гребле принадлежит не ему, а здоровяку Сашке Чернову. Зависть туманила его взгляд, когда он встречал на улице человека в отлично сшитом костюме, когда не он, а кто-то другой получал крупный выигрыш по лотерее, когда кто-то другой удачно женился. Блинов считал, что все это — и пятерки в дневнике, и красивая жена — должно принадлежать ему, Блинову, причем без всяких к тому усилий с его стороны. Может быть, виной этому было неправильное воспитание мальчика в семье; может быть, школа и вуз не сумели привить ему должного взгляда на вещи; а может быть, все вместе взятое послужило тому причиной. Но как бы то ни было, Блинов стал тем, чем стал.

Душу этого человека постоянно раздирали противоречия между желаемым и действительным. В мыслях он видел себя подъезжающим на собственной «Волге» к особнячку, стоящему на берегу теплого моря. В действительности же приходилось ездить с работы домой в переполненном автобусе под крики кондукторши: «Гражданин, продвиньтесь на одну бабушку!»

А он не хотел подвигаться даже на «полбабушки». Он не-

навидел миловидную кондукторшу и бабушку, которой надо было уступать место. Место в автобусе и место под солнцем. Ему казалось, что он достоин лучшей участи. И он ждал от судьбы своего куса счастья. Он покупал лотерейные билеты и надеялся на крупный выигрыш. Но шли месяцы, годы, а капризная фортуна так ни разу и не повернулась к нему лицом.

Кассирша музея в дни выдачи зарплаты отсчитывала ему умеренную порцию синеньких пятерок. Он отворачивался, пряча деньги и нехорошую усмешку, которая в эти минуты появлялась на его лице.

И может быть, он так и прожил бы со своей завистью и со своими мечтами. Быть может, он и не принес бы вреда обществу, в котором жил, как не принес бы и пользы. Потому что мечты его были бесплодны, а желания неосуществимы. Чемоданчики с сотенными на дорогах не валяются. А украсть чемоданчик он не мог. Такие люди не способны предпринимать самостоятельные шаги. Но орудием чужой воли они стать способны.

Василий Блинов оказался неожиданной и приятной находкой для эмиссара Хенгенау, когда тот подбирался к дневникам Беклемишева. Эмиссар быстро раскусил мятущуюся душу Блинова и стал методично вбивать в нее клинья.

— Расскажите об обстоятельствах вашего знакомства, — спросил Диомидов на первом допросе.

Блинов всхлипнул, облизнулся. Он плохо помнит подробно. Для него встреча была случайной. Этот человек интересовался Кильмисским кладом. Да, семиугольные монеты сводили с ума не одного нумизмата. А этот человек был нумизматом. По крайней мере, так он сказал Блинову. Словом, они нашли общий язык. Где это происходило? В музее, у стенда с кладом. Тогда Блинов не придавал разговору серьезного значения. Кильмисским кладом интересовались многие. А Блинов, это было известно всем, работал над диссертацией, посвященной его истории. Когда это было? Месяца два назад. Да, задолго до обезьяньего бума.

Потом встреча повторилась. Они оказались в одном автобусе. Вышли на одной и той же остановке. Говорили о нумизматике. Блинов пригласил его к себе домой. Человек этот назвался Клепиковым. Да, Николай Ильич Клепиков, работник одного из НИИ. Какого? Не сказал. Улыбнулся и помахал рукой. Это можно было понять только в одном смысле.

Однажды он попросил Блинова сделать маленькое одолжение. Принес к нему на квартиру небольшой сверток и оставил его на несколько дней.

— Купил приятелю подарок, — сказал Клепиков. — А тащиться с ним сейчас некогда. Иду в театр, времени в обрез. Пусть повалится у вас.

Блинов не возражал. Когда Клепиков ушел, он любопытствовал, что же это за подарок. Развернул газету и ужаснулся. Там лежали пистолет, миниатюрный фотоаппарат и коробка с кассетами. Он не спал всю ночь. И уже совсем было решился. Но...

— Утром, когда я вышел из дому, — сказал Блинов, — увидел на тротуаре у подъезда Клепикова. Он, усмехаясь, предложил мне совершить небольшую прогулку. Увлёк к стоянке такси, сел в машину и пригласил меня сделать то же самое. Я был настолько растерян и подавлен, что машинально исполнил его приказ. Выехав за город, Клепиков отпустил такси и повел меня в лес. Там сказал:

«Выбирайте! Вы, я вижу, успели познакомиться с «подарком». И он произвел на вас соответствующее впечатление. Да, это именно то, что есть. А я не тот человек, за которого вы меня принимали до сих пор. Перед вами две возможности. Первая — донести. За это вы получите благодарность. Вторая — сохранить статус-кво и получить деньги. Много. Я от вас не потребую никаких сведений стратегического характера. Можете не волноваться. Мне нужна услуга. Совсем незначительная и безобидная, с точки зрения ваших патриотических чувств. Вам будут звонить. Возможно, несколько раз. В ответ вы должны говорить только одно слово: «рано». И все. Меня вы больше

не увидите. А в один прекрасный день получите крупный денежный перевод. Задаток — сию минуту».

— И вы согласились? — безглаголиво спросил Диомидов.

Блинов шмыгнул носом и стал оправдываться. Диомидов все с той же безглаголивой гримасой на лице молча рассматривал сидящего перед ним человека и морщился. «Вот ведь насекомое, — думал он. — И уродится же этакое».

— Хватит, — оборвал он слезливые сентенции Блинова. — Ближе к делу. Сколько раз вам звонили?

— Три.

— Клепикова этого вы больше не видели?

— Он приходил в музей еще раз. Дал мне телефон писателя Ридашева и сказал, чтобы я немедленно попросил его вернуть в музей дневники Беклемишева.

— И все?

— Он сказал также, чтобы я... Чтобы Ридашев считал этот звонок чьим-то розыгрышем.

— Вы лично знакомы с Ридашевым?

— Нет, я знал, что писатель допущен к архивам, видел его несколько раз. Но никогда не разговаривал.

— А с Клепиковым о Ридашеве беседовали?

— Нет. Только один раз. Я уже вам сказал.

— Откуда вам известно про дневники Беклемишева?

— Я ничего не знаю. Клепиков сказал, чтобы я попросил Ридашева вернуть дневники Беклемишева. Больше ничего...

— Что вам известно про Беклемишева?

— Только фамилия. Я не интересовался...

— Боялись навлечь на себя подозрение сотрудников музея? Блинов наклонил голову.

— Я не думал, что это серьезно, — начал он, шмыгнув носом.

Диомидов оттопырил нижнюю губу и позвонил. Ему не хотелось слушать излияния Блинова. В дверях появился конвоир. Блинов понял, встал и, ссутулившись, пошел из кабинета.

— Дерьмо, — сказал Диомидов генералу, заинтересовавшемуся результатом допроса. — Подсадная утка. Но каков фрукт этот неуловимый эмиссар! Какая адская предусмотрительность! Словно он с самого начала знал, что мы пойдем по его следам.

— А не кажется вам, — заметил генерал, — что он с самого начала стал дурачить Хенгенау?

Диомидов удивленно поднял брови. Генерал пояснил:

— Кто дал телефон музея Бергсону? Хенгенау. Откуда Хенгенау получил номер? Только от своего эмиссара. Спрашивается, почему этот самый эмиссар тратит столько усилий на добычу «подсадной утки», как вы выражаетесь? Почему он избегает прямого контакта с Бергсоном, посланцем своего шефа? Ответ

однозначен: у него есть причины не доверять Бергсону, а вместе с ним и шефу. На сцену появляется «подсадная утка» — Блинов.

— Но, — сказал Диомидов, — я не понимаю. Ведь эмиссар имеет какой-то канал связи с Хенгенау.

— Имел, — поправил генерал. — Видимо, в том-то все дело. Представьте себе простейший вариант. Этот эмиссар, по словам Бергсона, наглухо законспирирован. Он живет под чьей-то личиной. Живет давно, не поддерживая связи со своими хозяевами, ничем не проявляя себя. И вот однажды он получает письмо. Обыкновенное письмо «до востребования». Местное, московское. А бросил это письмо в почтовый ящик на улице какой-нибудь работник посольства по поручению Хенгенау. В письме задание: разработать новые условия связи. Агент подчиняется и разрабатывает: вербует Блинова, сообщает номер телефона, по которому его надо искать. Каким-то способом передает эту информацию человеку из посольства. Тот отправляет сведения Хенгенау. Бергсон едет в Россию. Все?

— Все. А Ридашев?

— Тут какая-то путаница, — задумчиво произнес генерал. — Нам еще придется повозиться.

— С Хенгенау у вас вышло логично, — похвалил Диомидов.

— Я назвал простейший вариант, — подчеркнул генерал. — Их могут быть сотни. Тут весь вопрос в существе дела. Когда неизвестный эмиссар знакомится с Блиновым? Два месяца назад. Говоря другими словами, задолго до известных событий. Он еще не успел побывать в Сосенске. Но «подсадную утку» уже стал готовить. Причем нашел именно в том музее, где хранились дневники Беклемишева. С Блиновым повезло. И он дал его телефон Хенгенау, а тот Бергсону. Если бы в музее не нашлось Блинова, этот эмиссар придумал бы что-нибудь другое. Какой же вывод из всего этого следует?

— В Сосенск он явился под именем Ридашева, — заметил Диомидов.

— И с документами на его имя, учтите.

— Да. — Диомидов задумался. — Что же выходит?.. Выходит, документы на имя Ридашева у него были готовы... Что за черт? Не могу поймать мысль. Ридашев тут, Ридашев там... Стоп! А Бергсон? Бергсон, который шел к Ридашеву?

— И пришел к Ридашеву, — усмехнулся генерал.

— Но не к тому, к кому шел. Вот чертовщина! Никак не уловлю сути...

— А ловить надо, — заметил генерал. — И возможно скорее, ибо где-то тут собака зарыта.

— Задача, — Диомидов нахмурился.

— А не действует ли тут третья сила? — предположил генерал.

— Не понимаю, — сказал Диомидов.

— Да я все о том же. Сдается, что эмиссар дурачит своих хозяев, и давненько. Зачем бы ему это делать?

— Не верю.

— Я тоже. Но исключать нельзя ничего. Мы в общем-то на правильном пути. И неплохо бы «походить» еще вокруг музея. Не может быть, чтобы этот тип не оставил там следов, кроме Блинова. Откуда он, например, узнал про дневники Беклемишева? На этот вопрос следует найти ответ как можно скорее.

— Есть, — сказал Диомидов, покидая кабинет генерала.

Постановка этого вопроса закономерно вытекала из всех имеющихся в распоряжении следствия материалов. Но одно дело — поставить вопрос. И совсем другое — получить на него ответ. «Подсадная утка» помочь не могла. Она сыграла свою роль. Живые птицы улетели, а деревянная чурка осталась плавать на поверхности воды. Она не знала, зачем ее бросили в болото.

Клубок беклемишевского дела оказался не только запутанным. Он весь состоял из обрывков. Сосенская ниточка дотянулась до ямы в лесу. Ромашов и Беркутов разматывали сейчас тонкий, как паутинка, кончик, ведущий предположительно от трупа вора к личности эмиссара. Они скрупулезно просеивали жизнь вора через сито следствия, отбирая нужные факты. Фак-

тов пока было очень немного, и Диомидов опасался, как бы и этот кончик нитки не оборвался. Сам он за это время выдернул из клубка два толстых куса с узлами. Бергсон, Хенгенау, Блинов. Эти узелки были уже частично развязаны. Из мотка выглядывал новый кончик. Показания Блинова были ценны только тем, что указывали на этот самый кончик. Существовали источники, из которых Ридашев-Клепиков получил в свое время информацию о дневниках Беклемишева. Надо было эти источники найти.

Факты свидетельствовали, что эmissар Хенгенау побывал в музее раньше, чем в Сосенске. Получив задание разыскать беклемишевское наследство, он в первую очередь занялся Блиновым. Что это может означать? Весьма сомнительно, что он мог предвидеть все последствия своей поездки в Сосенск. Трудно, пожалуй, невозможно предположить, что он знал о свойствах предмета, который должен был изъять у Беклемишева. Судя по рассказу Бергсона, сам Хенгенау об этом не был осведомлен. И все-таки этот эmissар готовит «подсадную утку» именно в том музее, где лежат дневники Беклемишева. Это не простое совпадение. Над дневниками работает подлинный Ридашев. Эmissар знает это. Мало того, он едет в Сосенск с документами на имя Ридашева. Что это, случайность? Генерал высказал мысль, что эmissар решил одурачить своих хозяев. Какой в этом смысл? «Этот человек не продается, учтите, Бергсон», — говорил Хенгенау. Как понимать эту фразу?

Вопросов было много. Чтобы ответить на них, нужно было начинать поиск. Но с чего? В какую сторону следовало сейчас направить шаги?

Диомидов задумчиво листал папку с делом об убийстве Беклемишева. Она здорово распухла за эти дни. Но главного в ней еще не было.

Музей? Почему агент Хенгенау вышел на этот музей? Не содержалось ли на этот счет указаний в данном ему задании? Как ему вообще удалось найти Беклемишева? Ведь, зная только одну фамилию, невозможно практически разыскать нужного че-

ловека в такой огромной стране, как Советский Союз. А эмиссар относительно быстро сориентировался. Несомненно, указания были. Хенгенау знал, как найти Беклемишева. Следовательно, Беклемишев, кроме расписки на жертвенном камне, оставил в Южной Америке еще какие-то следы своего пребывания. Причем такие, которые не стерлись за пятьдесят лет. Могла, например, сохраниться официальная переписка. Или адреса?

Адреса? Что ж... Это вполне вероятно. Но чьи? Родственников? Знакомых? Или самого Беклемишева? Тоже вполне возможно. Но тогда при чем тут музей? Может, Беклемишев переписывался с этим музеем? Придется поднимать архивы. Ничего не поделаешь...

Вечером в кабинет к Диомидову заглянул Ромашов.

— Ну и закурили вы, Федор Петрович! — сказал он еще от порога. — Не только топор, стул можно подвесить.

— Ладно, — миролюбиво буркнул полковник. — Подвешивайте и садитесь. Рассказывайте. ,

— Рассказывать нечего, — устало откликнулся Ромашов. — Никто этого Петьки в компании с убийцей не видел. Завтра вот еще с Настей побеседую, и конец. Настю я на закуску оставил. Петькина первая любовь. Словом, никаких надежд.

— Ну, ну, — сказал Диомидов. — Так уж и никаких. Надежды, брат, юношей питают и нам отраду подают. Без надежд жить нельзя. Скучно. Вот так... Так, значит. А вы говорите: «никаких надежд».

Глаза Диомидова смеялись. Ромашов вопросительно смотрел на него. Неужели полковник что-то нашел?

— Нет, — сказал Диомидов в ответ на его молчаливый вопрос. — Ничего пока нет. Кроме вот... Надежд, что ли?

И он многозначительно постучал согнутым пальцем по папке. Потом рассказал Ромашову о своих размышлениях.

— Переписка, это понятно, — заметил Ромашов. — А вот адреса? Где их искать?

— Да тут же, — Диомидов поднял папку и, как бы взвесив ее на руке, вновь опустил на стол. — Пройдемся еще разок

и поищем. А начнем мы... — он полистал дело. — Начнем хотя бы с этого товарища.

Ромашов проследил за пальцем полковника. Палец упирался в фамилию — Мухортов.

Следы вели в Сосенск. Аптекарь снова выходил на сцену.

В лаборатории полным ходом шел ремонт. В углу лежала куча мешков с алебастром. Рабочие неторопливо устраняли разрушения, причиненные взбесившимся памятроном. Все лишнее было вытащено в коридор, на пульт памятрона накинули брезент. И теперь в пустом обширном помещении голоса звучали гулко и непривычно.

Шум, поднятый сообщением Лагутина о неизвестной субстанции с необыкновенными свойствами, постепенно заглох. Паломничество любопытных, приходивших поглазеть на трещину в стене, прекратилось. Директор издал приказ, в котором особым пунктом оговаривалось строжайшее соблюдение тайны. Приказ, впрочем, являлся превентивной мерой. Все в институте понимали, что произошло событие, которое, несомненно, повлечет за собой цепь новых масштабных открытий, возможно перечеркивающих современные представления о веществе и поле. Памятрон, созданный как инструмент для биологических исследований, внезапно оказался не тем, за что его принимали до сих пор. Это было странно, загадочно и даже страшно. Грубо говоря, это выглядело так, как будто из носика кипящего чайника вместо пара вдруг вырвался лазерный луч.

Биологи обратились за разъяснениями к физикам из ведомства академика Кривоколенова.

— Ваша работа, — сказал Лагутин руководителю проекта памятрона. — И вообще тут, кажется, по вашей части.

— Работа-то наша, — задумчиво почесывая лысину, заметил руководитель. — Идеи ваши. Н-да... Значит, эта музыкальная шкатулочка на квантах показала зубки. Любопытно. А на каком режиме вы ее гоняли?

Лагутин положил перед руководителем проекта лабораторный журнал. Лысая голова склонилась над столом.

— Н-да... Частотная характеристика?.. Гм-м... Плотность потока? Так... Модуляции?.. Вы что? Все время шли по нарастающей кривой? Да? Нет, ничего нет... Кругом сплошная норма. Прибор должен работать как часы. Понимаете?

— Нет, — сказал Лагутин, вкладывая в это слово возможно больше проникновенности. — Он не работал как часы. Эта штука поползла из него, как тесто. И потом, знаете, были еще привидения. Хотя привидения были раньше. А тесто уже после.

— О привидениях не слышал, — сказал руководитель проекта. — Расскажите.

Лагутин рассказал. Потом с минуту подумал и заговорил о том, что услышал от Диомидова: про опыты Хенгенау в сельве, про храм, странную пленку с изображением кошкочеловека, трость Беклемишева и сны Бухвостова. Про рыжую цыганку, притягивающую гвозди, он тоже упомянул.

— Теперь можете потрогать мой лоб, — закончил он. — Потому что я хочу сделать один вывод. Боюсь, он покажется вам несколько опрометчивым. Но я все-таки скажу... Дело в том, что нам придется работать в тесном контакте. И вы должны знать мое мнение...

— Я догадываюсь. Только, честно говоря, пока не вижу, где вы усматриваете связь между... между этими фактами. Все они... как бы это получше?.. За рамками наших представлений, что ли...

— В том-то и дело, — вздохнул Лагутин. — Кривоколенов не верит в рыжую цыганку. Хотя яму в лесу он, например, видел. В Сосенск он направлял целую комиссию для изучения ямы в саду. Но комиссия увидела только яму. И все. Исследования обломков ножа пока ничего не дали. Тросточку-жезл еще не нашли. Следовательно, с этой стороны подступиться не к чему. Было и сплыло. Но есть другие стороны.

Лагутин сделал паузу, потом медленно сказал:

— Да, другие стороны. Можем мы, например, хотя бы умо-

зрительно представить, что такое эта трость и откуда она взялась?

— Космические пришельцы? — усмехнулся собеседник.

— Я никогда серьезно к этому не относился, — заметил Лагутин. — Если даже предположить, что миллионы лет назад Землю посетили разумные существа, то сомнительно, что мы сейчас могли бы обнаружить какие-либо следы их пребывания. К тому же я не сторонник антропоцентризма. И больше чем уверен, что если на других планетах и есть жизнь, то, вероятнее всего, пути эволюции разума там иные, чем у нас. *Homo sapiens* хорош на Земле. И заметьте, хорош только с точки зрения самого *Homo sapiens*. Природа поскупилась, объективно говоря, создавая человека. И ему приходится прилагать много усилий для того, чтобы покорять эту самую природу. Теперь зададим вопрос: почему только человеку свойственно стремление к труду? Почему, скажем, обезьяны, существующие параллельно с человеком, никогда не испытывали этой потребности? За миллионы лет они не подвинулись к человеку ни на шаг. А ведь обезьяны тоже эволюционируют, и, вероятно, современная обезьяна мало похожа на свою «прапра». Больше того, находки последних лет отодвигают границы существования «человека разумного» все дальше в глубь веков. Кроманьонцы, оказывается, жили рядом с неандертальцами. И даже раньше последних.

— Что же вы хотите сказать? — спросил руководитель проекта.

— Я уже сказал, — улыбнулся Лагутин. — Мне кажется, что мы крайне примитивно представляем себе эволюцию. Или, точнее, мы знаем только несколько частных законов эволюции жизни на Земле. Мы охватываем взглядом относительно малый отрезок времени. Земля же существует миллиарды лет. Что происходило на ней за эти миллиарды лет? Какие катаклизмы? На этот вопрос мы ответа не имеем. Но случается, возводим частные закономерности в общее правило. Другими словами: лезем с постулатами евклидовой геометрии во вселенную. И удивляемся, почему у нас не сходятся концы с концами. Или

наступаем на собственные следы, глубокомысленно объявляя их следами чужого разума.

— Простите, я не очень отчетливо понимаю вашу мысль.

— Ну, хотя бы эта пресловутая трость, или, точнее, жезл. Он, безусловно, имеет земное происхождение. У этого предмета или прибора есть свойство включаться в определенные моменты. В частности, когда вблизи от него умирает человек. Значит, можно сделать заключение, что мозг человека и механизм прибора взаимодействуют. Значит, есть тут некая, непонятная пока зависимость. Могла ли она быть, если бы этот жезл достался нам от космических пришельцев? Вряд ли. Во-первых, дико думать, что пришельцы могли оставить такую вещь или потерять ее. Во-вторых, чрезвычайно мала вероятность, чтобы этот прибор мог настраиваться на человеческий мозг. Логичнее предположить, что этот жезл — продукт земного разума.

— Не понимаю, куда вы клоните?

— Видите ли, мне кажется, что эволюцию нельзя рассматривать как простое восхождение. Нельзя изобразить процесс развития жизни на Земле в виде такого кустика, в корнях которого запутались простейшие, а на ветвях, как ягоды, развешаны в строгом порядке пресмыкающиеся, рыбы, птицы и, наконец, млекопитающие. Мы еще очень мало знаем о так называемых низших и высших формах. И еще. Не слишком ли много у «дерева» эволюции «боковых» ветвей?

— Выходит, вы отрицаете Дарвина.

— Нет. Это, если хотите, отрицание принятых на вооружение взглядов на эволюцию как на непрерывный поступательный процесс. Помните, я говорил о катаклизмах. Сейчас доказано, что Земля за миллиарды лет существования перенесла их немало. Так не было ли в промежутках между катаклизмами чего-то такого, что сохранилось только в нашей наследственной памяти? Почему обезьяна за свои обезьяньи признаки цепляется всеми четырьмя лапами? В ее наследственном коде четко записано, что она обезьяна, а не крокодил. Другое дело, если этот код изменить насильственно. Но этого вопроса я пока не касаюсь. Вы-

скажу вам только свою самую «крамольную» мысль. Я, видите ли, полагаю, что человек появился на Земле гораздо раньше, чем принято думать. Возможно, даже раньше самой обезьяны.

— Значит, все с ног на голову?

— Почему? Я не отрицаю ту частную закономерность развития, о которой упоминал в начале разговора. Миллионы лет эволюция человека, вероятно, и происходила так, как об этом свидетельствуют данные палеонтологии. Меня только занимает вопрос: откуда у питекантропа, стоящего согласно узаконенной теории чуть не на одной ступеньке с обезьяной, откуда у него вдруг взялось столь ярко выраженное стремление к созидательному труду? И почему у обезьяны такого стремления не наблюдается до сих пор? Объяснения, которыми пользуются на этот счет составители школьных учебников, меня лично не удовлетворяют. Ибо основные аргументы всех гипотез зиждутся на случайностях. Случайно так сложились условия, случайно предок человека стал пользоваться орудиями труда, случайно открыл огонь... За пчелой и муравьем подобных случайностей не наблюдается. Ими руководит инстинкт, наследственная память. А что это такое, наследственная память? Существо ее нам непонятно, хотя до механизма мы почти добрались. Теория эволюции ответа нам не припасла. Почему? Скорее всего потому, что она неполна. Нужны новые факты.

— Где же их искать?

— Да в самой наследственной памяти. Когда я задумывал памятрон, то именно эту задачу и ставил. Но получилось, как вы убедились, нечто не поддающееся разумению. Совершенно неожиданное.

— Подождите. А что вы ожидали от памятрона?

— Мы искали режим, при котором прибор перестал бы расплавлять клетки крыс. Затем, возможно, мы попытались бы осторожно подобраться к наследственной памяти животных. Случай с Машей опрокинул все. Приходится предполагать, что создаваемое прибором поле взаимодействует с человеческим мозгом.

Продукт этого взаимодействия — фантомы, которые видела Маша.

— Но вы ведь повторяли опыт.

— Да. И ничего. Выходит, что поле действует избирательно. На разных людей по-разному. Может, это простое совпадение, но...

— Что?

— Да как вам сказать. Это смешно, но я заметил, что два раза поле действовало на рыжих.

— На рыжих? — хмыкнул руководитель проекта.

— Точнее, на людей, у которых хотя бы в роду были рыжие. Потому что Бухвостова рыжим не назовешь.

— Ну что ж? Теперь поработаем вместе. Кривоколенов откомандировывает к вам целую группу. Физики и лирики, так сказать.

— Он в рыжую цыганку не верит, — усмехнулся Лагутин.

— А вы?

— Хотел бы, — сказал Лагутин. — Но ведь это еще надо доказать.

И оба засмеялись.

Глаза шестая

ЗАГАДКИ ОСТАЮТСЯ

Диомидов смотрел на Мухортова. Старый аптекарь сидел перед ним и витиевато рассказывал о Беклемишеве. Полковник смотрел на него, а думал о другом. Наконец он сказал:

— Печально. — И потер подбородок. Торопясь на самолет, он забыл бритву и теперь досадовал, что придется идти в парикмахерскую. Он не любил бриться в парикмахерских и терпеть не мог запаха одеколona. — Печально, — повторил он. — Мне казалось, что вы знаете больше.

Мухортов уныло пощипал бородку и развел руками.

— Сергей Сергеевич был скрытным человеком, — сказал он. — Его очень тяготило непризнание. И потом эта несчастная любовь.

— К нему никто никогда не приезжал? На вашей памяти?

— Нет. Только Анна Павловна. И я никогда не видел, чтобы он кому-нибудь писал, кроме нее. Я уже говорил об этом. Еще тогда.

— Помню, — сказал Диомидов. Он подумал, что пора, пожалуй, кончать разговор. Надежда, что Мухортов вспомнит что-нибудь новое о Беклемишеве и его связях, не оправдалась. Ниточка, потянувшаяся было в Сосенск, обрывалась в самом начале. Напрасно Диомидов торопился сюда, напрасно изводил аптекаря вопросами, на которые тот не мог ответить.

Накануне отъезда в Сосенск Диомидов получил письмо от Курта Мейера. Оно, в сущности, не проливало света на беклемишевское дело. Оно только подтвердило то, о чем знал уже или догадывался полковник. Правда, одно имя заинтересовало полковника. Курту удалось узнать, что босс, субсидировавший опыты Хенгенау, перекупил в свое время секретаря профессора Зигфрида Вернера. Курт Мейер нашел Хозе Марчелло. И за небольшую сумму контрабандист продал ему эти сведения. Про Зигфрида Хозе ничего определенного сказать не мог. Выздоровев, тот в один прекрасный день исчез из дома. Авантюра с изумрудами, на которую рассчитывал контрабандист, сорвалась. И он рассказал Курту все, что Зигфрид Вернер выболтал в бреду. Его брата Отто в 1944 году забросили в Россию с документами на имя Ридашева. Однако при этом произошла путаница. Настоящий Ридашев сумел бежать из концлагеря. Зигфриду удалось узнать об этом в последний момент перед заброской Отто в Россию. Любящий братец предупредил Отто и Хенгенау. Последний сумел так сделать, что Отто отправился в Россию, имея двойную возможность. Он мог выступать и как Ридашев и как кто-то другой. А два года назад Зигфрида припер к стене босс, и тот продал ему Отто. Но главное скрыл. Вот почему и ошибся босс, посылая Бергсона к Ридашеву.

Письмо Курта Мейера разрешило и еще одну загадку. Диомидов увидел наконец женщину, звонившую ему в управление. Она оказалась женой Иоганна Крейцера, друга Курта Мейера. Жанна, так ее звали, приехала в Советский Союз в группе западногерманских туристов. Курт воспользовался случаем и попросил ее передать письмо лично Диомидову. Почте он не решился его доверить.

— Курт просил меня, — сказала она, — узнать у вас, как ему поступить. Он дал кое-какой материал газетам, но хотел бы выступить в печати с более серьезными разоблачениями.

Диомидов пожал плечами. В конце концов это дело самого Курта Мейера. Если он считает нужным выступать с разоблачениями, пусть выступает.

На этом, собственно, и закончился их короткий разговор. По совету генерала Диомидов передал письмо Курта Лагутину, ибо в нем содержался не только рассказ о встрече с контрабандистом, а приводились выдержки из записной книжки Хенгенау, найденной на месте гибели профессора. Сам полковник вылетел в Сосенск, поручив Ромашову и Беркутову заняться архивами музея.

Диомидов считал, что сосенский аптекарь мог расширить сферу следствия. Мухортов очень давно знал Беклемишева. На это обстоятельство и полагался полковник, начиная разговор с ним.

Аптекарь знал, во сколько часов вставал Беклемишев и во сколько ложился спать. Он знал, что Сергей Сергеевич не любил парного молока. Но он ничего не мог вспомнить о связях Беклемишева, о его знакомствах и привязанностях.

— Анахорет, отшельник, — говорил Мухортов. — Он любил часами рассуждать о литературе и никогда — о живых людях. Неразделенная любовь выжгла из него все. Щепка в океане жизни...

Мухортов любил высокопарные фразы. «Щепка» ему, видимо, понравилась, и он со вкусом повторил про «щепку». Диомидов кивнул, как будто соглашаясь. Аптекарь вдохновился и стал развивать свою мысль дальше. Из этого развития вытекало что-то

мистическое и туманное, что-то в духе сочинений Владимира Соловьева и госпожи Крыжановской.

— Эк вас! — только и смог вымолвить Диомидов.

Аптекарь пощипал бородку и заметил, что после многих раздумий он понял, что ошибся в Беклемишеве. Этот человек был далеко не простым орешком. Печать тайны, которую он нес на себе после поездки в Южную Америку, отдалила его от людей. Он (тут аптекарь заговорил шепотом) не просто отдалился от общества, он ставил себя выше людей, выше их интересов и страстей. Он знал нечто такое, что никому знать не дано.

«Хлынди-мынди», — подумал Диомидов и стал вспоминать, от кого он услышал эти слова. Из глубины памяти всплыла физиономия капитана Семушкина. Капитан употреблял также «сюсюканье и абракадабра». Эти словеса удивительно подходили к ситуации, и Диомидов усмехнулся.

Абракадабры в деле было достаточно и без высказываний Мухортова. Аптекарь привносил в него еще и сюсюканье. Пора было или кончать затянувшуюся беседу, или поворачивать ее на сто восемьдесят градусов. Полковник предпочел последнее. И тут из-за поворота вдруг показалась провинциальная богиня с улыбкой Клеопатры и шеей Нефертити. Богиня кивнула головой и обрела реальные земные черты. Аптекарь назвал имя Нины Михайловны Струмилиной.

— Как? — изумился Диомидов. — Она жива?

— По-моему, она сейчас в Москве, — сказал аптекарь.

— Почему же вы не говорили об этом раньше?

Теперь пришла очередь аптекаря изумляться.

— Я говорил, — сказал он.

— Но вы не называли имени.

— Товарищ Ромашов не спрашивал его у меня.

«Ну конечно, — подумал Диомидов. — Мне тоже не пришло это в голову».

— Беклемишев писал ей? — спросил он.

— По-видимому, нет. Но он знал, что она живет в Москве. Она ведь уроженка Сосенска. Сейчас ей лет восемьдесят — во-

семьдесят пять. У нее есть дочь, которая изредка навещает родные места. Собственно, от дочери я и услышал историю несчастной любви Беклемишева. Сам он об этом никогда не говорил.

«Черт знает что, — подумал Диомидов. — Все это маловероятно. Но нельзя же пренебрегать и такой ничтожной зацепкой. Десятки лет. А вдруг он писал ей? Или оставлял ее адрес кому-нибудь в Южной Америке?»

— Вы не можете приблизительно назвать дату ее отъезда в Москву? — спросил он.

— Нет, — сказал аптекарь. — Впрочем, это можно прикинуть. Зинаида Ивановна, ее дочь, говорила, что они уехали из Со-сенска, когда ей было года два. Сейчас ей около шестидесяти. Значит, где-то в 1912 году.

— Так, — сказал Диомидов, делая в уме несложный подсчет. Дневники Беклемишева датированы 1914 годом. К этому времени Струмилина была уже в Москве. Есть, пожалуй, смысл заглянуть в прошлое этой дамы.

А Лагутин в это время читал Маше письмо Курта Мейера.

«Многоуважаемый господин Диомидов!

В свое время я поделился с Вами некоторыми сомнениями относительно человека, носящего фамилию Бергсон. Я никогда не считал себя хорошим физиономистом, но выражение лица, с которым Вы выслушали мое сообщение, навело меня на размышления о том, что Вы мне просто не поверили. Может быть, я ошибся. Во всяком случае, я пишу об этом не для того, чтобы упрекнуть Вас. Отнюдь. Моя информация носила слишком отвлеченный характер, чтобы ею можно было воспользоваться. Ее можно было расценивать только как побуждение человека, испытывающего добрые чувства к народу страны, в которой этому человеку довелось побывать. Расставшись с Вами, я еще раз продумал наш разговор и пришел к мысли о необходимости принятия какого-то решения. Единственно правильным мне показалось довершить начатое. Осуществить это можно было только одним путем — поехать на Амазонку и разыскать ту таинственную ла-

бораторию, которая, по-моему, имела отношение к событиям, взволновавшим мир.

Это оказалось трудным предприятием, но не невозможным. Конечно, один я ничего бы не сделал и не нашел. Помогли друзья, которые разделили со мной тяготы путешествия к эпицентру катастрофы.

Не буду вдаваться в детали. И без того письмо получается достаточно длинным. Скажу только, что мы оказались не одиноки на этом пути: обстоятельство, послужившее к усугублению трудностей, но одновременно позволившее кое-что прояснить. Именно это «кое-что» и заставило меня взяться за перо, чтобы написать Вам. Именно это «кое-что» удерживает меня пока от публичных выступлений с разоблачениями. Однако постараюсь быть последовательным».

— Он, наверное, скучный человек, этот Мейер, — вдруг сказала Маша.

— С чего ты это взяла?

— Да так, слог у него тягучий.

Лагутин пробежал взглядом по нескольким страницам и стал читать сразу четвертую.

«На берегу ничто не напоминало о гекатомбе, свершившейся здесь когда-то. Сельва уничтожила все следы преступления. Зеленый полумрак царил в лесу, в который мы вступили, распрощавшись с командой парохода. Зеленый полумрак, наполненный птичьим гомоном, был нашим спутником во время многомильного перехода до лаборатории Хенгенау. Да, теперь мы знаем, что так звали профессора-изверга. Впрочем, я об этом расскажу позднее.

Первую ночь мы провели на месте. Мне эта ночь была нужна для того, чтобы определить направление дальнейшего пути. Да, я помнил расположение звезд в ту, давнюю ночь. Сделав поправки на время года, мы сориентировались и утром двинулись туда, куда, как я предполагал, ушли танки с обезьянами. Простите, господин Диомидов. Я все время пытаюсь избежать длиннот, но у меня это плохо получается. Еще немного, и я пе-

рейду к сути дела. Вы поймете меня, когда узнаете о тех странных вещах, с которыми нам пришлось столкнуться. Многое из того, что мы увидели, пока не поддается объяснению. И я опасаюсь, что человечество долго еще будет находиться в неведении относительно целого ряда фактов. Так думаю не только я, но и мои друзья, один из которых физик, а другой — археолог».

— Когда же он к делу перейдет? — поинтересовалась Маша.

— Подожди, — махнул рукой Лагутин. — Вот оно.

«Я еще не сказал Вам, что мы сбились с пути. Незначительная ошибка в расчетах отклонила нас на несколько десятков миль в сторону. Мы поняли это, когда увидели пирамиду в лесу. Мой друг, археолог Иоганн Крейцер, утверждает, что эта находка выходит из ряда вон, что ее значение трудно переоценить и что она, несомненно, прольет новый свет на установившиеся взгляды относительно происхождения индейцев Латинской Америки. Он так заинтересовался горельефами на стенах у входа в храм и статуей бога в верхнем зале, что не хотел уходить до тех пор, пока не сфотографирует и не опишет все увиденное. Мы оставили его и занялись осмотром внутренних помещений.

В одной из отдаленных комнат (я употребляю это слово, хотя правильнее было бы назвать помещение склепом), так вот в одной из отдаленных комнат мы нашли следы недавнего пребывания человека. Постелью ему, вероятно, служила легкая надувная лодка. В ней лежал портативный радиоприемник, слегка прикрытый одеялом. В углу комнаты-склепа были аккуратно сложены пакеты и банки с продуктами. Снаружи у входа валялись канистра из-под воды и разорванная пополам записная книжка.

— Знаешь что, — сказал Лагутин. — Я, пожалуй, пропущу еще несколько страниц. Эта обстоятельность может свести с ума. Диомидов говорил мне, что в письме есть вещи, которые должны нас заинтересовать, но пока я что-то их не вижу.

— Самое интересное должно быть в конце, — сказала Маша.

— Да, да. «Конечно, первой нашей мыслью было проверить»... Не то... Не то... «Мы занялись детальным осмотром помещения».

Так... «Что удалось при этом обнаружить, я Вам уже написал». Да, длинно умеют писать люди... Ага, вот, кажется, что-то интересное...

«Конечно, мы обратились к записной книжке. Мы считали, что она поможет если не разгадать тайну, то хотя бы подыскать ключ к ней.

Это была добротная коричневая кожаная записная книжка. Чтобы разорвать ее на две части, требовалась, вероятно, немалая сила. Потому что линия разрыва шла поперек книжки. Попробуйте проделать подобный опыт, и Вы убедитесь в том, что нормальному человеку сделать это не удастся.

Установить имя владельца книжки не составляло труда. «Людвиг Хенгенау» — эти слова были вытиснены на обложке. А характер записей позволял сделать вывод, что они предназначались только для хозяина, который, по всей видимости, никогда не предполагал, что они могут стать известны кому-либо, кроме него.

Когда я поднимал обрывки книжки с пола, из кармашка на обложке выпала часть фотографии. Вторая часть нашлась в другом куске. Да, это был он — тот самый профессор-эсэсовец. Я не мог забыть его лица, как не забыл лица сопровождавшего его Бергсона. Такое не забывается.

Но я не буду отвлекаться, а перейду непосредственно к записям. Они очень отрывочны, бессистемны и на первый взгляд лишены логической последовательности. Хенгенау, видимо, записывал мысли, приходившие ему в голову во время работы. Даты отсутствуют. В то же время складывается впечатление, что в этих записях есть некая путеводная нить, центральная, стержневая мысль. Впрочем, судите сами. Я воспроизвожу то, что мы прочитали».

— Наконец-то, — сказала Маша.

— Да, — Лагутин перевернул страницу. — Это, кажется, то самое.

«Сегодня Луиза в припадке какой-то бешеной откровенности

призналась мне, что она не арийка. Она вообразила, что сообщает мне новость. А я знал это, еще когда нанимал ее в помощницы. Луиза — хороший врач. И она мне нужна. Разве имеет значение то обстоятельство, что в ее жилах есть капли цыганской крови?.. «Доноси», — сказала она. Я пожал плечами. «Ты могла бы этого не говорить», — сказал я ей. «Ненавижу», — заявила она. «Кого?» — равнодушно спросил я. «Тебя», — сказала она. Как глупо! Мы уже давно охладели друг к другу, я знаю, что она любит Гюнтера, и не мешаю им. Работа! Только работа нужна мне! Луиза же ведет себя как последняя идиотка...»

«...Снова сцена. Странная вещь. Скандалит она всегда в одни и те же часы. День проходит нормально, Луиза тиха, как кролик. В пять часов вдруг она преображается: в глазах вспыхивает ненависть, и она начинает беситься. Вчера разбила штатив с колбой. Сегодня бросилась на меня с кулаками. Может быть, она сходит с ума? Но проходит минут пять, и все возвращается к норме...»

«Ничего не понимаю. Новая мания? Я обследовал Луизу. Реакции обычные. Никаких отклонений. И все-таки что-то с ней происходит. Наша работа? Конечно, все то, что мы делаем, не для впечатлительных людей. Однако откуда этот ритм?..»

«Пять часов. Почему именно пять? Что происходит в лаборатории в это время? Я скрупулезно изучаю весь цикл наших опытов и не нахожу ничего. Смущает меня и другое. Если причина припадков Луизы внешняя, то почему ни Гюнтер, ни я не испытываем никаких ощущений? Сегодня незадолго до пяти попросил Луизу проводить меня в город. Наблюдал за ней внимательно и не заметил никаких изменений в поведении...»

«Что же происходит в лаборатории? Эта мысль не дает мне покоя. Неужели я накануне открытия? Неужели Луиза — тот случай, которого я жду так давно? А все наши опыты не стоят ломаного гроша...»

«Новое. Ровно в пять Луиза начала бредить. Она смотрела на нас с Гюнтером горящими глазами и рассказывала, что видит свою мать. В ее поведении наступила перемена. Припадки раз-

дражения сменились галлюцинациями. Я перелистал гору книг, но аналогов этой мании не нашел. К ясновидению я всегда относился критически. Да это и непохоже на ясновидение. Хотя упоминания о подобных прецедентах в литературе имеются. Граф Сен-Жермен, например. Человек, который заявлял иногда, что он явственно видит картины далекого прошлого, причем так, будто сам являлся участником событий. Но граф — лжец, авантюрист и выдумщик. А что же делается с Луизой?»

«Гулял по лагерю и думал. Возле нашей лаборатории построили новую газовую камеру. И в голову пришла странная мысль: нет ли тут связи? Установил число, когда в камеру была загружена первая партия заключенных. Именно в тот день у Луизы началось это. И час совпал. Камера, оказывается, загружается ежедневно в пять часов. У меня похолодела спина: вот оно, открытие...»

«Подвожу итоги. С Луизой покончено. Я застрелил ее собственноручно, ибо другого выхода не было. Гюнтер погиб. Такая дикая смерть. Как хорошо, что я ношу с собой пистолет.

Да, я сделал открытие. Когда-нибудь это назовут «полем Хенгенау». Я для себя называю его «полем смерти». Оно возникает, когда одновременно гибнет толпа людей. Природа поля пока неясна, однако характер его воздействия мне удалось проследить. Только почему одна Луиза? Этот вопрос не дает мне спокойно спать. Мы с Гюнтером находились в одних условиях с ней. Может, секрет в том, что мы арийцы? И прав фюрер, который считает нас высшей расой. Но фюрер уверен, что человечество живет внутри шара, а не на его поверхности. Фюрер исповедует какую-то дикую веру, он приносит в жертву своему божеству целые дивизии. И хочет принести все человечество. «Поле смерти» придется ему по душе. А у меня будут деньги».

«Случай. Я всегда в него верил. И он принес мне открытие. После того как я понял, что происходит с Луизой, я стал наблюдать за ней более внимательно и заметил, что ее кожа с каждым днем меняет цвет, приобретая какой-то лиловый оттенок. Она это тоже заметила и однажды заявила, что больна. Но я не

мог отпустить ее. Я должен был довести эксперимент до конца. И довел. Из дня в день Луиза подвергалась воздействию поля. А в ее организме происходила какая-то перестройка. Я изолировал ее от Гюнтера. Она теперь не выходила из лаборатории. Гюнтер был недоволен, но он считал, что так нужно, ибо видел, что Луиза больна. Он верил, что мы ее лечим. Да и сама она, пожалуй, тоже верила в это. А потом произошел взрыв...

Как всегда, в пять часов у Луизы начались галлюцинации. Мы с Гюнтером были около нее. Вдруг взгляд ее потускнел, она как-то странно изогнулась, вскрикнула и кинулась к Гюнтеру. Он подхватил ее на руки, но тут же отпустил, издав дикий вопль, и упал на пол. Луиза бросилась ко мне. Еще плохо соображая, в чем дело, я выхватил пистолет. С Луизой было покончено. Я взглянул на Гюнтера. Его руки и лицо приобрели густо фиолетовый оттенок, взгляд потускнел и не выражал ничего. Минуты две его тело еще корчилось, потом замерло.

Трупы опасности не представляли. Я убедился в этом, позвав санитаров и попросив их перенести тела моих бывших помощников в прозекторскую. Мне нужно было исследовать мозг Луизы и Гюнтера...»

«Сделан доклад фюреру. Принято решение переправить лабораторию в Южную Америку. Сыворотка из вытяжек мозга Луизы приготовлена и испытана. Эксперименты на животных не дают никакого результата. Но на всякий случай я забираю в сельву с десяток шимпанзе. Благословляю войну, которая дает мне человеческий материал...»

«Прощался с Отто. Теперь у меня остаются два организатора — Бергсон и Зигфрид. Первый — продажная тварь. Второй — верен, как овчарка. А из Германии надо удирать».

«С отправкой Отто получается какая-то путаница. Кремировали не того, кого надо. Так вчера мне доложил Зигфрид. В конце концов это меня не касается. Я не разведчик, а ученый...»

«Называю это «Маугли». Достаточно темно и достаточно прозрачно...»

«Привезли «этих». Их мало, очень мало. Странная вещь. Сыво-

ротка действует избирательно. Девяносто процентов гибнет. А поле все еще недосыгаемо для меня».

«Конечно, мозг «этих» несет в себе неведомое пока «поле смерти». Станный мозг, по-видимому лишенный всякой информации. Поле убивает ее, но организм живет. Примитивные инстинкты не исчезают. Они хотят есть, пить, размножаться. Первое поколение, правда, быстро вымерло. Сколько же лет я воюю с «этими»? Семь? Восемь?»

«Бергсон был у Дирксена. Субсидии на опыты будут. Но Дирксен хитер. Ему мало того, что Бергсон шпионит за мной, он еще и Зигфрида заставляет работать на себя. Все словно сговорились против меня. Однако Зигфрид верен по-прежнему. Когда Дирксен заговорил об Отто, Зигфрид доложил мне об этой беседе. Я посоветовал сохранить Отто. «Как?» — спросил Зигфрид. «Предупредить Отто, — сказал я. — Пусть джентльмены думают, что условия связи с ним прежние...»

«Поле! Я понял, как его усилить!..»

«Нет, это не «поле смерти». Я открыл нечто странное и страшное. Эволюция необратима, как я думал раньше... «Маугли» — это часть чего-то, причем очень малая. Да, организм человека можно мгновенно перестроить. Да, можно превратить половину человечества в «этих», а другую уничтожить. Но за «этими» что-то стоит. Я узнал это сегодня, когда втолкнул индейца в камеру усилителя поля...»

«Приносящий жертву». Смерть. И странный жезл в руках бога. Вот когда мне пригодится Отто. Я словно чувствовал, что он понадобится. Опять Случай».

«Над «Маугли» пора поставить точку. С джентльменами мы как-нибудь поладим. А мой верный Зигфрид знает слишком много. Придется с ним расстаться...»

«И снова я подвожу итог перед очередным прыжком. Через жертвы, через смерть я иду вперед, к своему торжеству. Я все-таки назову это «эффектом Хенгенау» или «парадоксом Хенгенау». Так будет даже лучше. Через смерть! Я иду к этому через смерть».

ЛЮБОВЬ И ОТКРЫТИЯ

— Я поняла только, что этот ученый-эсэсовец производил какие-то страшные опыты над людьми, — сказала Маша, возвращая Лагутину листки с записями Хенгенау. — И все. А под конец он, видимо, сошел с ума.

— Да, — произнес Лагутин задумчиво. — Может, он и сошел с ума. А может...

— Что?

— Он все-таки не совершил открытия.

— А фиолетовые обезьяны? «Поле смерти».

— Понимаешь, Маша. Он был близок к открытию. Но он бродил в потемках. Он вслепую нашел способ воздействия на живые клетки. А «поле смерти»... Мне кажется, что это его самая главная ошибка.

Лагутин задумался. В циничных записях эсэсовца предстояло еще разобраться. Но главное Лагутин понял. Хенгенау совершенно случайно наткнулся на «поле памяти». Не последняя вспышка гаснущего сознания сотен людей вызывала галлюцинации у Луизы. Нет, в действие вступал последний резерв мозга — поле, возбуждаемое нервными клетками, неизвестное странное поле, слабое у отдельного индивидуума, настолько слабое, что оно почти никогда не проявляет себя. Но многократно усиленное, оно способно вызывать определенные реакции у некоторых людей. Избирательность... «Почему все-таки оно действует избирательно? — мелькнула мысль. — Странно. Памятрон тоже действует избирательно. А вдруг у этих полей одна природа? Вдруг...» И новая, еще более странная мысль обожгла мозг. Лагутин вспомнил случай с Машей. Материализованные привидения... Поле тогда было необычайно сильным. И если?

— Маша, — спросил он. — Ты тогда запирала дверь изнутри?

— Когда?

— Ну тогда, когда двойников увидела?

— Нет.

— А раньше, утром, например?

— Только на одну минуту. Сразу по приходе в лабораторию.

— Все ясно. Теперь это можно объяснить.

— Ничего не понимаю, — жалобно сказала Маша. — Что ты хочешь объяснить?

— Да все, что происходило с тобой тогда. Твои двойники повторяли все, что ты делала. Не обязательно в тот именно день. Понимаешь? В течение всей жизни. Но они обязательно должны были повторять твои действия...

Маша недоуменно взглянула на него.

— Подожди, — сказала она. — Надо вспомнить все. Действительно. К крану я тогда подходила... Да, да... А девочка?... Луг... Ну, луг я помню, допустим. А стекло? Ой!.. И стекло помню... Девочка, то есть я, спрашивала, почему я за стеклом сижу. Мы были с отцом в зоопарке. Там чистили большой стеклянный... Как он называется? Вольер для змей, что ли? И я спрашивала женщину через стекло... Но что сей сон значит?

— Да то, — сказал Лагутин, — что в поле памяти можно видеть не только галлюцинации. Оно способно проецировать в пространстве определенные образы, реальные, так сказать.

— Но это же страшно...

— Страшно, пока мы не понимаем, не проникли в механизм. Я вот еще думаю об этом эсэсовце. Он вел себя как любознательный дурак. Ползал возле потрясающих вещей и не догадывался даже, что за ними стоит. Дальше «фиолетовой чумы» его мышление не могло проникнуть.

— А твое? Проникло?

— Не так быстро, — сказал Лагутин. — Однако кое-что и сейчас можно вообразить.

— Что же?

— До сих пор мы знали, что добиться изменения видовых признаков организма можно, во-первых, путем гибридизации, а во-вторых, облучая половые клетки. Теперь мы видим, что есть третий путь.

— Зачем? Это же ужасно! Об этом нельзя спокойно рассуждать.

— Напрасно. Конечно, когда такое открытие находится в руках Хенгенау и ему подобных, которые видят в нем только средство массового уничтожения, — это страшно. Но представь себе на минуту такую картину. Наши селекционеры уже давно работают над проблемой продвижения теплолюбивых культур на север. Результаты пока малообещающие. Апельсины в вологодских садах еще не растут. Но вот в яблоневый сад в день сбора урожая приезжает человек. В руках у него... Впрочем, стоп! Я не знаю, что у него в руках. Да это, собственно, и неважно. Мы рассуждаем пока отвлеченно. Словом, что-то у него в руках есть. И с помощью этого «что-то» человек превращает яблоки в апельсины. Или в лимоны. Или, если хочешь, в картошку.

Мы перестанем зависеть от природы. Мы в любой момент можем получить из болотной осоки сахарный тростник. Мы навсегда забудем о таких словах, как «неурожай» и «бескормица». Мы в любых масштабах сможем регулировать производство мяса, яиц, шерсти. Да что говорить! Открываются такие колоссальные возможности, что сейчас еще и представить себе нельзя всех последствий. Я привел тебе жалкие примеры. Воображение пока не в силах подсказать мне большего. Я просто подумал о первых шагах. Это как в сказке...

— Чем дальше, тем страшней, — улыбнулась Маша.

— Нет, — серьезно сказал Лагутин. — Водородная бомба была изобретена раньше термоядерного реактора. Фиолетовые обезьяны вынырнули из сельвы тоже в качестве сеятелей смерти. Но они же явились предвестниками, они вынесли на своих плечах и жизнь. Тут все зависит от точки зрения. Бомба и реактор — это два полюса. Компасная стрелка науки бесстрастно указывает на оба. Долг ученого — сделать выбор. И он делает его в зависимости от своего мировоззрения. Кроме того, уничтожать легче, чем созидать. Этим, по-видимому, и объясняется, что развитие средств истребления всегда опережает развитие средств защиты.

— Ты увлекся и забыл, что мы еще ничего не знаем. Сказка про оборотней или «эффект Хенгенау», называй как угодно, далека от нас, как небо от земли.

— Ты не права, — возразил Лагутин. — Помнишь, я тебе говорил, что кто-то идет тем же путем, что и мы. Тогда я еще не улавливал связи. Было накоплено слишком мало фактов, чтобы рассуждать о них.

— А что изменилось с тех пор?

— Да вот хотя бы побочные явления, о которых пишет этот эсэсовец. Я понял, что ему мешало. Наследственная память. Он нашел способ внедряться в живую клетку, ломать по своему произволу генетический код и направлять развитие этой клетки в нужное ему русло. Говоря проще, он воплотил в жизнь сказку об оборотнях, но при этом столкнулся с непонятным ему сопротивлением клеток. Сплошь и рядом организмы ему не подчинялись. Почему, спрашивается? Да потому, что он не учитывал наследственной памяти или не мог ее подавить. Он вторгся в глубинные процессы строительства белка. Но дальше не пошел. Дальнейшее он предоставил самой природе, надеясь на законы эволюции. Он полагал, что овладел этими законами или, на худой конец, правильно их понимал. И в этом его ошибка. Или глубокое заблуждение. Не знаю. Он считал, что стоит сломать некий механизм, как организм сразу соскочит вниз по лестнице эволюции. А лестницы-то и не оказалось. Перед ним разверзлась пропасть. Из нее полезли фиолетовые существа. Он понял, что реакция неуправляема. Вот место, где он пишет про это.

— Я помню. Но ты только что говорил обратное. Про яблоки и апельсины.

— Когда я говорил об этом, то имел в виду, что мы научимся управлять реакцией. Противоречия тут нет. Фокус в том, что мы еще крайне мало знаем об эволюции жизни. Мы прослеживаем действие ее закономерностей на исторически незначительном отрезке времени. Наука пока еще не в состоянии ответить на ряд вопросов, возникающих при исследовании событий, происшедших на Земле. Почему, например, век бронтозавров кон-

чился так внезапно? Наивно теперь объяснять это изменениями климата на планете. Можно считать доказанным, что гигантские земноводные вымерли именно внезапно. Сейчас найдены громадные кладбища, где, как говорится, смешалось все: и кони и люди. Вероятнее всего предположить, что произошла некая катастрофа, положившая конец существованию рептилий. В то же время до сей поры живет и процветает лохнесское чудовище, которое является ни больше ни меньше как самым рядовым ихтиозавром. Представим себе, что когда-то ему чудом удалось избежать судьбы своих сородичей. Что же, оно так с тех пор и живет в озере на севере Шотландии? Живет и здравствует миллионы лет в единственном экземпляре? Это нонсенс! Значит, оно не одно, значит, оно размножается? Тогда почему озеро Лох-Несс не кишит этими чудовищами? Опять загадка.

Я не собираюсь строить на этот счет гипотезы. Я хочу только продемонстрировать этим примером, как мало мы знаем о законах эволюции. А сколько подобных примеров? Происхождение рас? Темное пятно. Гигантопитеки? Большущий знак вопроса. Сам человек?..

Лагутин замолчал. Маша задумчиво смотрела на него. На эту тему они говорили часто, много спорили. В институте взгляды Лагутина не пользовались популярностью. Правда, в последние дни, особенно после происшествия с памятроном, их лаборатория оказалась в центре внимания. От фактов нельзя было просто отмахнуться. Одно дело — точка зрения на эволюцию и наследственную память. И совсем другое — создаваемое памятроном поле, в котором Маша встретила сама с собой во множественном числе. Понять это было невозможно. Так, по крайней мере, казалось Маше. А Лагутин пытался. И не только понять, но и объяснить.

— Да, человек, — сказал он, рассеянно перебирая листки с выдержками из записной книжки Хенгенау. — Сам человек должен ответить нам на все эти вопросы. Другого выхода я не вижу.

— Что ты имеешь в виду? — спросила Маша.

— Я вспомнил слова твоего отца. «Пылкие и приверженные», — говорил он. Пылкие и приверженные прививали себе чуму и хватали голыми руками куски урана. Потому что они хотели знать. Я тоже хочу знать. Это можно устроить просто. Надо установить в лаборатории киноаппарат. Понимаешь?

— Нет.

— Видишь ли, я уже говорил тебе, что создаваемое памятным полем не только выбивает из нашей памяти определенные образы, но и проецирует их во времени и пространстве.

— Значит, эти фантомы?.. Живые они, что ли?

— Подожди, не сбивай мысль. Назовем это порождением твоей памяти. Пока можно утверждать одно — поле памятного в определенных условиях способно разбудить нашу память. А ведь отсюда недалеко и до наследственной. Если, конечно, мы на верной дороге. Вот тогда нам и понадобится киноаппарат.

— А объект?

— Тут сложнее, — задумчиво сказал Лагутин. — Ведь если попросить Тужилина, то едва ли он согласится.

— Ну, тогда я... Ты же сам говорил, что это поле действует избирательно. А я уже испытала однажды...

— Подожди. Не все сразу. Тут надо подумать.

— Но ведь опасности-то прямой нет. И мы уже знаем, чего ожидать. В крайнем случае выключим прибор.

— Нет, Маша, об этом рано говорить.

— Но ведь ничего страшного со мной тогда не произошло.

— Слава богу. А что будет, если вдруг в этом поле возникнет какой-нибудь волосатый предок? Он беседовать об эволюции вряд ли станет. Дубиной по голове — и конец эксперименту.

— Шуточки? — спросила Маша.

— Шуточки, — согласился Лагутин. — Если, конечно, бывают серьезные шуточки.

Был адрес, и была квартира с плюшевым диваном, стеклянной горкой под красное дерево, на полках которой в разных позах располагались амурчики, ангелочки и херувимчики. Здесь были ангелочки, запряженные в позолоченные саночки, херувимчики, оседлавшие хрустальные яйца, и амурчики на каких-то немислимых подставках. В комнате пахло ванилью и почему-то пыльными мешками.

На плюшевом диване сидела Нина Михайловна Струмилина, бодрая старушка со щечками-яблочками. Эти щеки притушили улыбку Клеопатры. А на шее Нефертити выросла бородавка. Комплекс беклемишевского божества стушевался под неодолимым влиянием времени. Да и само божество давно забыло о своей бывшей божественной сущности. Украшение губернских балов поблекло и полиняло.

Хозяйка квартиры усадила Диомидова в кресло на гнутых ножках. Он поморщился, когда скрипнули пружины. Мелькнула мысль, что это эфемерное сооружение рухнет от первого прикосновения. Такие кресла он видел только в музеях. Но там они стояли за барьерами из веревок и предназначались для обозрения, а отнюдь не для сидения. Здесь кресло исполняло свою прямую роль.

Диомидов не хотел тратить много времени на разговор. И он постарался направить светскую болтовню Нины Михайловны о погоде, которая уже не та, о людях, которые уже не такие, о Москве, которая стала очень шумной, в нужное ему русло. Но сделать это оказалось не так-то просто. Еще перед тем, как надавить кнопку звонка, он решил начать разговор издалека и постепенно подвести Струмилину к тем вопросам, которые приготовил. Диомидову хотелось, чтобы старушка сама вспомнила о Беклемишеве. Он начал с того, что приехал из Сосенска. Зайти к Струмилиным его попросил Мухортов. Аптекарь передавал привет Зинаиде Ивановне и небольшую посылочку с грибами. Диомидов нарочно рассчитал время визита так, чтобы прийти за час до возвращения Зинаиды Ивановны с работы. Он не назвал себя. Это был разведочный ви-

зит — рекогносцировка. Могли возникнуть непредвиденные осложнения. Нужен был максимум аккуратности. Вполне возможно, что Струмилина являлась единственным связующим звеном в цепи Беклемишев — Амазонка — Хенгенау — неизвестный эмиссар. Диомидов не думал, конечно, что этот бывший кумир Беклемишева является винтиком в механике интриги Хенгенау. Однако осторожность ему казалась необходимой.

Да, он приехал из Сосенска. Отличное место для отдыха. Мухортов — прекрасный человек. Нина Михайловна, кажется, бывала в Сосенске. О, уроженка. Почему же она променяла такие благословенные края на шумную столицу? Да, да... Это было давно.

Так начался разговор. Минуты три собеседники вели его стоя. Потом Нина Михайловна указала Диомидову на кресло.

— Зина скоро придет, — сказала она. — Ей будет приятно услышать новости из ваших уст. Хотя... Сосенск и новости... Это даже как-то странно.

— Почему же, — возразил Диомидов и подумал, что момент наступил. — Представьте себе, незадолго до моего приезда в Сосенске произошло самоубийство.

Нина Михайловна замахала руками.

— Что вы говорите? Какой ужас! Кто же этот несчастный?

— Некий Беклемишев.

— Вот как, — на лице Нины Михайловны отразилось смещение. — Неужели? Сергей Сергеевич?

— Кажется, его звали так, — сказал Диомидов.

Нина Михайловна прижала платочек к глазам.

— Вы его знали? — сочувственно спросил полковник.

— Он любил меня, — всхлипнула Нина Михайловна.

— Простите, — вежливо сказал Диомидов. — Я не думал.

— Что вы, что вы, — торопливо заговорила старушка. — Это было так давно. Так давно...

Прикоснувшись к глазам платочком, она сочла, что дань памяти Сергея Сергеевича отдана и можно перейти к текущим делам. Она потребовала, чтобы Диомидов немедленно удовлет-

ворил, ее взбудораженное любопытство. Ей хотелось знать все о самоубийстве. Вопросы посыпались один за другим. Полковник едва успевал придумывать подходящие к случаю ответы. Он сказал, что покойный не оставил никакой записки, по которой можно было бы составить представление о побудительных причинах столь эксцентричного поступка, развил версию Мухортова об одиночестве и слегка намекнул на то, что Сергей Сергеевич якобы говорил Мухортову о каких-то неопубликованных дневниках давнего своего путешествия на Амазонку. Сказал об этом Диомидов вскользь, как бы между прочим, но с интересом отметил, что Струмилина согласно кивнула головой.

«Она что-то знает», — подумал полковник и снова направил беседу к дневникам, заметив опять же между прочим, что, по слухам, товарищи из Академии наук занялись поисками в архивах, что рукописи Сергея Сергеевича, возможно, даже увидят свет.

— Как же, как же, — сочувственно закивала Струмилина. — Они уже были у меня. Но я не понимаю... Бедный Серж... Почему он не дождался?

«Вот оно, — чуть не произнес вслух Диомидов и даже подобрался весь. — Ну, держись, Федька! В этом ванильном домике, кажется, спрятан ключик. Подойдет ли он к замку? Появится ли наконец просвет? Судя по всему, ларчик открывается просто. Только кто бы мог догадаться, что неразделенная Беклемишевская любовь имеет самое прямое отношение к следствию. Ромашов, дотошно изучавший обстоятельства, сопровождавшие убийству, не подумал об этом. Да и я сам эту историю выпустил из поля зрения и возвратился к ней, когда следствие пошло на второй круг. Закономерность это или ошибка? Тут есть о чем поразмыслить. Во всяком случае, урок хороший».

Эти мысли мелькали у него в голове, пока Струмилина рассказывала о том, как несколько месяцев назад к ней приходил весьма корректный кандидат наук. Он тогда только что вернулся из экспедиции в Южную Америку, искал Беклемишева,

так как не знал его адреса. Струмилина помогла вежливому кандидату.

— А вы разве с ним были знакомы? — спросил Диомидов.

— С ним? — удивилась Нина Михайловна. — Бог мой, первый раз увидела.

— Как же он вас нашел? Простите за нескромность.

— О, — оживилась Струмилина. — Это очень любопытно. Серж... Понимаете, я ему писала, Сержу... Тогда... Я писала в Асунсьон и Рио-де-Жанейро, в Консепьон и Каракас. Я написала столько писем. Я умоляла мэров городов и префектов полиции помочь мне найти Сержа... Я хотела сказать ему, что... — Струмилина снова всхлипнула и вытащила из-за обшлага платочек. — Сказать, чтобы он не уходил, что я все поняла... Но увы, письма не дошли, затерялись. Некоторые из них почему-то оказались в архивах. Одно из них и нашел этот любезный ученый. Он стал интересоваться Беклемишевым. Но прежде решил разыскать меня. «Нас, — сказал он, — очень волнует судьба этого путешествия».

— Действительно, — буркнул Диомидов и спохватился, уловив недоумевающий взгляд Струмилиной. — Да, да, — поправился он. — Крайне любопытная история. Столько лет... И вот поди ж ты... Разыскиали...

Ларчик и в самом деле открывался просто. Видимо, Хенгенау, обнаружив фамилию Беклемишева на жертвенной плите храма, сообразил, что возможно найти какие-нибудь упоминания об этом путешественнике в многочисленных архивах тех городов, которые предположительно являлись отправными пунктами самодеятельной экспедиции. Где-то ему повезло. Он наткнулся на письмо опомнившейся возлюбленной Беклемишева. Эмиссар Хенгенау получил задание найти Струмилину по имеющемуся на конверте адресу. Или, если она уже умерла, ее родственников. И через них разузнать о судьбе Беклемишева. Но откуда эмиссару стало известно о дневниках Сергея Сергеевича? Как он добрался до музея?

Долго раздумывать над этим полковнику не пришлось. Ни-

на Михайловна, не дожидаясь наводящих вопросов, сообщила ему о том, что, не получив ответа на свои письма, вышла замуж и уехала из губернского города сначала в Сосенск, а потом в Москву.

— И там я встретила Сержа, — сказала она. — Это было уже накануне войны. Он шел, задумавшись, помахивая тросточкой. Он не узнал меня. Я подумала: «Серж». Мне, видимо, показалось, что я только подумала. Потому что он услышал. «Нина, — сказал он. — Ты мне снилась в лесу. Но теперь это уже не имеет значения». Понимаете, он так и сказал: «не имеет значения». И у него был пустой взгляд. И он все вертел эту тросточку, а у меня в глазах мелькали какие-то оранжевые круги.

Потом был чай с клубничным вареньем, от которого тоже почему-то пахло ванилью. Чай сочинила пришедшая с работы Зинаида Ивановна. Крупная женщина с широким белым лицом, она как-то не гармонировала с ангелочками в горшке. И они жалобно звякали, когда она проходила мимо стеклянной дверцы к столу, на котором моментально появилась белая скатерть и чайная посуда.

Присутствие Диомидова ее не удивило. Посылка с грибами и записочка Мухортова тронули. Известие о смерти Беклемишева впечатления не произвело. Мама заработала выговор за то, что подвергла гостя томлению. Разговор за столом шел вокруг более современных дел. И как Диомидов ни старался вернуть его в прежнее русло, Зинаида Ивановна тут же ставила плотины. Полковник злился и уже подумывал о том, что не пора ли ему раскрыть свое инкогнито и попросту задать несколько вопросов? Теперь, после того, что он узнал, маскарад был вроде и ни к чему. Сдерживало его только то, что мать и дочь могут неожиданно замкнуться.

«Нет, — решил он. — Это я еще успею».

И ввернул словцо про «кандидата наук», который, наверное, сейчас очень расстроен смертью Беклемишева.

— Полно вам, — заметила Зинаида Ивановна, похрустывая печеньем. — Он торопится диссертацию кончать. Знаем мы этих кандидатов. Огорчен! Огорчался кот, слизав сливки. Мало показалось.

— Фи, как грубо, Зиночка! — сказала мама. — Нельзя так говорить о людях. Что подумает молодой человек?

Зиночка хмыкнула и бросила лукавый взгляд на Диомидова. А мама сердито поджала губы и после некоторого молчания стала развивать свои взгляды на воспитание. В качестве примера она привела какую-то княгиню, которая даже в трудные годы военного коммунизма умела сохранять человеческое достоинство.

— У нее не было приличной обуви, — сказала Нина Михайловна наставительно. — Она сшила себе чуни из портьер. Но все равно было видно, что это княгиня. «Ах, шерочка, — говорила она мне, — цветок, даже увянув, останется цветком».

— Сеном, — сказала Зинаида Ивановна.

— Что? — не поняла мама.

— Сеном, говорю, цветочек станет. Или, — хмыкнула Зинаида Ивановна, — силосом. — Мама не удостоила ее ответом и обратилась к Диомидову.

— Вот и Серж, — сказала она. — Я всегда считала Сержа необыкновенным человеком. Когда я увидела его отрешенные глаза, я поняла, что с ним случилось что-то страшное. «Не имеет значения», — сказал он. Любовь для него уже не имела значения. Это же ужасно, когда любовь уходит.

Зинаида Ивановна раскрыла было рот, чтобы прокомментировать слова матери, но та отмахнулась от нее.

— Не мешай, — сердито попросила она. И пожаловалась. — Цинизм молодых людей бросает меня в дрожь. Они спокойно рассуждают о вещах, которых надо стыдиться. И при этом употребляют такие слова... Нет, не говорите мне ничего. Раньше было по-иному. «Нина, — сказал Серж. — Я ухожу. Мне тяжело, но я должен носить это в себе». — «Что?» — спросила я. Он махнул рукой... «Я написал», — сказал он.

«Мне?» — спросила я. Он усмехнулся. «Нет, — сказал он. — Я оставил рукопись в музее. Но я, кажется, сделал глупость. Впрочем, это не имеет значения». Мне стало жаль Сержа. Он выглядел таким потерянным. Я взяла его под руку, и мы долго ходили возле Манежа. Серж так занятно рассказывал про индейцев. Он прожил среди них несколько лет. Ходил босиком по лесу. Его кусали змеи и пантеры. Я и сейчас ужасаюсь... Босиком... Бр-р...

— Как княгиня, — вставила Зинаида Ивановна. — Или даже хуже. Портьер в лесу не было.

Нина Михайловна только повела сухоньким плечиком. Диомидов теперь узнал все и уже без особого интереса прислушивался к словам Струмилиной. Подождав, пока поток воспоминаний иссякнет, он поглядел на часы, притворно ойкнул и затопился прощаться. Зинаида Ивановна проводила его до дверей, попросила передать привет и благодарность Мухортову.

— Мама утомила вас, — сказала она, протягивая руку.

— Ну что вы, — улыбнулся полковник. — Мне было очень приятно провести вечер в вашей семье.

И подумал, уже отойдя от дома, что ему было бы вдвойне приятнее провести вечер в этой семье несколько раньше, например, хотя бы в тот день, когда к Струмилиным приходил этот липовый «кандидат наук». Но тут уж ничего не попишешь.

А что, в сущности, дало ему посещение ванильного домика? Удалось пролить свет на дорогу, которой шел не пойманный пока эmissар. Дорога вела с берегов Амазонки через квартиру Струмилиных в Сосенск, потом в Москву, к яме в лесу. Повсюду на этом пути были расставлены вехи: музей, труп Беклемишева, трость, труп вора, Бергсон, Блинов. Эти вехи-звенья составляли цепь, на конце которой находился Ридашев-Клепиков-Вернер. Он же «кандидат наук». Беклемишевское дело обрело потрясающую ясность, за которой, казалось, чернела пустота. Все как будто было досконально изучено и обследовано. Но агент Хенгенау по-прежнему оставался призраком, хотя о нем и было известно все или почти все...

В управлении полковника дожидался Ромашов. Диомидов поманил его в кабинет, усадил и предложил сигарету. Ромашов мотнул головой.

— Забыл, — усмехнулся Федор Петрович. — Ну, так чем порадуете? Как поживает первая любовь Петьки Шилова? Настя, что ли?

— Бегаёт Настя. По магазинам. Про Петьку не вспоминает и ничего о нем не знает.

— Да, — протянул полковник. — Четыре сбоку, значит. И наших нет. Грустно, одним словом. Надо Беркутову сказать, чтобы с музеем закруглялся. Ничего мы в музей не найдем. Адресок обнаружился в другом месте.

Ромашов оживился, снял очки и близоруко уставился на Диомидова, ожидая продолжения рассказа. Но тот только махнул рукой.

— Говорить-то, собственно, нечего, — сказал полковник. — Те следы давно травой поросли. Позарастили, в общем, стежки-дорожки. Остались одни цветочки, как выражалась в свое время некая княгиня, специализировавшаяся на индпошиве чуной из портьер. Понятно?

— Нет.

— Дело обстоит так... — И полковник красочно обрисовал чаепитие в ванильном домике, не забыв упомянуть даже о том, как Беклемишев бродил босиком среди диких индейцев, змей и пантер.

— Теперь понятно? — спросил Диомидов. — Кругозор расширился?

Ромашов повертел очки и водрузил их на нос. Полковник, не глядя, ткнул сигаретой в пепельницу, не попал, чертыхнулся и стал мрачно листать папку с делом. Потом откинулся в кресле, потянулся и сказал:

— А может, спать пойдём? У меня дома кот с утра не кормлен. Мякает сейчас, наверное, скотина. Куплю ему сыру. Он сыр уважает. А завтра на свежую голову мы с вами кое-чем подзаимемся. Между прочим, вы у Насти этой интересо-

вались, например, на чем Петька Шилов спать любил? У меня вот диван-кровать в квартире стоит. Удобная штука. Сейчас приду, раскину бельишко и завалюсь. Приятно после такого денька в подушку уткнуться. А? Вы что-то спросить хотите?

— Я... я не совсем понимаю...

— Вы что же? Считаете, что я знаю больше? Просто у нас нет другого выхода. Нет, — подчеркнул полковник. — Петька Шилов — единственный, о ком мы знаем, что он не только соприкасался с эмиссаром. Я уверен, был бы жив Петька, он нам порассказал бы много интересного. Но он мертв.

— Я не понимаю, при чем тут кровать, на которой спал Петька?

— А при том, — сказал полковник. — Нам надо знать о нем все. Чтобы он и мертвый заговорил.

— Но мы, кажется, и сейчас знаем все.

— Это только кажется. Вы с Беркутовым изучили одну сторону его жизни. Вы искали прямые намеки на связь Петьки с агентом. Так ведь? Кроме того, вы не были уверены, что избранный вами путь — единственный, ведущий к цели. Где-то в тайниках души у вас таилась мысль, что Петька — случайное звено в цепи следствия. Признаюсь, я тоже ушел недалеко от вас. Но не огорчайтесь. Никто не может сказать, что это ошибка следствия. Оно вполне логично вступает в новый этап. До сих пор мы шли по следам неизвестного эмиссара. И это закономерно. Мы многого не знали, многого не понимали. Теперь мы видим, что этот путь исчерпан. Эмиссар затаился, залег. Надеяться, что он проявит себя каким-нибудь новым поступком, было бы глупо. Следовательно, надо искать, пользуясь известными фактами. Вот мы и пойдем, но не по следам агента, а чуть-чуть наискось, чтобы пересечь их в некой точке. Точка эта — Петька Шилов. Другой в распоряжении следствия нет. Понятно теперь? Ну-ка на пробу скажите мне, в какой парикмахерской предпочитал стричься Петька? Молчите? То-то. Мы обязаны изучить все его привычки, «хобби», знать, в какой бане он мылся, какую водку любил и чем закусывал...

— Значит, все сначала? А если?..

— Никаких «если». Петька жил не в вакууме. И вообще пора спать. Уверен, что сегодня мне приснится княгиня в чунях верхом на анаконде. Никогда не видел живую анаконду. Говорят, встречаются экземпляры до тридцати метров. Не слышали?

— Слышал, — сказал Ромашов, вставая. — Но не верю.

— А я верю. Смешно, может быть. Но верю.

На этом они и расстались. Диомидов пошел домой пешком. А Ромашов вскочил в попутный троллейбус. Он был молод и еще не понимал, почему это некоторым людям пешее хождение доставляет удовольствие.

Глава восьмая

ПРИЗРАКИ ОБРЕТАЮТ ПЛОТЬ

Лагутин нервничал и злился. Прошло уже несколько дней с момента окончания ремонтных работ в его лаборатории, а физики, «оккупировавшие» ее, мягко, но настойчиво не подпускали ученого к памятрону. Им, как выражался лысый руководитель проекта, не все еще было ясно. С помощью целого ряда хитроумных приспособлений физики установили, что странное невидимое нечто возникает в камере, когда напряженность магнитного поля, создаваемого памятроном, начинает превышать некоторую определенную величину. Если бы, скажем, можно было проследить за этим «нечто» визуально, то оно оказалось бы похожим на ползущую гусеницу трехметровой толщины. Вокруг этой «гусеницы», по-видимому, образовывался ореол из поля, в котором Маша встретилась с фантомами. Физики настолько увлеклись загадкой, что и не помышляли уступать «поле боя» биологам. Лагутин ругался, жаловался, требовал. Несколько раз он заговаривал с академиком Кривоколеновым. Но тот только отмахивался.

— Потерпите, — говорил он. — Пекло создавалось не для вашего брата. Вот понизим температуру, разберемся, что к чему, тогда милости просим.

На третий день стало ясно, что «гусеница» не собирается уползать далеко. Она как бы топталась на месте. Невидимое, но осязаемое тело пульсировало. Однако за пределы камеры, расширенной во время ремонта установки, не распространялось. Относительно поля ничего определенного сказать было нельзя. Мнения сходились только в одном: природа его — не магнитная. Этого было мало. Экспериментировать, не опасаясь осложнений, было нельзя. Дирекция института категорически запретила кому бы то ни было приближаться к камере памятника. На дверях лагутинской лаборатории повисла красная сургучная печать.

Но дорога науки, как известно, вымощена телами нетерпеливых. Был Ломоносов, и был Рихман. Первый открыл закон сохранения энергии. Второй торопливо запустил змея в грозовую тучу и погиб, так и не разгадав тайну электричества. И тем не менее мы не перестаем его уважать за научный подвиг, совершенный наперекор обывательской поговорке «не зная броду, не суйся в воду».

Однажды Лагутин, томимый вынужденным бездельем, остановился в институтском коридоре поболтать с сотрудницей лаборатории, в которой работал Тужилин. Разговор вращался возле незначительных предметов. Отдавая дань вежливости, Лагутин поинтересовался самочувствием Василия Алексеевича. Женщина заметила, что Тужилин по-прежнему «на высоте», хотя очень недоволен переводом их лаборатории в другое крыло институтского здания.

— А зачем, в самом деле? — спросил вскользь ученый, думая о чем-то постороннем.

— Это вы виноваты, вернее, ваш памятник. Камеру-то расширили за счет нашей лаборатории.

— Вот что, — заметил Лагутин, разводя руками. — А я, знаете ли, об этом и не подозревал. Ну и ну! Как же он те-

перь на новом месте? Тепло хоть там? С Белкой, поди, пришлось повозиться. Рефлексы у нее, часом, не сбились?

— Да они еще в старой лаборатории сбились. Белка уже не помощница Василию Алексеевичу. Одичала...

— Что же это она? — бездумно спросил Лагутин, глядя мимо женщины. — Одичала, значит. Как же это?

И вдруг острая мысль кинжалом вонзилась в мозг. Он схватил женщину за руку и потребовал немедленно подробно рассказать о том, почему одичала Белка. Не добившись толкового ответа на свои вопросы, он бегом кинулся к Тужилину. Белку увидеть не удалось. Василий Алексеевич распорядился еще несколько дней назад отправить собаку *ad patres**. Лагутин окинул выразительным взглядом незадачливого исследователя и попросил уточнить дату, когда это случилось. Тужилин, не понимая, зачем это все нужно, показал журнал, в котором был зафиксирован день замены Белки другой собакой. Это был тот день, когда Лагутин включал памятрон. Совпадали даже часы. И Лагутин и Тужилин тогда пришли в институт несколько раньше обычного. Сомневаться не приходилось: Белка подвергалась воздействию поля, создаваемого памятроном.

— Под суд! — сказал Лагутин.

— Кого? — недоумевающе поднял глаза Тужилин.

— Ученых, которые... — начал Лагутин и, оборвав фразу на полуслове, пошел к выходу. Гулко хлопнула дверь. Тужилин хмыкнул и, оглядев своих коллег, молчаливо прислушивавшихся к разговору, постучал себя по лбу согнутым пальцем. Но одобрительных смешков, на которые рассчитывал, не услышал. В лаборатории царила похоронная тишина. Прыгая через ступеньки, Лагутин взбежал на второй этаж и остановился перед приемной директора Мельника. Поправил сбившийся галстук, потянул ручку и, не глядя на поднимающуюся ему навстречу секретаршу, не спрашивая, у себя ли директор, открыл дверь кабинета.

* К праотцам (латин.).

У Мельника сидел академик Кривоколенов. Увидев Лагутина, они оборвали разговор. У обоих были кислые лица, словно они проглотили по изрядной дозе уксуса.

— Простите, — сказал Лагутин. — Но я должен сообщить вам о том, что получил доказательства непосредственного воздействия нашего поля на память. Мне кажется, что это позволит изменить точку зрения руководства института на предмет, и мы сможем наконец приступить к экспериментам, которые по непонятным причинам сейчас прерваны.

— Опять вы торопитесь, — сказал Кривоколенов. — Вы же сами только что изволили упомянуть о причинах. Причины-то непонятные. А что касается доказательств, то мы послушаем.

Лагутин рассказал о Белке.

— Вот видите, — назидательно поднял палец академик. И повернулся к директору. — Наши опасения подтверждают-ся. Не правда ли, Павел Игнатьевич?

Мельник кивнул. Поворошил разложенные на столе бумаги и подал один из листов Лагутину.

— Тут, — сказал Лагутин, разглядывая листок, — тут только цифры.

— Да, — торжественно, как показалось Лагутину, произнес Мельник. — Тут только цифры. Степан Александрович, — он наклонился в сторону академика, — был так любезен, что познакомил нас с некоторыми формулами, которые заключают в себе... которые позволяют нам судить о некоторых характеристиках этого поля.

— Но я не математик, — сердито произнес Лагутин.

Академик и директор переглянулись. Кривоколенов сказал:

— Э, чего там! Просто его не должно быть.

— Как это так? — возмутился Лагутин.

— Как? — задумался академик. — Бог его знает. Расчеты утверждают, что этого вашего поля не должно быть. Понимаете?

— Как же я это могу понять? Поле-то есть. Значит, расчеты не годятся.

— Вот эйнштейнова константа, — торжественно сказал академик.

— Ну и что? — задал вопрос Лагутин.

— А то, — буркнул Кривоколенов, — что другой константы я не знаю.

— Но ведь не пойдете же вы против факта. Поле-то существует.

— Вот именно, — кивнул академик. — Мы некоторым образом замечаем присутствие этого поля. Но его природа остается загадочной. Ваш памятрон создавался как генератор электромагнитного поля большой напряженности. Вы начали с миллионов гаусс и до какого-то определенного момен-

та непрерывно усиливали поле. Добились же только гибели подопытных животных. Потом, я имею в виду прискорбный эпизод с Машей, памятрону был задан такой режим, что напряженность поля достигла еще более колоссальной величины. Выражаясь популярно, здесь-то и произошел скачок в новое качество. Электромагнитное поле переродилось. Высвободилась какая-то дополнительная порция энергии. И на свет выползла ваша «гусеница». Вы только что информировали нас об эпизоде с собачкой. Картина напоминает, я бы сказал, весьма напоминает, самую рядовую амнезию. Вызвало же ее это новое, неизвестное нам поле. Оно просто погасило все благоприобретенные собачкой рефлексy. Да, оно, как вы извоили заметить, взаимодействует. Но только односторонне. Подуйте на свечку: она потухнет.

— Нет, — сказал Лагутин. — Тут что-то не так... Я же подвергался воздействию поля. И Маша..:

— Кратковременное воздействие, — начал академик, но его прервал телефонный звонок. Мельник поднял трубку.

— Да, — сказал он. — Да, они сейчас здесь... Что? В клинику?.. Диомидов?.. Хорошо... Скажу...

Он положил трубку и повернулся к Лагутину.

— Нам придется продолжить... м-мм... беседу в другое время. Звонили из управления КГБ. Ивана Прокофьевича желает видеть тот следователь, помните? Диомидов. Он лежит в клинике.

— Что с ним?

Мельник развел руками.

Сознание возвращалось толчками. В моменты прояснений Диомидов соображал, что лежит на больничной койке, делал попытку поднять голову, но тут же проваливался в зеленую тьму, где его окружали фиолетовые чудовища. Они с хохотом набрасывались на Диомидова и душили его. Полковник вскрикивал, просыпался в холодном поту. Потом снова куда-то про-

валивался, бродил по каким-то темным коридорам, пытаясь найти выход к свету, но не находил его, хотя знал, что идет по правильному пути.

Прошли сутки, прежде чем он окончательно пришел в себя. Открыл глаза и увидел незнакомого краснолицего человека в белом халате. Краснолицый усмехнулся добро и басом сказал:

— Выкарабкались. Отлично. Только... Нет-нет, вы уж, будьте ласковы, полежите спокойно, — быстро заговорил он, заметив, что Диомидов сделал попытку приподняться на постели. — Прыгать еще раненько.

— Что? — спросил Диомидов.

Краснолицый понял:

— Перелом ключицы, трещина в тазобедренной кости.

— Все?

— Ну и небольшая дырка в черепе. В районе теменной кости.

— Где я?

— У Склифосовского.

— Сколько?

Краснолицый показал один палец.

— Сутки, — сказал он. — Точнее, чуть больше. Но сейчас уже все в порядке. Главное — не волноваться, лежать спокойно.

— Да уж, — буркнул Диомидов и закрыл глаза. В его положении только и оставалось лежать спокойно. Надо же было этой чертовой стене обрушиться так некстати!

— Попробуйте заснуть, — посоветовал краснолицый.

— Мне надо поговорить с Ромашовым, — сказал Диомидов.

— Это который в очках? Такой высокий молодой человек?

— Да.

— Нельзя. Кроме того, учтите, вы еще нетранспортабельны.

— Ах вот оно что! — сказал Диомидов. — Но Ромашов мне нужен. Он, надеюсь, транспортабелен. Я должен задать ему один вопрос.

— Ни одного! — отрезал краснолицый.

— Я буду жаловаться, — погрозил Диомидов.

Краснолицый отмахнулся от него, как от назойливой мухи, и стал сосредоточенно рассматривать на свет пробирку с синей жидкостью. Диомидов осторожно выпростал из-под одеяла здоровую руку и пощупал повязку на голове.

— Не валяйте дурака, — спокойно сказал краснолицый. — Вы что? Не верите мне?

— Мне нужно поговорить с Ромашовым, — упрямо сказал полковник. — Мне наплевать на ваши больничные порядки. Вы понимаете, что дело не терпит отлагательства?

— Дела остались там, — равнодушно сказал краснолицый, кивнув на окно. — А если вам нравится грубить — грубите. Только не вертите и не сбивайте тюрбан. В конце концов это ваша голова. Проявите о ней заботу.

— Извините, — сказал Диомидов. — Я не хотел грубить. Но я не смогу спокойно лежать, пока не поговорю с Ромашовым.

— Это серьезно? — подозрительно покосился краснолицый.

— Даю слово.

— Хорошо. Как только он появится, я пущу его к вам. На пять минут. Хватит?

— Да, — сказал Диомидов, испытывая прилив благодарности к все понимающему краснолицему.

Потом он заснул. Проснулся вечером и испугался. А что, если Ромашов приходил, когда он спал? И краснолицего не видно. У койки дремала с книжкой на коленях сестра. Будить ее Диомидов не стал. «Спрошу, когда проснется», — решил он. И подумал, что ночью Ромашов все равно не придет. Даже если бы он и захотел. Не пустят. «Дела остались там». Как бы не так! Там осталась эта чертова штука. Ее нужно немедленно вытащить из-под обломков стены и поставить точку под делом Беклемишева.

Ему очень хотелось поставить точку. Он сильно торопился в последние дни. И он не подумал в тот момент, что стена

может рухнуть. Впрочем, разве можно было предусмотреть это? Прочная ограда развалилась на куски, как от взрыва, хотя никакого взрыва не было и не могло быть.

«Дела остались там», — снова вспомнил он фразу краснолицего. «Там» остался мотоцикл. Да еще труп. Последний труп в этой фантазмагорической истории. Беклемишев, Петька Шилов да еще этот — Отто. Последнего все равно ждала виселица. И в общем-то не имели значения подробности, которые он сообщил бы, если бы остался в живых. Все уже было известно следствию. Мертвый Петька Шилов дал исчерпывающие показания. Убирая его с дороги, этот Отто никак не рассчитывал получить обратный эффект. Он тонко продумал все детали. Петьки в разработанной им схеме не было. Петька сидел в тюрьме. Так полагал Отто, возвращаясь из Сосенска в Москву. Но на вокзале он неожиданно увидел Петьку. Вор спал на длинной скамье. Отто решил этот кончик оборвать. Он быстренько отвез Тужилиных домой и возвратился на вокзал. Растолкав спящего, он пригласил его совершить поездку в лес. Возможно, он придумал какой-нибудь убедительный предлог. Деталей теперь уже не узнать. В лесу он дал Петьке в руки трость Беклемишева и, отпустив его на двадцать шагов, выстрелил. Ему казалось, что таким способом можно убить двух зайцев: увидеть действие этой трости и избавиться от ненужного свидетеля.

В Сосенске он провозился с оформлением инсценировки «самоубийства» Беклемишева.

Когда он застрелил старика, в саду вспыхнул свет. Преодолев естественный испуг, Отто сообразил, почему он возник. Но в этот момент увидел Бухвостова и убежал, чтобы вернуться в сад на следующую ночь. Он быстро преодолел пять километров, отделявших его от места рыбалки, убедился, что рыболовы, усыпленные им, продолжают спать, забрался в постель и разбудил Мухортова. Вот откуда у аптекаря и появилось убеждение, что он всю ночь бодрствовал возле «чуть не утонувшего Ридашева».

Стреляя в вора, Отто надеялся узнать наконец, что же за вещь попала ему в руки. Но он перестраховался. Двадцать шагов — это далеко. Ему удалось снова увидеть только вспышку света, и затем все исчезло. А на поляну вышла Зоя. Ее появление совпало с окончанием действия этой штуки. Возникла яма. В ней лежал труп вора и трость. Вторично стрелять убийца не решился — не знал, как поведет себя трость.

А теперь трость эта мирно покоеится под обвалившейся каменной оградой. И никто, кроме Диомидова, об этом не знает. И никто, кроме него, даже не подозревает, что это за штука. А сам он? Все ли он понял из увиденного после того, как зеленый шар выбросил отростки, и они впились ему в мозг, обволакивая сознание странной, какой-то ощутимой пеленой?

Утром Ромашов позвонил в больницу.

— Да, — лаконично ответил врач. — Все будет хорошо. Он пришел в себя... Да. Можно навестить... Недолго, учтите. — И повесил трубку.

Диомидов не раз говорил Ромашову, что в беклемишевском деле, в сущности, нет никакой загадки.

— Надо только распутать клубок, — любил повторять полковник. — И вы увидите, что оно выведенного яйца не стоит. Любое дело кажется загадочным, пока мы не раскусим его. Когда слетит скорлупа, окажется, что орешек в общем-то ничего особенного из себя не представляет.

— А трость? — возражал Ромашов.

— Это дело ученых, — говорил Диомидов. — Наша задача найти убийцу. А в убийце ничего фантастического и непонятного нет. Это не привидение. Он не летает по воздуху, а ходит по земле. И оставляет следы. Он не может не оставлять следов. Понимаете?

В конце концов Диомидов оказался прав. День за днем он и Ромашов скрупулезно «монтировали», как выразился однаж-

ды полковник, киноленту жизни Петьки Шилова. Разрозненные кадры, собранные из показаний многих людей, сливались постепенно в цельную картину.

— Проверяйте всех Петькиных знакомых, — напоминал Диомидов. — Не забывайте о том, кого мы ищем. Вот тут, я вижу, у вас записано, что Петька ходил бриться в парикмахерскую на Балчуге. Вы смотрели личные дела мастеров?

— Смотрел, — говорил Ромашов.

Он уже обалдел от этой работы. Сотни людей. Сотни мимолетных Петькиных встреч. Все это мельтешило в глазах, наслаивалось, путалось. Он удивлялся Диомидову, который взвалил на себя три четверти работы и ни разу даже не выругался.

— А тех, кто уволился? — спрашивал Диомидов. — За последние пять лет?

— Да, — вздыхал Ромашов.

Ему казалось иногда, что они взялись решать непосильную задачу. Легко сказать — изучить последние пять лет Петькиной жизни и найти в этом стоге иголку, сиречь следы связи Петьки с агентом Хенгенау. Утешало только одно обстоятельство: Ромашов знал этого агента в лицо. Он два раза встречал в Сосенске «писателя Ридашева». Это утешало и злило одновременно. Утешало потому, что облегчало работу. Ромашову достаточно было взглянуть на человека, чтобы сказать: не он. А злило потому, что он, Ромашов, ходил в Сосенске рядом с агентом и не знал об этом.

По вечерам Диомидов усаживал Ромашова рядом, придвигал поближе пухнущую день ото дня папку с жизнеописанием Петьки и листал ее, рассуждая вслух. Особенно придирчиво он относился ко всему, что касалось лета 19... года. Удалось установить, что в это время у Петьки было много денег. Но источник оставался неясным. Пытаясь уточнить это обстоятельство, Диомидов обратился за помощью в МУР, тщательно просмотрел много архивных дел, особенно внимательно изучал нераскрытые кражи. Однако ничего подходящего не нашел.

Конечно, Петька мог украсть деньги и не в Москве. Но в тот год он никуда из столицы не выезжал.

— Занятно, — говорил Диомидов. — Смотрите. Летом у Петьки куча денег. Осенью, растратив их, он крадет бумажник у гражданина Полуэктова и благополучно садится в тюрьму. Где же он украл ту «кучу»? И почему так ловко? Судя по его делам, он в общем-то вор из невезучих. Что-то тут не сходится. А? Уж не оказал ли он какую-то услугу нашему подшефному?

Ромашов соглашался, что это предположение весьма вероятно. Но с какой стороны начать его проверять?

— А с той же самой, — сердился Диомидов.

И утро начиналось с «той же самой». Люди. Лица. Анкеты. Вопросы. Ответы. Десятки людей. Сотни вопросов. Прямых, наводящих, вопросов с намеком и вопросов обходных, похожих на разбитый объезд возле перекрытого шлагбаумами асфальтового шоссе. Пока однажды перед Диомидовым не появился человек с заячьей губой.

— Корешовали с Петькой? — в упор спросил Диомидов.

Заячья губа приподнялась. Это должно было означать презрительную ухмылку.

— Не, начальник, чего не, того не...

— А мне говорили другое.

— Кто? Филя, что ли? Брешет. Он же чокнутый. Два раза в пивной сидели. Было. А так? Не. Чего не, того не.

— В пивной-то Петька угощал?

— Петька. Так ведь это когда было? Или копаешь что, начальник? Так ведь кончился Петька.

— Кончился, — задумчиво сказал Диомидов. — А ты, часом, не знаешь, кто его кончил?

— Чего не, того не. Только мы тут зачем бы? Шутишь, начальник. Не под тем фонарем ищешь.

— Шучу, — заметил Диомидов.

И как бы между прочим заговорил о том, что вот вроде найден пистолет, из которого стреляли в Петьку, и еще кое-

какие вещи, которые указывают не то чтобы на человека с заячьей губой, но... Заячья губа только хлопал глазами, слушая Диомидова. Его интеллект никак не мог уловить, что же от него хочет полковник. Понимал он одно: он, Заячья губа, и его кореша тут, конечно, вне подозрений. Кто-то Петьку убил. Этого кого-то ищут. В общем, чуть ли не нашли. А Заячью губу пригласили просто для уточнения некоторых деталей об образе жизни Петьки. Нужно, например, знать, сколько водки мог выпить Петька за один присест. Этот вопрос полковник обсуждал с Заячьей губой не менее десяти минут. Заячья губа вошел во вкус. Заметив это, Диомидов как бы невзначай поинтересовался результатами той давней выпивки. Заячья губа, сбитый с толку и утративший подозрительность, с которой начинал этот разговор, махнул рукой и выразился в том смысле, что та выпивка не показательна. Петька пил мало, болтал, что торопится к сапожнику, который что-то там был ему должен. Он заплатил за угощение, и Заячья губа проводил остаток вечера в одиночестве.

Диомидов отметил в памяти сапожника и перевел разговор в область рассуждений об обуви вообще и Петькиной в частности.

— Конечно, — сказал он, — если у него были мозоли, то к сапожнику лучше. Тут уж без обмана.

Заячья губа, разгоряченный предыдущими воспоминаниями, не сразу сообразил, что беседа уходит в другую плоскость. Обувь его не интересовала. Он заметил, что Петька торопился к сапожнику отнюдь не за ботинками, а, по всей видимости, за деньгами.

И на сцену вдруг выплыло словечко «ксива». Диомидов понял, что речь идет о каком-то документе, который Петька за большие деньги продал некоему сапожнику.

— Стоп, — сказал полковник.

Заячья губа ошалело смотрел на него. Диомидов потребовал подробностей.

— Словили вы меня, начальник, — огорчился Заячья губа. — Но чего не, того не...

Из дальнейших сбивчивых пояснений Заячьей губы вытекало, что он всегда считал Петьку великим трепачом. И тогдашней его фразе про «ксиву», проданную сапожнику, Заячья губа не придал значения. Кроме того, с точки зрения Заячьей губы этот факт был мелким, не стоящим внимания. Рядовым фактом, одним словом. Потерявшим ко всему еще свою значимость за давностью времени.

— Ну-с, — сказал Диомидов Ромашову, когда они остались одни. — Как мы будем расценивать эту информацию?

— Во всяком случае, — усмехнулся Ромашов, — пища для умозаключений имеется.

— А по-моему, — заметил Диомидов, — имеется умозаключение. Но его нужно просто обосновать.

— Настоящий Ридашев?

Диомидов кивнул.

— Да, — сказал он. — Мы не интересовались писателем Ридашевым с этой стороны. Теперь, когда нам окончательно ясно, что сам он к беклемишевскому делу непричастен, думаю, можно и поговорить с ним. Мне вообще-то не хотелось тревожить этого человека. Но что поделаешь? Хотя... Хотя давайте-ка свяжемся с паспортным столом. Уточним.

Умозаключение подтвердилось. Два года назад писатель Ридашев заявил, что он потерял паспорт. Ему был выдан новый.

— Что и требовалось доказать, — сказал Диомидов. — Кстати, вспомните-ка записную книжку Хенгенау. Именно тогда Зигфрид сообщил данные об Отто Дирксену. А данные-то были старые. Поэтому Отто, предупрежденный Зигфридом, на всякий случай решил обзавестись документами Ридашева.

— Зачем?

— Не у кого спросить, — усмехнулся Диомидов. — Вот поймаем Отто, тогда уж.

Потом им предстояло ответить на вопрос: сколько сапож-

ников в Москве? Потом... было много «потом». До тех пор, пока Ромашов не сказал: он!

...Они стояли у прилавка в булочной. В окно был виден дом напротив. Машину Диомидов поставил за угол.

— Он, — сказал Ромашов и передал Диомидову бинокль.

— Вот, значит, когда встретились, — пробормотал Диомидов, разглядывая в окне дома напротив фигуру человека, склонившегося над низеньким столиком. — Однако я где-то его уже видел. Где же? Странно...

Он видел Отто, когда ехал к Зое. Бежевое такси стояло тогда рядом с диомидовской машиной перед светофором...

Человек за окном методично взмахивал рукой с молотком. Изредка он отрывался от работы и бросал меланхоличный взгляд на улицу.

— Нет, не припомню, — сказал Диомидов, опуская бинокль. — Да и не место здесь предаваться воспоминаниям. Опергруппа готова?

— Они ждут звонка.

— Что ж, — сказал Диомидов. — Пора, пожалуй. А то скоро станет темно. Идите. А я понаблюдаю.

Автомат был в «Гастрономе», метрах в трехстах от булочной. Ромашов поднял воротник пальто и пошел звонить. Ходил он минут пять. Когда вернулся, Диомидова в булочной не было.

— Он рассердился на что-то, — сказала продавщица. — И убежал.

Ромашов выругался про себя и бросился к дому напротив. Дверь квартиры сапожника была раскрыта. Ни его, ни Диомидова, ни следов борьбы Ромашов не обнаружил. Машины за углом не было тоже.

Глава девятая

ПАРАДОКС ВЕЛИКОГО ПТА

Диомидов приветственно помахал Ромашову здоровой рукой. Краснолицый доктор показал им обоим растопыренную длань, что должно было означать пять минут, и вышел из палаты.

— Он узнал вас, когда вы вышли из булочной, — сказал Диомидов. — И у него был мотоцикл.

Ромашов кивнул. Он понял это потом, во время погони. Опергруппа два часа металась по Москве, пока не вышла на верные следы. Три машины и два мотоцикла вырвались на загородное шоссе. Автомобиль Диомидова стоял на обочине в двух шагах от каменной стены старинного парка. Метрах в ста валялся мотоцикл. В двадцати шагах от него Ромашов наткнулся на труп Отто. Неподалеку, под обломками стены, непонятно почему обрушившейся, лежал без сознания Диомидов.

— Мне не хотелось его убивать, — сказал Диомидов. — Сперва я снял его с мотоцикла. Уже темнело. Пока я держал его в свете фар, он стрелял. Мне это надоело. Остановил ма-

шину. Удалось попасть в колесо. Думал, что он покалечится. Мотоцикл сделал, наверно, восемь оборотов. А он, сволочь, уцелел. Вскочил на стену. Ну и... А вы эту штуку нашли?

— Какую штуку? — удивился Ромашов.

— Да трость эту. Она же под стеной осталась. Этот Отто выронил ее, когда полез на стену.

— Мы не думали, — сказал Ромашов.

— Я так и предполагал, — заметил Диомидов. — А она осталась под обломками. Ведь из-за нее стена обрушилась.

— Я сейчас позвоню, — сказал Ромашов.

— Да, надо сделать это побыстрее. И знаете что. Позвоните заодно тому ученому. Лагутину. У меня есть для него кое-что интересное.

— Но доктор? — сказал Ромашов.

— Что доктор?

— Он сейчас придет и выгонит меня.

Диомидов усмехнулся.

— Я знаю петушиное слово. Кроме того, и доктору полезно послушать. Таких вещей ни один доктор на Земле еще не слышал. Эту штучку вкусил, видимо, только Беклемишев. Да еще те «приносящие жертву». Но они, бедные, ни черта не поняли.

Диомидов замолчал. Потом задумчиво заметил:

— Да и я, признаться, тоже.

Дверь открылась, и на пороге возник краснолицый. Его правая рука описала в воздухе полукруг, который можно было истолковать только в одном значении. Диомидов заговорщически подмигнул Ромашову. Тому так и не удалось узнать, какое же петушиное слово сказал полковник врачу. Когда он, позвонив по телефону, вернулся в палату, краснолицый доктор мирно беседовал с Диомидовым. На появление Ромашова он не обратил внимания.

— Все в порядке, — сказал Диомидов, вкладывая в эти слова и вопрос и утверждение одновременно.

— Да, — сказал Ромашов. — Мне удалось застать Лагутина на месте. Он уже, наверное, выехал.

Ждать пришлось недолго. Когда Лагутин в наспех накинутом халате уселся возле постели, Диомидов сказал:

— Я, пожалуй, начну с самой сути. Когда я выстрелил, эта трость, валявшаяся возле стены, вдруг вспыхнула зеленым светом. На какое-то мгновение я увидел перед собой зеленый шар...

Лагутин завозился на табуретке, устраиваясь поудобнее. Краснолицый врач с изумлением уставился на Диомидова. Он впервые слышал о том, что такое может быть. Ромашов тоже наострил уши. Он сидел дальше всех от кровати, а полковник говорил тихо. И ему пришлось наклонить голову, чтобы не пропустить ни слова из удивительного рассказа.

...Шар превратился в зеленое облако, плававшее над землей. Из него потянулись зеленые отростки. Один из них коснулся головы. Диомидов отпрянул. Но было уже поздно. Что-то мягкое, липучее обволокло мозг. И Диомидов ощутил себя кем-то другим. В то же время он чувствовал, что этот другой — он сам. Только его диомидовское «я» отодвинулось очень далеко. На первом плане жил и действовал тот — второй. Звали его Пта.

Его руки лежали на отливающем синевой грушевидном предмете. Диомидов не понимал, что это. Пта знал, что стоит перед пультом управления. Он только что включил аппарат долговременной памяти, который должен был зафиксировать все, что увидит и почувствует он, Пта. А Диомидов подумал, что этот аппарат очень похож на тот жезл, который столько лет пролежал зарытым в беклемишевском саду. Диомидов с удивлением и робостью разглядывал странную компанию кошколодей, пытался понять, о чем они говорят. Мысли Диомидова странным образом переплетались с мыслями Пта, который думал об участниках экспедиции, о беспокойном Кти, о сомнениях, его одолевавших. Он поговорил с Кти и перевел взгляд на пульт. Прямо перед его глазами находился экран обзора.

Его края были словно обожжены. В середине темнел провал, черное пятно, заметно уменьшающееся. Он знал: когда это пятно превратится в точку, установка перестанет существовать.

— Включаю защиту, — тихо произнес он и сдвинул ладони на пульте. Сверху с легким свистом опустился стержень с темным шариком на конце. По нему побежали красные искры, сплетаясь в причудливом узоры. Затем над участниками опыта бозник зеленый туман, скрыл их фигуры, стал уплотняться.

Начинался опыт. Теперь никто не мог остановить его. Высшая защита позволяла только ощущать происходящее.

Это был Великий Опыт. Пта называл его прыжком в бесконечность. Он рассчитал режим работы установки, он разработал защиту, которая могла выдержать напор энергии, он поманил неизведанным. И нашлись добровольцы, те, кто жаждал знаний так же страстно, как жаждал их Пта. Но был еще парадокс: при удачном исходе опыта его участники оставались в одиночестве. Они навсегда расставались со своей цивилизацией, знания, добытые ими, не могли никому пригодиться. Такова была цена Великого Опыта. Пта утешала только мысль о преемственности цивилизаций. Они пронесут эстафету через время и передадут ее тем, кто будет после них.

...В мозгу стали возникать неясные образы. Плещущие оранжевые языки на пронзительно черном фоне сменились мертвенным, синим светом. Он изливался, казалось, отовсюду и проникал в каждую клетку. Синий свет пульсировал, переливался немыслимыми оттенками. Возникали и в то же мгновение исчезали странные фигуры, мелькали фиолетовые тени. Потом открылся космос. И Диомидов услышал голос Пта.

— Сейчас мы видим свет, который давно умер. Установка будет работать еще (тут Пта употребил термин, обозначающий, видимо, какой-то отрезок времени). За этот период наш взгляд проникнет очень далеко во вселенную. Смотрите же лучше...

Диомидов замолчал. Краснолицый врач наклонился к постели и поправил подушку. Он ничего не понимал. Да и осталь-

ные слушатели были не в лучшем положении. Лагутин нетерпеливо попросил:

— Дальше? Что было дальше?

— Мне трудно рассказывать, — задумчиво произнес Диомидов. — Нет, нет, — отмахнулся он, заметив движение красноты на лице. — Трудно потому, что я в том своем, втором варианте мыслил не так... И мне сейчас нужны какие-то новые слова, чтобы передать все... Там были другие категории понятий. Странная терминология, недоступные зрительные образы. Мне — тому все казалось в порядке вещей. Но мое настоящее «я», о котором, кстати, я не забывал ни на секунду, так вот, это мое настоящее «я» находилось в положении человека, листающего книгу на незнакомом языке. Причем даже это сравнение весьма приблизительно. Ну вот хотя бы: мне сразу показалось, что установка напоминала космический корабль. На самом деле никакого корабля не было. Скорее это была некая изолированная камера. Потому что мое второе «я» отлично помнило сцену начала Великого Опыта. Мы долго ехали на машине, напоминающей пулю, увеличенную в десятки тысяч раз, ехали по равнине, залитой красноватым светом заходящего солнца. Потом спускались под землю, где находилась установка для проведения Великого Опыта. Нас никто не провожал, потому что этого нельзя было сделать по причинам, которые для моего второго «я» были настолько ясны, что «я» настоящее о них попросту не могло составить представления.

— А сам опыт? — спросил Лагутин.

— Я уже говорил, что мое второе «я» мыслило категориями, недоступными для моего понимания. В приблизительном переводе Великий Опыт означал переход через световой барьер. Причем обставлялся опыт так, что не его участники осуществляли прорыв, а само пространство и время обрушивалось на установку.словно бесконечная вселенная сорвалась и понеслась сквозь установку. Представьте себе, что вы сидите в центре шара, а стенки его не что иное, как сплошной

экран. И на нем звезды. Так вот, эти звезды непрерывно текут сквозь ваше тело. Как мячики в стереокино. Мальчик бросает в вас мячик. Кажется, вот-вот он ударится в вашу голову. Нечто похожее и я наблюдал. Только не мячики на меня летели, а звезды. Недаром Беклемишев в свое время определил это как конец света.

— Прыжок в бесконечность, — сказал Лагутин.

— Может, и так, — согласился Диомидов. — Однако их установка была хитро устроена. Время от времени — кстати, весь опыт, по-моему, продолжался минут пять, — так вот, время от времени внутренность сферы, в которой я находился, гасла, и глазам предстал только один ее участок. Выбор происходил, конечно, случайно: просто работала автоматика. Так вот, в эти моменты мы словно оказывались перед телескопом. Помните странные картинки в яме? Это были остаточные явления. А нам, находящимся в кабине установки, удалось заглянуть в жизнь какой-то невообразимо далекой планеты. Продолжалось это несколько секунд. Сначала появилась планета, потом изображение приблизилось настолько, что я смог рассмотреть странный город с кубическими зданиями, на миг мелькнуло тело какого-то существа, прямоугольные зрачки... И опыт кончился.

— Все? — спросил Лагутин.

— Нет еще, — улыбнулся Диомидов. — Опыт-то кончился, а действие этого жезла продолжалось. По всей видимости, этот прибор сейчас является не чем иным, как демонстрационным аппаратом. В свое время он был включен на запись памяти. Ну и работал, пока его не выключил этот Пта.

— А затем было вот что, — сказал Диомидов после минутного отдыха. — Даже не знаю, как все это поточнее передать. Словом, как только опыт закончился, меня будто бы неожиданно выкинули из этой установки и забросили высоко над землей. Не меня — Диомидова, а того — Пта. И будто

бы повис я в воздухе над лесом. И вижу: прямо перед глазами совсем из ничего выкатился вдруг зеленый шар. Покачался над деревьями и мягко опустился на полянку. А я снова в установке очутился. Смешно?

Лагутин только вздохнул в ответ.

— Кстати, — сказал Диомидов, — вот я рассказываю сейчас и чувствую, что вы не до конца меня понимаете. А толковой не выходит. Ну вот хоть с этим эпизодом. Ни Пта, ни тем более я сам установки не покидали. Мы не могли этого сделать по одной простой причине. С того самого момента, как Пта включил высшую защиту, никого из участников опыта вроде и не существовало. Оставалось только понимание того, что я нахожусь в раздвоенном виде. Ни рук своих, ни ног, ни соседей, с которыми беседовал перед опытом, я не видел. Все было как во сне. Вроде ты присутствуешь при событиях, а вроде и нет тебя.

— Да, это трудно усвоить сразу, — сказал Лагутин, потирая лоб.

Ромашов и краснолицый врач молчали.

— Неужели вам кажется, — улыбнулся Диомидов, — что я лучше осведомлен? Конечно, будь на моем месте ученый, сн, наверное, кое в чем разобрался бы. Но ведь еще не все потеряно. Эту штучку, — он взглянул на Ромашова, — наверное, уже извлекли из-под стены?

Ромашов кивнул, сказал, что он сейчас пойдет звонить.

— А вас я позвал, — сказал Диомидов Лагутину, — вот почему. Я видел фиолетовых чудовищ, наделавших шуму в мире. Да. Только вот в чем дело. Они не были тогда чудовищами. Словом, лучше по порядку. Удивлять так удивлять. Короче говоря, когда защита растворилась и мы, не подберу другого слова, возникли из небытия, я, или Пта, как хотите, стал команду приступать к исследованиям. В чем они заключались, сказать могу только в общих чертах. Из установки никто не вышел на поверхность планеты. Наш шар оцетинился датчиками, загудели какие-то машины. Ко мне один за дру-

гим стали подходить кошколюди с результатами анализов атмосферы, почвы, растений — словом, всего, что нас окружало. Не понимаю, как я воспринимал это, но помню отчетливо одну мысль об адаптации. О необходимости адаптации, приспособления к новым условиям, в которых мы очутились.

— Разве это было не на Земле? — вырвалось у Лагутина.

— Не знаю, — сказал Диомидов. — Хотя постойте. Конечно, на Земле. Ведь тросточка-то сейчас на Земле... И потом... Впрочем, я все время был уверен, что нахожусь на Земле. Ну бог с ним. Уже немного осталось рассказать. Об этой самой адаптации. Несколько часов Пта обрабатывал данные на какой-то странной машине с экраном. На нем все время держалось изображение, которое неуловимо менялось. Сначала это был кошкочеловек, а под конец... Как вы думаете?

— Фиолетовая обезьяна, — быстро сказал Лагутин.

— Да, — медленно произнес Диомидов. — А потом началось самое странное. Все участники опыта по очереди стали проходить сквозь... Не знаю, как даже это описать... То ли какая-то туманная завеса, то ли плотная кисея, которая возникла после того, как я, простите, Пта, поиграл пальцами на пульте. Пта пошел последним. Но не это важно. После того как кошколюди проходили через этот туман, они становились фиолетовыми обезьянами. Впрочем, это название ни о чем не говорит. Они становились людьми, правда очень похожими на обезьян из сельвы, но людьми. Да ведь и обезьяны из сельвы в общем были люди. Странный цвет кожи — только и всего. Да еще бессмысленный взгляд. Это у обезьян. А у бывших кошколюдей взгляд был вполне осмысленным.

— Вот чудасия, — пробормотал краснолицый врач. Лагутин кивнул. А Ромашов заерзал беспокойно на стуле и вдруг вскочил.

— Не терпится? — усмехнулся Диомидов.

— Пойду узнаю.

Ромашов вышел. Отсутствовал он минут пять. Вернулся довольный.

— Ну как? — спросил Диомидов.

— Нашли, — быстро сказал Ромашов. — Генерал дал команду отправить тросточку к вам в институт, — обратился он к Лагутину.

Тот кивнул, но с места не сдвинулся. Всем было интересно прослушать диомидовский рассказ до конца.

— А в общем-то, — сказал Диомидов, — это и все, пожалуй. Пта прошел последним через адаптационный аппарат и прикоснулся к пятну на пульте. В глазах у меня сверкнул свет, все исчезло, а я очутился здесь.

— Н-да, — протянул краснолицый врач.

— Любопытно, — сказал Лагутин. — Если они собирались передать нам информацию о Великом Опыте, то непонятно, как это они думали сделать. Ведь надеяться на то, что эта тросточка попадет к нам, по меньшей мере глупо...

— Вот именно, — сказал Диомидов. — Приплюсуйте сюда еще удивительный способ включения этого прибора. «Приносящий жертву...» Помните?

Лагутин наклонил голову.

— Да, — сказал он. — Загадок тут порядочно.

Выйдя на улицу, Лагутин купил свежую газету. На четвертой странице наткнулся на пространный перевод статьи из «Глоб».

«Тайна фиолетовой чумы раскрыта», — прочитал он. — «Еще одно преступление нацистов против человечества». «Немец-антифашист Курт Мейер делает потрясающее разоблачение». «Вчера на пресс-конференции в Рио Курт Мейер заявил, что он нашел в сельве развалины лаборатории фашистского профессора Людвиг Хенгенау. Этот отщепенец, как выяснилось, экспериментировал над людьми. Ему удалось найти средство, вызывающее мгновенную перестройку белковой структуры клеток живого организма. Причем клетки, перестраиваясь, приобретали активность. Возникла как бы возможность цепной реакции. Малейший контакт с зараженным организмом приводил или к гибели, или превращал контактирую-

щее лицо в фиолетовое чудовище. Механизм самого процесса далеко не ясен. Некоторые из присутствовавших на пресс-конференции видных биологов утверждают даже, что этого не может быть, что это противоречит известным законам природы и современной теории эволюции организмов. Но мы не можем просто отмахнуться от факта существования обезьян. Наш долг пролить свет на их происхождение и в этой связи хотя бы прислушаться к голосу человека, который совершил подобную попытку».

— Адаптация, — пробормотал Лагутин, засовывая газету в карман. И быстро зашагал к институту.

Прошел месяц. Улеглись страсти, разгоревшиеся в ученом мире после появления в институте странного предмета, который теперь никто уже не называл ни тростью, ни жезлом. Предположения и домыслы относительно происхождения и назначения этой вещи отстучали, как град по крыше. Пришла пора систематических исследований, но их никто не торопился начинать, ибо не было известно главное — с чего начинать. Руководство института осторожничило. Во избежание нежелательных последствий от неаккуратного обращения странный предмет было запрещено держать в помещении. И теперь он лежал в центре институтского двора на постаменте из бетона под прочным пластиковым колпаком. «Памятник», — съязвил как-то Лагутин. «Кому»? — спросила Маша. «Уму», — сердито откликнулся Лагутин. «Пойдем посмотрим, какая она сегодня», — предложила Маша. «Почему она?» — спросил Лагутин. «Не знаю, — сказала Маша. — Может, потому, что она ассоциируется в моем сознании с палкой».

Они подошли к постаменту. Предмет и в самом деле напоминал палку с набалдашником.

— Сегодня она прозрачная, — сказала Маша. — А в шарике красноватое мерцание.

— Сине-фиолетовая, — произнес Лагутин. — А набалдашник зеленый.

Если бы сейчас рядом с ними находился Тужилин, то он увидел бы другие цвета. Разные люди в разные дни по-разному воспринимали расцветку палки. Академик Кривоколенов называл ее поэтому «хамелеоном». Кто-то сфотографировал странный предмет. На фотографии был ясно виден постамент, а палка не наблюдалась, словно ее и не было вовсе. Опыт повторили несколько раз с тем же результатом.

— Мне приходит в голову, — сказал по этому поводу Лагутин, — что это не вещество, а скрученное особым образом силовое поле. И видим мы его не глазами, а воспринимаем непосредственно мозгом.

— Та-та-та, — только и сказал на это академик, постучав пальцами по столу. Они сидели в тот день в кабинете у Кривоколенова и рассматривали фотографии.

— Силовое поле, — продолжил Лагутин свою мысль, — напоминающее ту субстанцию, которая возникает в камере пэматрона.

— Ишь вы куда, — буркнул академик. — Как дытел — все в одну точку.

— Просто я не вижу другого объяснения.

— А мне не надо объяснений, — рассердился академик. — Я привык к исследованиям.

— Мы можем их начать хоть сейчас.

— Принести жертву, — хмыкнул Кривоколенов.

— Я не о палке говорю, — сказал Лагутин. — Эта вещь попала к нам случайно. И я полагаю, она для нас не предназначена. Больше того, что увидел Диомидов, мы все равно из нее не вытянем.

— Любопытно. А из чего же прикажете вытягивать?

— Из нашей наследственной памяти.

— Новая гипотеза? — саркастически осведомился академик.

— Да нет, не новая. Я уже не раз высказывал свою точку

зрения. А рассказ Диомидова только подтвердил ее. Мы не первая цивилизация на Земле. И в этом все дело.

— Пока не представляю себе, что вы имеете в виду.

— Однажды, может, миллиард лет назад, может, больше, ученые той далекой цивилизации установили, что Земле предстоит пережить космическую катастрофу такого масштаба, что ни одно из имеющихся в их распоряжении средств не гарантировало спасения. Вероятнее всего, что то человечество, или называйте его как хотите, незадолго до катастрофы покинуло планету. Но они знали, что после катаклизма на Земле снова возникнет жизнь, а с ней и разум. И вот нашлась группа энтузиастов, которые решили осуществить попытку эстафеты, что ли, — словом, попытку передать свои знания тем, кто будет жить после них. Способ для этого они избрали не тривиальный.

— Подбросили нам палку? — усмехнулся Кривоколенов.

— Нет, — сказал Лагутин. — Я уже говорил, что эта вещь попала к нам случайно. Она не предназначалась нам. Она была нужна им.

— Не понимаю я, — вздохнул академик.

— Дело в том, — Лагутин помолчал недолго, собираясь с мыслями. — Дело в том, что они совершили прыжок через время. Великий Опыт, который осуществил Пта, и был этим прыжком. Они, если можно так выразиться, попытались убить двух зайцев. Во-первых, сам прыжок. Сейчас нам трудно судить о деталях. В общих же чертах, насколько это можно заключить из диомидовского рассказа, мне кажется, что их установка позволяла, как бы это получше сказать, просеивать время сквозь себя, что ли... Вспомните слова «мнимое существование». Разве это вам ни о чем не говорит?

— Положим, — сказал академик, — что их установка двигалась со скоростью света, и в силу вступил эйнштейнов парадокс. Однако...

— А если это не эйнштейнов парадокс?

— Ну, ну, — предостерегающе поднял палец академик.

— Допустим, что они преодолели световой барьер, — сказал тихо Лагутин.

Кривоколенов иронически взглянул на Лагутина.

— Будем считать это «во-первых», — сказал Лагутин. — Преодолез световой барьер, они до какого-то момента наращивали скорость установки. Это позволило им заглянуть очень далеко во вселенную. Потом, когда движение прекратилось, они оказались невообразимо отодвинутыми вперед во времени.

— На том же месте?

— Вероятно, в этом и заключается парадокс Пта, — сказал Лагутин. — Ну, а затем наступило «во-вторых». Они оказались на Земле, но на Земле, новой для них. И первое, что надо было сделать, — это приспособить себя к новым условиям существования. Они такую возможность предусмотрели и приготовились к адаптации. Мы, например, оказываясь в непривычных условиях, наденем скафандры. Они адаптировали организмы. Мне кажется, последний способ совершеннее.

— Возможно, — недоверчиво протянул академик.

— А я думаю, что именно так и было. Ведь и эволюция — это непрерывный процесс взаимодействия организма со средой и приспособление организма к среде. Они-то это знали отлично. Машина выдала им оптимальный вариант разумного существа на том этапе истории планеты, в котором они оказались.

— Фиолетовое страшилище — оптимальный вариант, повашему?

— Почему страшилище? Диомидов сказал, что они отличались от нас только цветом кожи.

— Н-да, — академик в упор взглянул на Лагутина. — Дальше можете не говорить. Догадываюсь, что вы сейчас сообщите о том, что эти существа ассимилировались среди наших первобытных предков.

— А может, они и были ими? — спросил Лагутин.

— То есть?

— Диомидов сказал мне, что в установке было много... людей, что ли? Больше трехсот. А это ведь целая колония.

— Куда вы ведете?

— Да все туда же. Я, как дятел, в одно место, в наследственную память.

— Ну, ну, — поощрил академик.

— Я долго раздумывал над всей этой историей, — сказал Лагутин. — И пришел к выводу, что самым разумным, что они могли сделать, это оставить нам свою память. И не с помощью какого-нибудь странного прибора, который мог благополучно лежать где-нибудь на дне моря, а просто войти в нас. Чтобы, когда мы повзрослеем достаточно и доберемся до способа проникать в наследственную память, мы смогли получить все то, что хотели они нам сообщить. Хранилище они выбрали надежное.

— А сами они? Что случилось с ними после адаптации?

— Вероятнее всего, они деградировали из поколения в поколение. Оторванные от привычной жизни, от комфорта, от всего того, что их окружало, они постепенно опускались, пока не встали на один уровень с нашими предками — питекантропами или неандертальцами.

— И это высокоразвитая цивилизация?

— Не забывайте, что они это делали сознательно. Они шли на это, как на подвиг. Я имею в виду первое поколение. Второе, третье или десятое уже не в счет.

— Ваше резюме? — спросил академик.

— Доказать свои предположения опытом.

— Памятрон?

— Вот именно. Другого средства нет и в ближайшее время не предвидится.

После этого разговора Лагутин сделал доклад на ученом совете. Мнения разделились. Никакого конкретного решения принято не было. И так, наверное, продолжалось бы долго, если бы в дело не вмешался случай. Пока шли дебаты и ломались копья вокруг наследственной памяти, Лагутин занимался Бухвостовым. Старик съездил в Сосенск, привел в порядок хозяйство и вновь вернулся в Москву. Теперь он ежедневно

приходил в институт. Лагутин дотошно выспрашивал старика и тщательно записывал рассказы о всех видениях, которые того посещали. «Я думаю, — сказал он Маше, — что родословная Бухвостова непосредственно восходит к адаптированным кошкочеловекам. Таких экземпляров на земном шаре, вероятно, немного».

— Потомок дикого ангела, — усмехнулась Маша.

— Вполне возможно. Помнишь записную книжку Хенгенау? У него была помощница — Луиза. Она тоже, по-видимому, прямой потомок. Потому и «поле памяти» на нее действовало сильнее. Хенгенау называл его «полем смерти». А оно скорей — «поле жизни».

— А я, — спросила Маша смеясь, — какой потомок?

— Все мы в той или иной степени потомки. Только у одних чувство «поля памяти» сильнее, а у других ослаблено.

В этот день Бухвостов пришел, как обычно, к трем. Маша вынула из ящика стола блокнот. Лагутин уселся напротив старика.

— Итак, Петр Иванович, — начал он и осекся на полуслове. Бухвостов ойкнул, дернулся и завопил:

— Дьявол! Господи, прости меня! Опять дьявола вижу!

Лагутин бросился было к нему, но Маша дернула его за рукав и, бледнея, прошептала:

— Я тоже его вижу.

— Кого? — крикнул Лагутин.

— Не знаю. Может, и дьявола в самом деле.

Лагутин посмотрел в угол комнаты, но не увидел ничего. Мгновенно вспомнил: сегодня физики из ведомства Кривоколенова собирались что-то делать с памятроном. А их бывшая лаборатория рядом, и поле доходит до этой комнаты. «Ты хорошо его видишь?» — спросил он Машу. Она кивнула. Бухвостов же, словно сорванный неведомой силой со стула, вихрем вылетел за дверь, и крик его замер где-то в коридоре.

— Давай, — хрипло пробормотал Лагутин.

— Что? — шепотом спросила Маша.

— Рассказывай, что видишь.

Маша оправилась от испуга. В ней заговорил исследователь.

— Это кошкочеловек, — сказала она. — Он стоит перед окном... Нет, это не окно... Экран, может быть... Такая светлая полоса, и на ней какое-то движение. Он входит в экран... Ой!.. Ты знаешь, я, кажется, понимаю, что это такое... Средство сообщения... Он едет... Ой... Мне что-то мешает. Будто сразу несколько кино смотрю. Все путается, изображения наслаиваются одно на другое... Все... Больше ничего нет...

— Выключили, черти, — досадливо поморщился Лагутин. — Ну, теперь-то мы их пройдем... Отработаем режим. И увидим...

И они увидели... Многое из того, что спрятано от глаз человеческих за толщей миллионов лет...

О ВОЗМОЖНОМ И НЕВОЗМОЖНОМ

Детективная фантастика или фантастический детектив, а может быть, политическая сатира, памфлет! Как определить жанр только что прочитанного произведения! Причудливо переплетаясь, эти художественные потоки составляют канву повести А. Жаренова «Парадокс великого Пта». Обыденное стоит в ней рядом с фантастическим, фантазия чередуется с детективными приключениями и острым обличением реакционных ученых Запада. И эти художественные потоки не противоречат друг другу, а создают своеобразное по жанру и увлекательное по замыслу произведение.

Пожалуй, удачнее всего автор сумел развернуть детективное повествование. Оригинальный замысел, острые ситуации, динамичное и увлекательное действие. Советским следователям противостоят умные и коварные враги. Они не делают нелепых ошибок и нарочитых просчетов, и успех чекистов достигается упорным, напряженным трудом.

А. Жаренов развивает одновременно и несколько фантастических гипотез, связанных с разными областями научных знаний. Пожалуй, главная из них, во всяком случае весь замысел произведения подчинен именно ей, — это гипотеза о цикличности развития разумной жизни на Земле. В общем этот сюжет не нов. Его уже не раз использовали писатели-фантасты в романах и рассказах об Атлантиде, Гондване, Лемурии и т. п. и о погибших там цивилизациях. Но здесь развивается идея о закономерности цикличности катаклизмов и катастроф и повторяемости эволюции жизни и разума. Бессмысленно вдаваться в дискуссию о степени правдоподобности этой гипотезы: как в ее пользу, так и против нее доказательств нет. Но в научно-фан-

тастическом плане существование ее вполне допустимо. Кстати, можно заметить, что и гипотеза об Атлантиде превратилась с накоплением научных фактов из отвлеченной фантастики в предмет научной дискуссии. Наиболее спорен один из постулатов этой фантастической гипотезы, а именно, что в каждый цикл между катаклизмами жизнь развивается до разумного уровня. Но это в конце концов не беда, тем более что А. Жаренов показывает глубокие различия между цивилизациями кошколоудей и фиолетовых существ.

Второй, не менее важной по значению фантастической гипотезой, развиваемой автором, является предположение о закреплении в видовой памяти благоприобретенного опыта и возможности «чтения» этой информации. И этой идее нельзя отказать в праве на существование. Наука знает еще очень мало о наследственной памяти, и нет ничего невозможного в том, что в ходе дальнейших исследований гипотеза, из которой исходит автор рассматриваемого произведения, окажется в той или иной мере справедливой.

Но А. Жаренов не ограничивается разработкой этих двух гипотез и расширяет фантастический ассортимент своего произведения путешествиями во времени со скоростью выше световой, перестройкой белковых структур и наконец овеществляет фантомы, извлеченные таинственным полем «памятрона» из наследственной памяти.

И здесь у читателя может появиться некоторое сомнение — не слишком ли широк круг научно-фантастических проблем, затрагиваемых автором повести, и сумел ли он справиться с этим колоссальным материалом.

Давно, невероятно давно, на Земле существовала цивилизация кошколоудей, достигшая высокого уровня технического и социального развития. Но Земле грозит катаклизм, который должен уничтожить все живое, и поэтому население покидает планету. Однако находится некоторое количество энтузиастов, решивших пожертвовать собой и передать эстафету своих знаний грядущим разумным жителям Земли. Они уходят из свое-

го времени, от своего народа, руководит ими ученый Пта, строящий машину времени, которая должна перенести кошколюдей в далекое будущее. Этот скачок в будущее и есть «Парадокс великого Пта». Оригинален способ передачи знаний. Кошколюди предполагают адаптироваться в среде избранного ими цикла развития жизни на Земле, слиться с ее разумными обитателями и передать им таким образом свою наследственную память. Как только эти обитатели достигнут определенного уровня развития, они смогут прочесть заложенную в их память информацию. Пожалуй, лучшие страницы повести связаны с описанием благородного подвига Пта и его соратников. Автор не вдается в технические детали, его больше интересует психологическая, гуманистическая сторона проблемы. И здесь он оказывается на высоте положения. Замысел Пта, скачок через время, превращение в фиолетовых людей — все это хорошо задумано и прекрасно осуществлено автором повести.

Повесть в целом свежа, увлекательна, и, что особенно важно, лежащие в ее основе идеи гуманистичны, направлены на утверждение прогрессивности развития жизни и разума.

Ярко социальную окраску имеют страницы повести, посвященные разоблачению реакционных ученых Запада, которым противопоставляются советские ученые и советская наука. Автор убедительно показывает, что только наше общество и наши ученые способны понять высокие и благородные цели, поставленные перед собой нашими предшественниками по разумной жизни, и воспользоваться их знаниями на благо человечества.

А. Жаренов удачно избегает литературных штампов, которыми порой грешат авторы, работающие в области научной фантастики. В книге выведен ряд умных и привлекательных героев. Их привлекательность не просто констатируется, а вытекает из их действий, поступков, логически и психологически оправданных. Их характеристики точны, лаконичны, образны. Успех повести в образах положительных героев. Более схематичны отрицательные персонажи. Это можно сказать о Хенгенау, его помощниках и боссах. Но и это психологически оправдано сати-

рическим направлением произведения. Зато рельефно выступает образ эмиссара Хенгенау Отто-«Ридашева». Читатель не встречается его непосредственно на страницах книги. Один раз мелькает он в окне своей мастерской, и тем не менее он представляется очень живо. Это умный и коварный хищник, то смело идущий на преступления, то затаивающийся и выжидающий. Это не ходульный злодей, а убедительный образ живого преступника, победа над которым нелегка и поэтому особенно почетна.

Несколько слов о языке книги. Наша критика не раз сетовала, притом совершенно справедливо, что многие интересные по замыслу произведения научно-фантастического жанра написаны серым, бледным языком, плохим слогом, не удовлетворяющим взыскательного читателя.

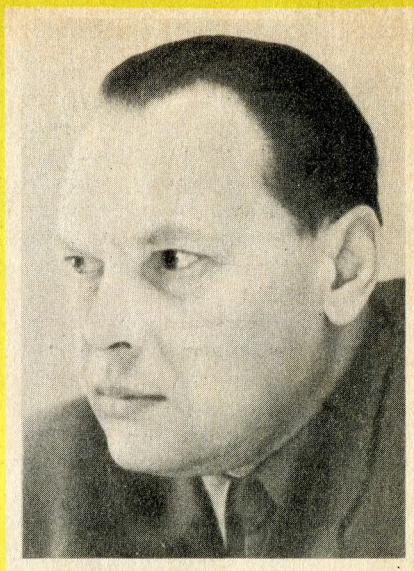
Думается, что язык повести «Парадокс великого Пта» может только порадовать своей живостью и образностью, индивидуальностью писательской манеры. Каждый персонаж говорит своим, только ему присущим языком. Хорошо построен диалог, отсутствуют пространные и праздные рассуждения. По динамичности действия повествование напоминает подчас очень хороший киносценарий. Острые и быстрые сюжетные ходы увлекают и позволяют забыть и простить отдельные неточности.

В заключение можно сказать, что в целом это произведение будит мысль, фантазию, и его достоинства лежат не только в плане «развлекательности» сюжета, а и в постановке больших научно-фантастических проблем, социальной направленности, общей гуманистической окраске.

Г. МАРКОВ,
доктор исторических наук

Сканирование - Беспалов
DjVu-кодирование - Беспалов

Анатолий Александрович Жаренов родился в 1922 году в городе Угличе Ярославской области. По образованию — журналист. Работал в газетах «Тихоокеанская звезда», «Камчатская правда». Печататься начал в 1961 году, опубликовал сборник рассказов «Конец сказки». В 1967 году в воронежском журнале «Подъем» был опубликован первый крупный роман А. Жаренова — «Яблоко Немезиды», который затем вышел отдельным изданием в Центрально-Черноземном книжном издательстве.

«Парадокс великого Пта» — первая попытка автора выступить в жанре фантастики.

38 коп.

